

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

Бортникова Алена Валерьевна

ЖАНРЫ МАЛОЙ ПРОЗЫ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА 1880-х гг.:
ПОЭТИКА ПОВЕСТВОВАНИЯ

10.01.01 – Русская литература

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Е. К. Созина

Екатеринбург
2016

Оглавление

Введение	3
Глава I. Малая проза Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг.: общая характеристика, видовая специфика, повествовательная структура ...	32
1.1. Д. Н. Мамин-Сибиряк в дореволюционной периодике и критике..	32
1.2. Видовая специфика и повествовательные особенности малой прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг.	52
1.3. Жанрово-повествовательная целостность произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка периода «второго дебюта» (1881–1882)	62
Глава II. Поэтика повествования в художественно-документальных произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг.	73
2.1. Жанр очерка-травелога и его модификации	73
2.2. Своеобразие публицистических и художественно-публицистических произведений Мамина-Сибиряка: повествовательная характеристика.....	93
Глава III. Поэтика повествования в художественно-беллетристических произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг.	118
3.1. Рассказ: основные черты и тенденции повествования.....	120
3.2. Жанровое своеобразие повести-очерка	149
Заключение	162
Список использованной литературы	167

Введение

Данное диссертационное исследование посвящено анализу повествовательной системы малой прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Творчество Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка (1852–1912) – самобытного писателя, видного представителя русского реализма XIX в., безусловно, является столь же знаковым в истории культуры всего Урало-Сибирского региона, сколь и парадоксальным в плане восприятия наследия Мамина современниками и исследователями. Парадокс заключается в том, что за творчеством уральского автора до сих пор сохраняется региональный статус, не позволивший писателю войти в число всемирно известных русских реалистов, так называемых художников «первого ряда». Это зафиксировано И. А. Дергачевым, по мнению которого Мамин-Сибиряк относится к кругу писателей, чья судьба «складывалась как-то странно»¹: писателю «в плане постижения и осмысления его творчества, понимания его роли в историко-литературном процессе – откровенно не везло как при жизни, так и после смерти»². Отставание, в т. ч. тематическое, от модернистской традиции, с расцветом которой совпали годы творческой активности писателя; идеологический отбор произведений при переизданиях Мамина в советскую эпоху и сопутствующий крен в маминской критике: восприятие Мамина-Сибиряка прежде всего как романиста, отведение ведущей роли в деле развития малых жанров этого периода А. П. Чехову (и аксиологическое «снижение» других мастеров) – таковы основные причины, по которым творчество крупнейшего художника Урала остается слабо изученным, во многом неизданным, мало известным широкому кругу читателей³. Настоящее исследование нацелено на то, чтобы привлечь внимание к

---

¹ Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Критико-биографический очерк. Свердловск, 1981. С. 3.

² Зырянов О. В. Предисловие редактора // Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения. Екатеринбург, 2013. С. 9.

³ См.: Щенников Г. К. От редакции // Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 5–10.

«забытому» творчеству Д. Н. Мамина-Сибиряка, прежде всего раннему, к необходимости оценки маминской прозы раннего периода по достоинству.

С опорой на исследования И. А. Дергачева можно выделить четыре этапа в истории изучения и постижения Д. Н. Мамина-Сибиряка, иначе – четыре этапа определения его места в историко-литературном процессе:

1. Прижизненная положительная оценка творчества писателя М. Е. Салтыковым-Щедриным, А. П. Чеховым, Н. С. Лесковым, В. Г. Короленко, выраженная преимущественно не в открытой печати, а в письмах;

2. Попытки литературоведения и критики первой трети XX в. установить своеобразие творчества Мамина за счет сближения с произведениями народнических писателей⁴;

3. В советский период (преимущественно 1940–1970-е гг.) рассмотрение Мамина в ряду писателей-реалистов, трактовка в русле «неподвижного реализма»⁵;

4. Современный этап идентификации уникальной творческой манеры уральского автора – всестороннего и глубокого изучения Д. Н. Мамина-Сибиряка как самобытного художника.

Последний этап следует начать с работ И. А. Дергачева, который едва ли не впервые по достоинству оценил место творчества Мамина в русском литературном процессе последней четверти XIX в.⁶ Позиция ученого была

---

⁴ Неведомский М. Зачинатели и продолжатели: Поминки, характеристики. Очерки по русской литературе: от дней Белинского до дней наших. Пг., 1919; Тоболин И. Капиталистический процесс в творчестве Мамина-Сибиряка // Уральский рабочий, 1923 (1 января); Боголюбов К. Обличитель эпохи рабства. К двадцатилетию со дня смерти Мамина-Сибиряка. [Статья] // За Магнитострой литературы. 1932. № 17 (5 декабря) и др.

⁵ Боголюбов Е. А. Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка : [в 4 вып.]. Молотов, 1944; Боголюбов К. В. Певец Урала: очерки жизни и творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка. Свердловск, 1939; Груздев А. И. Д. Н. Мамин-Сибиряк: Критико-биографический очерк. Москва, 1958; Пруцков Н. И. Русская классическая литература и наша современность. Москва, 1965; Муратова К. Д. Возникновение социалистического реализма в русской литературе. Москва ; Ленинград, 1966.

⁶ См.: Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Свердловск, 1977; Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк // Русская литература и фольклор (конец XIX в.). Ленинград, 1987; Дергачев И. А. Мамин-Сибиряк в литературном контексте второй

продолжена и развита в работах екатеринбургских исследователей: Г. К. Щенникова, В. В. Блажеса, О. В. Зырянова, Е. К. Созиной, Л. Н. Житковой, Л. М. Слобожаниновой, Л. С. Соболевой, Н. В. Пращерук и др. Стабильно высокий процент регулярных статейных публикаций о творчестве Мамина отличает сборники «Дергачевские чтения» (1992–2014) и «Литература Урала» (2006–2012)⁷. Несмотря на то, что в последние два десятилетия преимущественный интерес к Мамину проявляют представители Уральского региона, имеется ряд исследований, выполненных учеными из других научных центров (А. А. Алтыбаев⁸ – Ташкент (Узбекистан); С. Ф. Дмитренко⁹ – Москва; Е. Н. Евстафьева¹⁰ – Смоленск; Л. П. Якимова¹¹ – Новосибирск; Т. Климович¹² – Вроцлав (Польша), В. Л. Удалов¹³ – Луцк (Украина) и др.).

половины XIX века. Екатеринбург, 1992; Дергачев И. А. Эстетические взгляды Д. Н. Мамина-Сибиряка // Дергачевские чтения. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург, 1992; Дергачев И. А. Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка – историко-литературный парадокс: [вступ. слово на защите докт. дисс. в мае 1980 г.] // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер 2, Гуманитарные науки. 2002. № 5 (24); Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870–1890-х гг. Новосибирск, 2005 и др.

⁷ По библиографическим указателям можно выделить издания (также регионального уровня), где работы о Д. Н. Мамине-Сибиряке появляются с некоторой периодичностью («Урал», «Кормановские чтения», «Известия Урал. ун-та», «Вестник Удмурт. ун-та»), и издания с единичными исследованиями, посвященными творчеству уральского автора («Филологический класс», «Русский язык в школе», «Бирюковские чтения» и пр.). – См.: Мамин-Сибиряк Д. Н. Библиографический указатель. Свердловск, 1981; Библиографический указатель работ о Д. Н. Мамине-Сибиряке (1977–2012) // Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения. Екатеринбург, 2013.

⁸ Алтыбаев А. А. Трансформация фразеологизмов как стилистический прием в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1977.

⁹ Дмитренко С. Ф. Художественное своеобразие святочных рассказов Д. Н. Мамина-Сибиряка: канон жанровой формы, возможности его преобразования // Дергачевские чтения – 98. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1998.

¹⁰ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 2 т. / сост. и коммент. Е. Н. Евстафьевой. Москва, 1999; Евстафьева Е. Н. Д. Н. Мамин-Сибиряк в оценке русской критики (60-е – 90-е годы XX века) // Дергачевские чтения-2000: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2001.

¹¹ Якимова Л. П. Архетипические черты «особенного человека» в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Без названия» // Урал. ист. вестник. 2009. № 1 (22); Якимова Л. П. Чехов и Мамин-Сибиряк: точки пересечения // Сибирские огни. 2010. № 7; № 8; Якимова Л. П.

Для всестороннего изучения творчества писателя требуется не только подробное, полное описание разных этапов эволюции Мамина, не только разноаспектное исследование его текстов, но и полноценное их издание и переиздание. Если проблема переиздания известных трудов Мамина-Сибиряка и издания малоизвестных его работ начала решаться в рамках проекта «Полное собрание сочинений» в 20 т., инициированного Уральской литературоведческой школой и поддержанного Правительством Свердловской области в 2002 г., то проблема разностороннего изучения творчества писателя пока далека от разрешения¹⁴. При этом можно констатировать явное исследовательское предпочтение романного творчества автора в качестве материала изучения, хотя до сих пор практически половина маминских романов – «забытая страница русской романистики» (Н. В. Пращерук), «terra incognita» (О. В. Зырянов)¹⁵.

Все эти обстоятельства определяют **актуальность** нашего исследования, посвященного изучению малых прозаических жанров в творчестве Мамина 1880–1890-х гг. Пришедшиеся преимущественно на ранний период его работы, эти тексты публиковались в региональных изданиях, часто труднодоступных, не переиздавались позднее. Даже единственное целиком вышедшее в свет «Полное собрание сочинений» (изд. Т-ва А. Ф. Маркс, 1915–1917, 12 т.) содержит далеко не всю малую прозу

Рассказы Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. «В худых душах» и «Все мы хлеб едим // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Екатеринбург, 2010. – Вып. 5. С. 422–436.

¹² Klimowicz T. *Dmitrij Mamin-Sibiriak i problemy naturalizmu w literaturze rosyjskiej*. Wrocław, 1979.

¹³ Удалов В. Л. Пьеса Д. Н. Мамина-Сибиряка «На золотом дне» – финальная редакция «Золотопромышленников» // Уральский исторический вестник. 2012. № 1. С. 97–102; Удалов В. Л. Новый тип пьесы: комедия Д. Н. Мамина-Сибиряка «Маленькая правда» // Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения. Екатеринбург, 2013. С. 320–330.

¹⁴ Попыткой обобщить современные исследования явилась коллективная монография: Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения. Екатеринбург, 2013.

¹⁵ См.: Зырянов О. В. Предисловие // Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения. Екатеринбург, 2013. С. 6; Пращерук Н. В. Забытый роман Д. Н. Мамина-Сибиряка // Кормановские чтения. Вып. 13. Ижевск, 2014. С. 133 и др.

Мамина. На этом основании Г. К. Щенников заключал, что это собрание, «хотя и называлось полным, но не отвечало статусу такого типа издания», после чего приводил ряд не вошедших в него «ранних сочинений писателя»¹⁶.

Вместе с тем, было бы неверно утверждать, что малая проза Д. Н. Мамина-Сибиряка остается совсем не охваченной исследователями. В изысканиях и разработках Уральской литературоведческой школы (в рамках которой выполнено и данное исследование) можно выделить целый ряд вопросов, достаточно глубоко исследованных на материале этих текстов, а именно:

– историзм и автобиографизм Д. Н. Мамина-Сибиряка (Л. С. Соболева, Л. М. Митрофанова, Е. К. Созина, Л. И. Миночкина, Л. Н. Житкова и др.);

– поэтика пространства и времени в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка (В. В. Абашев, Г. Л. Девятайкина, Н. А. Кунгурцева, О. К. Лагунова, Ю. В. Ключкова и др.);

– типология маминских персонажей и образов (Н. В. Пращерук, Е. Е. Приказчикова, Г. Ю. Комогорцева, Л. С. Соболева и др.);

– исследование жанровых особенностей рассказов Мамина и принципов их циклизации – на примере книги «Уральские рассказы» (О. В. Зырянов);

– языковые характеристики, отличительные особенности речевого портрета Д. Н. Мамина-Сибиряка (Г. Л. Девятайкина, В. Н. Кардапольцева, Л. М. Митрофанова, а также ряд исследователей, непрямо связанных с Уральской школой);

– сопоставление произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка с творчеством писателей-современников (Е. К. Созина, О. В. Зырянов, Л. П. Якимова и др.).

Разумеется, каждый исследователь касается всех перечисленных аспектов в той или иной мере, поэтому такое распределение можно принять с

---

¹⁶ Щенников Г. К. От редакции // Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 5.

известной условностью, продиктованной доминирующим в работах исследователя вопросом. Частично перечисленные аспекты укладываются в региональный контекст изучения: маминский историзм связан, в первую очередь, со старообрядчеством на Урале; спациопэтика (поэтика художественного пространства) произведений писателя связана, естественно, с поэтикой уральского ландшафта; речевые особенности маминских персонажей описываются через особенности их говора, уральских диалектизмов. Однако региональный аспект неотрывен от общерусского историко-литературного контекста, в который было и остается погруженным творчество Мамина-Сибиряка. В этом контексте изучаются вопросы тематической, жанровой соотнесенности творчества Мамина с художественными жанрами других авторов второй половины XIX в.

Рассмотрение жанровой специфики малой прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. в аспекте поэтики повествования определяет **новизну** данного исследования. Помимо ввода в научный оборот ряда произведений уральского писателя, ранее не становившихся предметом специального рассмотрения, **новым** является применение теории повествования для жанровой идентификации. Это позволяет выявить повествовательные, тематические, жанровые доминанты в малой прозе уральского писателя в 80-е гг. XIX века – период, сыгравший организующую роль в его авторском становлении.

Очерки и рассказы Мамина 1880-х гг. в высшей степени разнообразны и экспериментальны, нельзя также не видеть их решающую роль в становлении более крупных жанров (повесть, роман) и в формировании явлений циклизации в творчестве писателя (сборники «Уральские рассказы», «Сибирские рассказы», циклы «В дороге», «Встречи» и пр.).

Использование нарратологических концепций сегодня определяет многие направления не только литературоведческих, но и общегуманитарных исследований. Сама теория повествования имеет достаточно обширную историю развития. Попытки рассмотрения особенностей повествовательных

структур прямо или косвенно предпринимались в разное время во многих литературоведческих теориях и концепциях. Наиболее продуктивными выступают исследования, цель которых – выявление особенностей нарративной структуры при интерпретации смысла произведения. Важными для развития нарратологии как науки явились идеи русских формалистов (В. Я. Пропп, Б. М. Эйхенбаум, В. Б. Шкловский, М. А. Петровский, Б. В. Томашевский), диалогическая концепция повествования (М. М. Бахтин), структурные, семиотические теории западных исследователей (К. Леви-Стросс, Р. Барт, Ц. Тодоров, А. Греймас, С. Чэтман, Ж. Женетт, В. Шмид), теория читательского восприятия (В. Айзер). Однако при обращении к анализу художественного повествования возникал и возникает в настоящее время ряд сложностей: во-первых, разнообразие трактовок самого термина в отечественных и зарубежных исследованиях, во-вторых, вытекающая из первого проблема определения единиц, входящих в структуру повествования. Обращая внимание на многозначность термина, французский исследователь Ж. Женетт связывает с данным обстоятельством ряд особенностей нарратологии: *récit* [рассказ, повествование] обозначает и повествовательное высказывание, и последовательность событий, и некое событие (некто рассказывает нечто) – сам акт повествования¹⁷.

Немецкий исследователь В. Шмид, характеризуя признаки отнесения текстов к повествовательному разряду, отмечает: в классической теории повествования, прежде всего – в теории немецкого происхождения, называемой *Erzählforschung* или *Erzähltheorie* (теория повествования), «...к нарративному, или повествовательному, разряду произведения причислялись по признакам коммуникативной структуры»¹⁸, то есть при наличии «опосредующей инстанции», «посредника между автором и миром произведения» (повествователь – рассказчик – нарратор), сквозь призму

---

¹⁷ См.: Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. Т. 2. Москва, 1998. С. 63–64.

¹⁸ Шмид В. Нарратология. Москва, 2003. С. 11.

восприятия которого явлен внутритекстовый мир¹⁹. Напротив, в структуралистской нарратологии, сформировавшейся позже, «...решающим в повествовании является не столько признак структуры коммуникации, сколько признак структуры самого повествуемого»²⁰, то есть к нарративным текстам причисляются излагающие «некую историю», изображающие «событие»²¹. Хронологически доструктуралистская фаза длилась до середины 60-х годов, структуралистская – до конца 80-х, затем ее сменила постструктуралистская²². Таким образом, в течение XX в. сформировались две традиции в понимании нарративности произведения: рассматривающая текст как многоуровневый коммуникативный акт – и как особую структуру. С 1970–80-х гг. предпринимались попытки синтезировать данные подходы, об их продуктивности свидетельствуют современные работы В. Шмида, В. М. Марковича, В. И. Тюпы, Н. Д. Тamarченко, И. В. Силантьева и др.

При исследовании повествовательных особенностей произведения в структуралистской нарратологии широко использовалась типология, основанная на различении грамматических форм. Немецкий исследователь Э. Лайбфрид в 1970-е годы предложил учитывать не только форму повествования, но и характер опосредующей инстанции, исходя из этого выделил четыре нарративных типа: «1) внутренняя перспектива, я-форма (персонаж рассказывает историю от первого лица, в которой он сам принимает участие); 2) внутренняя перспектива, он-форма (персонаж рассказывает историю от третьего лица, участником которой он является); 3) внешняя перспектива, я-форма (повествователь использует грамматическую форму первого лица, чтобы рассказать историю, в которой он не участвует); 4) внешняя перспектива, он-форма (нарратор в третьем лице рассказывает

---

¹⁹ См.: Шмид В. Нарратология. Москва, 2003. С. 11–12.

²⁰ Шмид В. Нарратология. Москва, 2003. С. 12.

²¹ См.: Шмид В. Нарратология. Москва, 2003. С. 12–13.

²² См.: Schernus W. *Verfahrensweisen historischer Wissenschaftsforschung Exemplarische Studien zu Philosophie, Literaturwissenschaft und Narratologie*. Hamburg, 2005. S. 299.

историю, в которой он отсутствует как действующее лицо)»²³. В этот же период в работах русских исследователей К. Н. Атаровой и Г. А. Лесскиса²⁴ не менее подробно рассмотрены формы повествования от первого, третьего лица (I ф., III ф.) с учетом соотношения позиций автора и повествователя, однако пристальное внимание было обращено не только на структурные, но и на *семантические* (Курсив наш. – А. Б.) особенности названных форм. Так, повествование в I ф. характеризовалось достоверностью, субъективностью, отсутствием разрыва между временем события и его описанием и т. д.; повествование в III ф. – семантикой вымысла, объективностью, полнотой изображения и т. д. В 1990-х – начале 2000-х гг. Н. Д. Тамарченко, с учетом, в частности, типологии Э. Лайбфрида и классификации К. Н. Атаровой и Г. А. Лесскиса, производит следующее разделение, ставшее общепринятым: «1) дистанцированное изображение безличным субъектом персонажа, именуемого в третьем лице (Он-повествование); 2) высказывания о событиях от первого лица, как правило, участника событий (Я-повествование)»²⁵.

Однако исследование форм повествования в развивающихся концепциях нарратологии не всегда являлось центральным, тем более что при анализе форм повествования исходна проблема «субъекта видения»²⁶, то есть, в терминологии Н. К. Гей, отношений «двучленных: персонаж – автор или рассказчик – персонаж» либо «трехчленных: персонаж – повествователь – автор»²⁷. Эта ориентация отразилась в выдвигании на первый план понятия точки зрения – что наблюдается в работах и западных, и отечественных исследователей. Французский ученый Ж. Женетт в знаменитом сборнике

---

²³ Цит. по: Современное зарубежное литературоведение. Москва, 1999. С. 64.

²⁴ Атарова К. Н., Лесскис Г. А. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. Т. 35, № 4. С. 343–356; Атарова К. Н., Лесскис Г. А. Семантика и структура повествования от третьего лица в художественной прозе // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. Т. 39, № 1. С. 33–46.

²⁵ Теория литературы : учеб. пособие: в 2 т. Т. 1. Москва, 2004. С. 235–236.

²⁶ Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва, 1979. С. 35.

²⁷ Гей Н. К. Проза Пушкина. Поэтика повествования. Москва, 1989. С. 7.

статей «Фигуры», впервые выпущенном в 1966–1972 гг. (рус. пер. 1998 г.), разграничивает вопросы «кто видит?» и «кто говорит?» именно с помощью категории фокализации (точки зрения): «видение “сзади” – нулевая фокализация, видение “с” – внутренняя фокализация, видение “извне” – внешняя фокализация»²⁸, рассматривает названную категорию также во взаимосвязи с модальностью. Место повествователя («кто говорит?») Женетт характеризует категорией голос (залог)²⁹. Таким образом, согласно его концепции, событие рассказывания есть взаимодополнение двух основных систем: системы фокализации (кто видит?) и системы голосов (кто говорит?). О точке зрения говорит и Поль Рикер, но в более общем виде: «В рассказе от третьего или от первого лица <проявляется – А. Б.> ориентация взгляда повествователя на персонажи и взгляда одних персонажей на других»³⁰.

Известный русский литературовед Б. А. Успенский в книге «Поэтика композиции» (1970), рассматривая «типологию точек зрения в связи типологией композиционных возможностей текста»³¹, в наибольшей степени останавливается на смысловых моментах. Б. А. Успенский выделяет несколько планов в понимании «авторских позиций, с которых ведется повествование»³² (или точек зрения): «план идеологии (отношение между философскими, нравственными, политическими и т. п. позициями субъекта и объекта, видение предмета в свете определенного мировосприятия), план фразеологии (отношение между речевыми манерами субъекта и объекта, то есть разные герои описываются разным языком), пространственно-временной план (отношение между субъектом и объектом во времени и пространстве, по сути, это место повествователя, которое может совпадать с

---

²⁸ Цит. по: Современное зарубежное литературоведение. Москва, 1999. С. 148.

²⁹ Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. Т. 2. Москва, 1998. С. 225–229.

³⁰ Рикер П. Время и рассказ: в 2 т. Т. 2. Москва ; Санкт-Петербург, 2000. С. 100.

³¹ Успенский Б. А. Поэтика композиции. Санкт-Петербург, 2000. С. 17.

³² Там же. С. 17.

местом персонажа) и план психологии (авторская позиция опирается на ту или иную индивидуальную позицию)»³³.

В 1990-е годы Н. А. Кожевникова делает ключевым понятие точки зрения при изучении формально-речевой организации текста. В частности, она рассматривает взаимоотношение точек зрения, способы передачи точки зрения персонажа (несобственно-авторское повествование, цитация)³⁴.

С м е ш а н н у ю концепцию в отношении точки зрения, трактуемой как «образуемый внешними и внутренними факторами узел условий, влияющих на восприятие и передачу событий»³⁵, мы находим в трудах современного немецкого литературоведа В. Шмида. Его систематическая модель предполагает среди прочих перцептивную, идеологическую, пространственную, временную, языковую, а также нарраториальную и персональную точки зрения³⁶.

Если в первом издании книги «Нарратология» (2003) автор опирался на понятие нарративности, сформировавшееся в структуралистской нарратологии³⁷, то во втором издании (2008) исследователь сделал знаменательную оговорку, касающуюся выбора концепций: «Первая, традиционная, – слишком ограничена, а вторая, структуралистская, недостаточно дифференцирована. Поэтому здесь предлагается смешанная концепция»³⁸. Таким образом, опираясь на современные представления о коммуникативной структуре текста, он объединяет подходы доструктуралистской теории повествования и структуралистской нарратологии, но все-таки с бóльшим акцентом на последнюю. Ученый выделяет несколько коммуникативных уровней с функционирующими на них повествовательными инстанциями: 1) затекстовый уровень, где

---

³³ Успенский Б. А. Поэтика композиции. Санкт-Петербург, 2000. С. 18.

³⁴ Кожевникова Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. Москва, 1994.

³⁵ Шмид В. Нарратология. Москва, 2003. С. 121.

³⁶ Там же. С. 127–143.

³⁷ Там же. С. 12.

³⁸ См.: Шмид В. Нарратология. Москва, 2008. С. 15.

находятся конкретный автор и конкретный читатель; 2) уровень литературного произведения с теоретическими конструктами абстрактного автора и читателя; 3) уровень изображаемого мира с фиктивными нарратором и фиктивным читателем; 4) уровень повествуемого мира с персонажами³⁹. Вместе с тем, Шмид уделяет внимание и самой структуре повествуемого, утверждая, в частности, что «...наиболее влиятельной из всех порождающих моделей нарративного конституирования оказалась выдвинутая русскими формалистами дихотомия “фабула – сюжет”»⁴⁰, почему не менее важными в ходе его нарратологического анализа становятся связанные с названной парой четыре нарративных уровня: «события (происшествия)», «история», «наррация», «презентация наррации»⁴¹. В обоих изданиях своей книги В. Шмид настойчиво подчеркивает, что «...нарратология как особая общегуманитарная дисциплина в России в настоящее время только формируется»⁴². Однако исследование проблем повествования в отечественном литературоведении предпринималось еще с начала XX в. (В. Я. Пропп, Б. М. Эйхенбаум, В. Б. Шкловский). И если структурализм, например, возник на русской почве отчасти под влиянием зарубежных работ, то уже в 1950–1960-е гг. в России появились классические исследования о содержательно-смысловых повествовательных единицах⁴³.

Справедливым будет отметить, что единства в толковании термина «повествование» среди русских исследователей также не наблюдается. Так, В. А. Грехнев определял его как «манеру ведения речи, способ рассказывания, зависящий от ее субъекта»⁴⁴. Согласно концепции

---

³⁹ Шмид В. Нарратология. Москва, 2003. С. 39–40; Москва, 2008. С. 44–45.

⁴⁰ Шмид В. Нарратология. Москва, 2008. С. 138.

⁴¹ См.: Шмид В. Нарратология. Москва, 2008. С. 153–155.

⁴² Шмид В. Нарратология. Москва, 2003. С. 9; Москва, 2008. С. 9.

⁴³ См., например: Виноградов В. В. О языке художественной прозы. Москва, 1959; Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм: Эпос. Лирика. Театр. Москва, 1968; Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Москва, 1970; Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Москва, 1975 и др.

⁴⁴ Грехнев В. А. Словесный образ и литературное произведение. Нижний Новгород, 1997. С. 167.

Н. Д. Тмарченко, повествование является «совокупностью фрагментов текста эпического произведения, приписанных автором-творцом “вторичному” субъекту изображения и речи (повествователю, рассказчику) и выполняющих “посреднические” (связывающие читателя с художественным миром) функции»⁴⁵. Б. О. Корман рассматривал в качестве повествования не весь текст, а ту его «часть, которая принадлежит субъекту сознания (в его речевую “зону” включены речевые “зоны” персонажей в виде косвенной и несобственно-прямой речи), связанному со своими объектами пространственной и временной точкой зрения»⁴⁶. Идея принадлежности повествования субъекту сознания перекликается в целом с диалогической концепцией М. М. Бахтина, отмечавшего, что повествование возникает, обретает форму в процессе «проведения темы по разным голосам – за счет неотменной многоголосости и разноголосости ее», однако сохраняет свою безусловную принадлежность авторскому «Я»⁴⁷. Б. О. Корман останавливался на вопросе о субъектной организации произведения, то есть на «соотнесенности текста с субъектами речи»⁴⁸, указывая на то, что «следует различать формально-субъектную (соотнесенность разных частей текста с субъектами речи) и содержательно-субъектную (соотнесенность отрывков текста с субъектом сознания) организации текста»⁴⁹. При этом изучение авторской позиции предполагает «определение отношения между формально-субъектной и содержательно-субъектной организациями текста»⁵⁰. Б. О. Корманом была также дана наиболее широкая характеристика точек зрения как содержательно-смысловых компонентов: а) физическая и временная «точки зрения» – в них при непосредственном восприятии

---

⁴⁵ Тмарченко Н. Д. Повествование // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины. Москва, 1999. С. 295.

⁴⁶ Корман Б. О. Теория литературы. Ижевск, 2006. С. 434.

⁴⁷ Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва, 1979. С. 7–180.

⁴⁸ Корман Б. О. Теория литературы. Ижевск, 2006. С. 103.

⁴⁹ Там же. С. 103.

⁵⁰ Там же. С. 103.

выдвигается объект, читатель при этом совмещен с субъектом сознания, внимание его устремлено на объект сознания, в) при идейно-эмоциональной «точке зрения» на первый план выдвигается отношение между субъектом и объектом, то есть внимание читателя устремлено на объект в его отношении к субъекту, г) во фразеологической «точке зрения» при непосредственном восприятии внимание уделяется и объекту, и отношениям между субъектом и объектом⁵¹.

Таким образом, в отечественном литературоведении при изучении особенностей повествования внимание сосредотачивалось на выявлении не столько формальных аспектов понятий, сколько на их семантическом наполнении.

С конца 1980-х гг. повествование стало вызывать пристальный интерес у исследователей не в качестве самостоятельного объекта исследования, а в качестве аппарата социально-гуманитарных исследований. Присутствие нарративных структур и техник в истории, философии и науке, искусстве, как и в литературе, осмысливается сегодня учеными⁵². В работах российских литературоведов в настоящее время можно наблюдать уже своеобразный методологический синтез собственно нарратологии и исторической поэтики литературного повествования⁵³, своеобразный переход от ее прежней узкой версии, для которой характерны уверенность в возможности строгого научного изучения нарратива по преимуществу лингвистическими средствами, сосредоточенность на формально-синтаксических характеристиках нарратива в ущерб (как это осознается сегодня) изучению закономерностей создания его смысла, к новой широкой версии, нацеленной,

---

⁵¹ Корман Б. О. Теория литературы. Ижевск, 2006. С. 184–185.

⁵² Янков И. В. Нарратив в историческом освоении действительности: феномен обновления и социокультурный смысл: дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1997; Ковыршина С. В. Философская автобиография как форма духовного творчества, жанр дискурса и нарратив эпохи: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2004 и др.

⁵³ См.: Нарративные традиции славянских литератур (Средневековье и Новое время). Новосибирск, 2007. С. 4. – Близкие идеи развивал и С. Н. Бройтман. См.: Теория литературы : учеб. пособие: в 2 т. Т. 2. Москва, 2004.

во-первых, на изучение смысловых компонентов повествования, во-вторых, на его «широкое» понимание, предполагающее изучение природы, форм, функционирования, правил создания и развития нарративов.

При сохраняющемся внимании ученых, учитывающих опыт западных коллег, к коммуникативной природе текста в современном отечественном литературоведении в ходе анализа структуры повествования все более используются традиционные составляющие – мотив, фабула, сюжет. По замечанию В. И. Тюпы, «в художественном нарративе, действительно, нет ничего нейтрального, незначимого. Здесь даже однообразие, повтор, демонстративная бессобытийность – художественно событийны, но уже в рамках коммуникативного события рассказывания...»⁵⁴ Этот подход успешно развивает И. В. Силантьев, представитель Сибирской литературоведческой школы. Основной его вклад в теоретическую поэтику состоит в новом обосновании категории «мотив», в приведении связей ее с другими элементами художественного произведения. С точки зрения этого автора, мотив имеет отношение к нарративу: «мотив репрезентирован событиями, которые суть единицы повествования <...> иначе говоря, мотив есть обобщение событий <...> следовательно, мотив есть единица обобщенного уровня повествования, то есть собственно языка повествования»⁵⁵. Исследователь также высказывает мысль о том, что «мотив непосредственно не явлен в повествовании, но репрезентирован событиями, подобными в своем содержании»⁵⁶, замечая, что именно мотив как категория, наделенная предикативностью, «продвигает» повествование, развертывая событийную перспективу⁵⁷. Более того, И. В. Силантьев, рассматривая также сюжетологию в качестве подхода, направленного на изучение сюжета как

---

⁵⁴ См.: Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова). Тверь, 2001. С. 21.

⁵⁵ См.: Силантьев И. В., Тюпа В. И., Шатин Ю. В. Мотивный анализ. Новосибирск, 2004. С. 78.

⁵⁶ Силантьев И. В. Сюжетологические исследования. Москва, 2009. С. 12.

⁵⁷ Там же. С. 13.

способа повествования, указывает на то, что сам сюжет выступает как один из аспектов повествования⁵⁸. При этом фабула и сюжет в качестве сопряженных аспектов нарратива конструируются в процессе его интерпретации⁵⁹. При этом мотив соотносится с сюжетом не прямым образом – а в плане прагматики события, то есть в плане того смысла, который получает событие в сюжете⁶⁰.

Помимо названных категорий, важной для характеристики повествовательных особенностей является жанровая принадлежность текста. Вслед за уже упоминавшимися немецкими и французскими нарратологами отечественные исследователи (Ю. В. Манн, И. В. Гуревич, Н. К. Гей, Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, Н. Л. Лейдерман и мн. др.) сходятся во мнении, что «повествование относится к плану жанровой структуры»⁶¹, а жанровое определение является, в свою очередь, одной из стадий нарратологического анализа.

Поэтому наряду с категориями повествования одной из центральных в нашей работе является категория жанра. Мы руководствуемся точкой зрения В. В. Кожина, отраженной в «Литературном энциклопедическом словаре»: «Жанр – исторически складывающийся тип литературного произведения (роман, поэма, баллада и т. д.); в теоретическом понятии о жанре обобщаются черты, свойственные более или менее обширной группе произведений...»⁶² Важнейшее свойство литературного жанра – его «память»,

---

⁵⁸ Силантьев И. В. Сюжетологические исследования. Москва, 2009. С. 7, 11.

⁵⁹ Силантьев И. В. Мотив как единица художественного повествования // Русская литература XIX–XX вв.: Поэтика мотива и аспекты литературного анализа. Новосибирск, 2004. С. 151.

⁶⁰ См.: Силантьев И. В., Тюпа В. И., Шатин Ю. В. Мотивный анализ. Новосибирск, 2004. С. 121; Бальбуров Э. А. Мотив и канон // Сюжет и мотив в контексте традиции: материалы к словарю сюжетов и мотивов рус. литературы. Новосибирск, 1998. Вып. 2. С. 11.

⁶¹ Более подробно см.: Банах И. В. Структура повествования в жанре путешествия (на материале русской литературы конца XVIII – первой трети XIX вв.). Гродно, 2005. С. 4. См. также: Практикум по жанровому анализу литературного произведения / Н. Л. Лейдерман [и др.]. Екатеринбург, 1998.

⁶² Кожин В. В. Жанр литературный // Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. С. 106.

сохранение «некоторых устойчивых содержательных и формальных черт, позволяющих говорить о жанровой традиции <...> и литературной преемственности»⁶³. В исторических (диахронических) концепциях жанра и его эволюции часто приводят слова М. М. Бахтина: «Жанр – представитель творческой памяти в процессе литературного развития»⁶⁴.

Каждый жанр «обладает комплексом устойчивых свойств»⁶⁵. Выделение этих свойств, черт, признаков – составляющих жанра – служит предметом многолетних споров в теории литературы. Даже не претендуя полно охватить все попытки, предпринимавшиеся для определения признаков жанра в разное время, уже для демонстрации их огромного разнообразия достаточно назвать следующие:

– приемы: «обрамление», «нанизывание», их комбинации («приемы параллели»), преломляющиеся в ходе литературной эволюции «доминанты» – В. Б. Шкловский, Ю. Н. Тынянов;

– «тематические и композиционные элементы произведения» – В. М. Жирмунский;

– «система изображенных предметов и передающая форма, а также отношение автора»⁶⁶ – S. Sierotwieński, G. von Wilpert, A. Lazarus;

– «объем и соответствующая общая структура произведения»⁶⁷ – В. В. Кожин;

– величина, «теснейшим образом увязанная с сюжетом»⁶⁸, возникновение которой также зависит от возникновения сюжетов – О. М. Фрейденберг, а также И. В. Силантьев, Ю. В. Шатин;

---

⁶³ Николаев П. А. Литературные жанры // Введение в литературоведение: Учеб. для филол. спец. ун-тов. Москва, 1988. С. 398.

⁶⁴ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва, 1972. С. 179.

⁶⁵ Хализев В. Е. Теория литературы. Москва, 1999. С. 319.

⁶⁶ Sierotwieński S. Słownik terminów literackich. Wrocław, 1966. S. 98. – См. также: Wilpert G. von. Sachwörterbuch der Literatur. Stuttgart, 1989. S. 320–321; Lazarus A. Modern English. New York, 1971.

⁶⁷ Кожин В. В. Жанр литературный // Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. С. 106.

⁶⁸ Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. Москва, 1997. С. 13.

– «категория или тип художественных произведений, имеющих особую форму, технику или содержание»⁶⁹ – Н. Shaw;

– «тип художественного содержания», «один из стилеобразующих факторов»⁷⁰ – Г. К. Косиков;

– «тип словесно-художественного произведения как целого, а именно: 1) реально существующая... разновидность произведений; 2) идеальный тип (логически сконструированная модель) литературного произведения»⁷¹ – Н. Д. Тамарченко;

– «жанровое содержание», «элементы жанровой формы, или носители жанра», «жанровые мотивировки», соответствующие намеченным еще в Античности «контурам общей модели жанра» – плану содержания, плану структуры и плану восприятия⁷² – Н. Л. Лейдерман и др.

Несмотря на разницу определений и трактовок, все исследователи-сторонники жанрологического подхода так или иначе признают повествование жанрообразующим фактором, а компоненты повествования – «носителями жанра ... работающими на его “постройку”»⁷³. В числе таких элементов художественного произведения Н. Л. Лейдерман называет субъектную организацию, хронотоп, ассоциативный фон, интонационно-речевую организацию. «В каждом жанре, – указывал исследователь, – складывается устойчивое соотношение между носителями», активизирующее в сознании читателя и «память жанра»⁷⁴.

В отличие от жанрологического, нарратологический подход к соотношению повествования и жанра отталкивается от повествования, которое, будучи анализируемым через посредство разных своих компонентов

---

⁶⁹ Shaw H. Dictionary of Literary Terms. New York, 1972. P. 172.

⁷⁰ Косиков Г. К. О принципах повествования в романе // Литературные направления и стили. Москва, 1976. С. 65.

⁷¹ Теоретическая поэтика: понятия и определения: хрестоматия для студентов. Москва, 2002. С. 270.

⁷² Лейдерман Н. Л. Движение времени и законы жанра. Свердловск, 1982. С. 22–27. См. также: Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Исследования и разборы. Екатеринбург, 2010.

⁷³ Лейдерман Н. Л. Движение времени и законы жанра. Свердловск, 1982. С. 24.

⁷⁴ См.: Лейдерман Н. Л. Движение времени и законы жанра. Свердловск, 1982. С. 26.

(не только названных Н. Л. Лейдерманом), может выходить за рамки жанра, иначе – определяться полижанровой структурой. «Категория повествования – со своих позиций – охватывает весь материал художественной системы, <в т. ч. полижанровой – А. Б.> ибо только через повествование он и может быть явлен читателю»⁷⁵. Сказанное, однако, не означает, что эти подходы противоречат друг другу. Так, И. В. Банах отмечает: «Повествование соотносится с содержательной стороной жанра <...> при этом каждый жанр в процессе своего функционирования вырабатывает свои собственные “типовые” формы повествования, имеющие устойчивый характер»⁷⁶. С одной стороны, жанр задает основные векторы повествования, в отдельных случаях может влиять на сюжет (ср., например, жанр путешествия, баллады и т. д.); с другой стороны, «изменения в повествовательной структуре обеспечивают и трансформацию жанровой парадигмы»⁷⁷. Этим взаимовлиянием и определяется взаимозависимость «общей структуры» произведения (В. В. Кожин) и его жанровой принадлежности. Под «общей структурой» в нашей работе понимается именно повествовательная структура каждого из этих произведений. В этой структуре разные исследователи выделяют разные компоненты, что связано не только с различиями в трактовке «жанра», но и с несовпадающими, зачастую даже противоположными дефинициями того, что такое «повествование».

За последнее время появилось немало диссертаций и монографий, где исследуется повествовательная система конкретных авторов. Остановимся на важнейших.

Исследовательница Т. А. Алпатова в монографической работе «Проза Н. М. Карамзина: поэтика повествования»⁷⁸ развивает концепцию динамической поэтики повествования, заявляя, что «...в анализе поэтики

---

⁷⁵ Чудаков А. П. Поэтика Чехова. Москва, 1971. С. 5.

⁷⁶ Банах И. В. Структура повествования в жанре путешествия (на материале русской литературы конца XVIII – первой трети XIX вв.). Гродно, 2005. С. 6.

⁷⁷ Там же. С. 7.

⁷⁸ Алпатова Т. А. Проза Н. М. Карамзина: поэтика повествования. Москва, 2012.

повествования нет и не может быть заранее заданных, извне приложимых к конкретному тексту “схем”. Сам по себе анализ также делается “живым”, “динамичным”, “становящимся”, подобно повествованию как своему непосредственному объекту»⁷⁹. По ее мнению, разнообразие прозы Карамзина (и в формальном, и в содержательном отношении), принципиально новое отношение художника к организации материала рождает и особый способ анализа повествовательного рисунка. Такой способ анализа, по Т. А. Алпатовой, в большей степени основан на содержательной стороне повествования – «пространственно-временная структура, специфика сюжетостроения, <...> особенности авторского самоосмысления/самоописания текста»⁸⁰.

В монографии Е. А. Акелькиной «“Записки из Мертвого дома” Ф. М. Достоевского: формирование поэтики очеркового повествования (1840–1860-е годы)»⁸¹ повествование также рассматривается как «сложное динамическое целое, дающее ключ к единству художественного мира произведения»⁸². Однако в центр исследования ставится идея о том, что для Достоевского «процесс формирования многосубъектного очеркового повествования играл важную роль не только в плане совершенствования его художественного мастерства, но и в мировоззренческом плане»⁸³. Таким образом, для автора исследования наиболее важным при исследовании становится обнаружение связи жанр-повествование, в ходе работы выявляется организующая роль автора-«летописца», «характер авторского эпического сознания, жанрообразующий смысл динамики повествования»⁸⁴ и т. д.

---

⁷⁹ Алпатова Т. А. Проза Н. М. Карамзина: поэтика повествования. Москва, 2012.. С. 9.

⁸⁰ Там же. С. 32–33.

⁸¹ Акелькина Е. А. «“Записки из Мертвого дома” Ф. М. Достоевского: формирование поэтики очеркового повествования (1840–1860-е годы)». Омск, 2007.

⁸² Там же. С. 11.

⁸³ Там же. С. 135.

⁸⁴ Там же. С. 136.

Анализ повествовательных особенностей с упором на подробную характеристику образа повествователя с его различными функциями представлен в диссертационном исследовании Т. А. Алексеевой «Поэтика повествования в рассказах Н. С. Лескова»⁸⁵. Автор рассматривает эволюцию «повествовательных ситуаций» в русской литературе XIX в., отмечает оригинальность и особость положения произведений Лескова с учетом данной эволюции. Анализ временного плана, анализ оценочности повествования представлены с учетом организующей роли особого образа повествователя, актуальной и для выбранных исследовательницей рассказов, и для всего творчества Н. С. Лескова целиком.

Повествование с точки зрения взаимодействия в нем идейно-структурных уровней рассматривается И. П. Вантенковым в работе «Структура повествования в рассказах И. А. Бунина (1890–1916 гг.)»⁸⁶. Помимо анализа системы авторских осмыслений, рассмотрения проблемы автора-повествователя И. П. Вантенков предпринимает попытку проследить эволюцию бунинской повествовательной системы, выявить «взаимосвязь и соотнесенность его <Бунина> поэтики и стиля как с литературной традицией, так и с особенностями современного ему литературного процесса»⁸⁷. Эволюция бунинской системы повествования рассматривается также Т. Я. Каменецкой в работе «Эволюция повествования в произведениях Бунина 1910–1929-х годов»⁸⁸. Исследовательница углубляет существующие представления о характере авторского выражения в малой прозе Бунина. В рассматриваемых очерках и рассказах выявляется: диалог точек зрения,

---

⁸⁵ Алексеева Т. А. Поэтика повествования в рассказах Н. С. Лескова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1996.

⁸⁶ Вантенков И. П. Структура повествования в рассказах И. А. Бунина (1890–1916 гг.). автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1975.

⁸⁷ Там же. С. 4.

⁸⁸ Каменецкая Т. Я. Эволюция повествования в произведениях Бунина 1910–1929-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.

обобщенный субъект сознания, отражающий авторские поиски героя времени, оптика повествования и фокус изображения⁸⁹.

Одновременно вниманием к образу повествователя, его маскам и в то же время к деформациям романских классических повествовательных структур в творчестве М. А. Булгакова наполнена работа Е. Н. Хрущевой⁹⁰. Исследовательница в своей работе отталкивается от тезиса о том, что роман Булгакова обладает «непрозрачностью» повествования, «рефлексирует по поводу своей повествовательной организации»⁹¹. Е. Н. Хрущева приходит к закономерному выводу о том, что типы повествования проецируют возможные дальнейшие перспективы романа как жанра.

Повествовательная манера как проявление творческой индивидуальности рассматривается Н. П. Жилиной в работе «Структура повествования в рассказах В. Шукшина»⁹². Более подробно рассматриваются различные позиции повествующей инстанции, фабульная и сюжетная основа. Выдвигается положение о том, что специфическая структура повествования позволила Шукшину отказаться от моногероя, представить общую народную точку зрения, однако не свести такую точку зрения к суммарному представлению о народе, которое господствовало в искусстве на тот момент⁹³.

К более частным аспектам повествовательной структуры обращены работы Е. С. Волоховой⁹⁴ и А. В. Ждановой⁹⁵. В обеих работах на первый

---

⁸⁹ Каменецкая Т. Я. Эволюция повествования в произведениях Бунина 1910–1929-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. С. 32.

⁹⁰ Хрущева Е. Н. Поэтика повествования в романах М. А. Булгакова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.

⁹¹ Там же. С. 3.

⁹² Жилина Н. П. Структура повествования в рассказах В. Шукшина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1990.

⁹³ Там же. С. 17.

⁹⁴ Волохова Е. С. Поэтика акториального повествования (роман М. Каннигема «Часы»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2005.

⁹⁵ Жданова А. В. Нарративный лабиринт «Лолиты» (структура повествования в условиях ненадежного нарратора). Тольятти, 2008.

план выходит изучение облика повествующего, который и влияет на всю стилистику романного жанра.

Масштабная задача – проследить эволюцию повествовательных структур – положена в основу двух работ – Г. А. Жиличевой⁹⁶ и Е. Ш. Галимовой⁹⁷. Однако метод, использованный для этого, не одинаков.

В монографии Г. А. Жиличевой предмет анализа – «категория нарративной стратегии, понимаемая в качестве своеобразного интегратора дискурсной формации культуры и авторского литературного нарратива»⁹⁸. При этом нарративная стратегия используется в качестве основополагающей категории, позволяющей анализировать коммуникативное единство произведения, автор подробно останавливается на стратегии «откровения» и «провокации» в русском романе XX в. Автор сознательно проводит границу между нарратологией и традиционной поэтикой повествования, опираясь на работы В. Шмида, Дж. Принса, М. Яна, М. Флудерник и др. При этом утверждение в таком подходе сюжетно-повествовательной природы нарратива предполагает обращение особого внимания на категории фабулы и сюжета («истории» и «дискурса»), систему повествовательных инстанций. Вот почему исследовательница подробно рассматривает виды анализа сюжета, сложившиеся в структуралистской нарратологии, а также теоретические модели нарративной коммуникации. Такой подход диктует и выбор романских произведений определенного склада – в центре внимания оказываются «романы постсимволизма» И. Ильфа, Е. Петрова, Ю. Олеши, К. Вагинова, Л. Добычина, В. Катаева, Б. Пастернака.

Е. Ш. Галимова в названной работе рассматривает романы XX в. с позиций как раз классической теории повествования. Автору важно, какие

---

⁹⁶ Жиличева Г. А. Нарративные стратегии в жанровой структуре романа (на материале русской прозы 1920–1950-х гг.). Новосибирск, 2013.

⁹⁷ Галимова Е. Ш. Поэтика повествования русской прозы XX века (1917–1985). Архангельск, 2002.

⁹⁸ Жиличева Г. А. Нарративные стратегии в жанровой структуре романа (на материале русской прозы 1920–1950-х гг.). Новосибирск, 2013. С. 4.

способы повествования выходят на первый план и как это соотносится с развитием жанров в литературе того времени, с проблематикой. Исследуется более обширный набор произведений (А. Чехов, И. Бунин, Ф. Сологуб, Л. Андреев, А. Ремизов, М. Горький, М. Шолохов, А. Платонов, М. Булгаков, Ю. Казаков, В. Аksenov, А. Гладилин, В. Распутин, Г. Бакланов, К. Воробьев и др.).

Из этого краткого обзора видно, что современная теория повествования выходит за пределы только литературоведения, приобретая междисциплинарные черты. Такое положение вещей ведет к сосуществованию различных приемов при описании повествовательных систем художественного произведения. Даже беглый взгляд на современные нарратологические исследования русской и зарубежной литературы позволяет сделать следующий вывод: выбор наиболее адекватного способа изучения системы повествования, отбор изучаемых в произведении компонентов повествовательной структуры чаще всего продиктован спецификой этого произведения. Применительно к малой прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка важными аспектами будут являться: 1) установка автора на вымысел (определяющая восприятие произведения читателем) – домысливание или документальность; 2) сюжетные особенности текста (сюжет как авторская «самоцель» или сюжет, играющий второстепенную, инструментальную роль); 3) художественная целостность, завершенность произведения – нередкое отсутствие сюжетной завершенности, открытость финала; 4) композиционное единство – ассоциативные связи, монтажный принцип композиции; 5) позиция повествователя: скрытость авторской позиции или активный автор-повествователь, повествователь, скрытый за формой «мы-публицистическое», рассказчик. Этот перечень не претендует на абсолютную полноту и истинность, однако может быть принят в качестве рабочего, поскольку обусловлен особенностями выбранных произведений.

Адаптация общей теории повествования в приложении к малой прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка как оригинального художника конца XIX в.,

обуславливающая отбор перечисленных компонентов, а также основанное на них выделение типовых форм повествования, возникающих у Мамина внутри каждого жанра, анализ их изменений, модификаций и взаимодействия друг с другом определяют **теоретическую значимость** диссертационного исследования.

Практическая значимость исследования определяется применимостью полученных данных о повествовательной и жанровой природе малых прозаических произведений к творчеству Д. Н. Мамина-Сибиряка, других писателей второй половины XIX в., а также при разработке курсов «История русской литературы XIX в.» и «Литература Урала», спецкурсов и спецсеминаров по творчеству Мамина-Сибиряка.

Гипотеза исследования: компоненты повествовательной структуры произведений, относящихся к малой прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг., позволяют идентифицировать их видовую специфику как художественно-беллетристическую, художественно-документальную либо «гибридную»; эти разновидности являются вектором определения жанра у каждого конкретного произведения.

Объектом исследования являются жанровые образования, сложившиеся в малой прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. (1881–1891 гг.), **предметом** – поэтика повествования в этих произведениях.

Выбор **материала** исследования, т. е. произведений Мамина-Сибиряка указанного десятилетия, диктуется временем создания, достаточно целостным периодом в жизни и творчестве писателя, значимостью этого периода для понимания творческой эволюции Мамина. Нижней границей является так называемый «второй дебют» писателя (1881–1882), верхней – его отъезд в Петербург (8 марта 1891 г.), т. е. фактическое завершение «уральского периода» творчества. Выделенный для исследования период творчества Мамина оказывается этапным в становлении его манеры письма, представляет знаковые особенности повествовательной системы, сохраняющиеся в последующем творчестве. В поле нашего зрения не

попадают тексты 1880-х гг., подвергшиеся авторской циклизации («Уральские рассказы», «Сибирские рассказы» и пр.), так как в составе цикла произведения зачастую обретают иной смысл, иной статус, в том числе и в отношении поэтики, поэтому мы полагаем, что исследованию каждого цикла с точки зрения воплощения повествовательных особенностей следует посвятить отдельное исследование.

Цель данной работы – изучение малой прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. в аспекте повествования, определение видовой и жанровой специфики этих произведений на основе рассмотрения повествовательной структуры.

Данная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Охарактеризовать творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка в дореволюционной периодике и критике, определить своеобразие «второго дебюта» (1881–1882) как этапа творчества писателя, задающего магистральные жанрово-повествовательные особенности его малой прозы.

2. Выделить разновидности малой прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг.: художественно-беллетристическую, художественно-документальную; обосновать применимость этой классификации к его творчеству и возможность «гибридизации» двух разновидностей.

3. Выявить компоненты повествовательной структуры, позволяющие идентифицировать и различать обе видовые разновидности малой прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг.

4. Рассмотреть художественно-документальные произведения Мамина и их жанровые модификации (очерк с травеложной/публицистической окраской, собственно публицистические произведения), выявить их структурные особенности.

5. Рассмотреть художественно-беллетристические произведения Мамина (рассказ, повесть-очерк), выявить их структурные особенности и возможные варианты «гибридизации» с художественно-документальными жанрами.

Методология диссертации сложилась в опоре на представление о повествовании как системе взаимосвязанных компонентов произведения: автора и героя (М. М. Бахтин), точки зрения (Б. А. Успенский, Н. А. Кожевникова, Б. О. Корман) и зависящей от нее формы повествования (К. Н. Атарова, Г. А. Лесскис, Н. Д. Тamarченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман), фабулы и сюжета (В. Я. Пропп, Б. М. Эйхенбаум, В. Б. Шкловский), мотивно-тематической структуры сюжета (Н. Д. Тamarченко, В. И. Тюпа, И. В. Силантьев), «событий» и «историй» в содержательной структуре сюжета (В. Шмид). Кроме того, методологию исследования определили труды по теории литературного жанра (В. Б. Шкловский, Ю. Н. Тынянов, П. Н. Медведев, М. М. Бахтин, Г. Н. Поспелов, В. В. Кожин, Г. Д. Гачев, М. М. Гиршман, Н. Л. Лейдерман, О. В. Зырянов, И. В. Банах и др.).

В соответствии с поставленными целью и задачами в диссертации использован комплекс нарратологических **методов**, связанных с анализом исследуемых компонентов повествовательной структуры и позволяющих определять жанровую природу художественного произведения (фиксации, систематизации, идентификации, типологизации). Базовым признается историко-литературный метод исследования, предполагающий использование описательного, формально-структурного, системно-категориального и др. подходов.

Применение данных методов вкуне с объемом проанализированного материала обеспечивает **достоверность** полученных в ходе исследования данных. Достоверность результатов обеспечивается также разработанной в ходе анализа моделью анализа повествовательной структуры малых прозаических произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Положения, выносимые на защиту:

1. Малая проза Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг., в том числе произведения так называемого «второго дебюта», представляет отдельный период творчества писателя, предопределивший становление Мамина-

Сибиряка – прозаика и сыгравший решающую роль в формировании более крупных жанров, в том числе повести и романа.

2. Специфика повествования в малой прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. определяется совокупностью основных структурных компонентов, выступающих в качестве аналитических принципов исследования и выделенных на материале произведений Мамина:

- установка на художественный вымысел (беллетристичность) – домысливание (как черта документальной и исторической литературы);
- сюжетные особенности (сюжет как авторская самоцель или сюжет, имеющий второстепенную, инструментальную роль);
- степень художественной завершенности текста;
- композиционное своеобразие (композиционное единство, ассоциативные связи, монтажный принцип композиции);
- позиция повествователя/рассказчика.

3. На основании этих аспектов произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. идентифицируются как художественно-документальные либо художественно-беллетристические. Соответствие каждого произведения той или иной разновидности определяется на основе реализации всех компонентов, в своей целостности образующих повествовательный рисунок произведения. Эта же системная совокупность факторов является основой для выделения новых жанровых модификаций среди произведений Мамина 1880-х гг.

4. Художественно-документальная разновидность малой прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. представлена двумя основными жанровыми образованиями: очерк-травелог и публицистическая статья, а также их «гибридами» (травелог с публицистическим началом; художественно-публицистический очерк, статья-некролог).

5. Художественно-беллетристическая разновидность малой прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. представлена двумя основными жанровыми формами: рассказом и повестью-очерком.

Структурообразующими формами рассказа Мамина 1880-х гг. выступают жанры анекдота, притчи, новеллы, организующим повествование приемом часто становится ретроспектива. Для повести-очерка как жанровой модификации характерно сочетание беллетристической художественности и очерково-документальных черт: наряду с развернутой системой художественных образов, а также сюжетной насыщенностью часты публицистические, этнографические, статистические авторские отступления, обычно присущие очерку.

Апробация работы. Материалы и основные результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры классической литературы и фольклора Института гуманитарных наук и искусств ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». Основные положения диссертации были представлены в очных докладах на всероссийских конференциях «Грехнёвские чтения» (Нижний Новгород, ННГУ, 2012), «Литература Урала» (Екатеринбург, УрО РАН, 2012, 2015), «Школа молодого ученого» (Екатеринбург, ЦНБ УрО РАН, 2013, 2014, 2015), «Дергачевские чтения» (Екатеринбург, УрФУ, 2014), «Лейдермановские чтения» (Екатеринбург, УрГПУ, 2014); на первой региональной научно-практической конференции «Никитинские чтения» (Билимбай, 2012); на межвузовской конференции «Кормановские чтения» (Ижевск, УдГУ, 2014).

Содержание работы отражено в 10 научных публикациях, в т. ч. 3 статьях в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы (226 наименований). Главы выделены соответственно задачам, стоящим перед исследованием.

Глава I.

Малая проза Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг.: общая характеристика, видовая специфика, повествовательная структура

1.1. Д. Н. Мамин-Сибиряк в дореволюционной периодике и критике

Многие писатели в 1880-е гг. ощущали приближение окончания эпохи классического русского реализма, исчерпанность предшествующих жанровых форм, предвидели эпоху перемен, вызванных общественными изменениями, в частности, кризисом народнической идеологии. Сами писатели в это время сталкиваются с разными художественными тенденциями, свидетельствующими о переменах в русле традиционного метода классического реализма. В это время формируются истоки новых направлений, но при этом работают художники с уже сложившимся типом письма (Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Н. Островский и др.). В 1880–1890-е гг. складывается новая формация в литературе, среди которой были такие разные писатели, как В. Г. Короленко, В. М. Гаршин, А. Осипович-Новодворский и др., в большинстве своем примыкающие к классической традиции, в это же время начинает разворачиваться творчество писателей чеховского круга (К. С. Баранцевич, И. И. Ясинский, М. Н. Альбов, Д. Н. Мамин-Сибиряк и др.). В известном издании «Критический реализм в русской литературе XIX в.» Н. И. Измайлов отмечал, что «<...> в 80-е и 90-е годы XIX в. в русскую литературу вступают одновременно или на расстоянии немногих лет друг от друга новые крупные силы – Гаршин, Короленко, Чехов, Куприн, Мамин-Сибиряк и др.»⁹⁹.

Писатели и их современники оценивали период 1880–1890-х гг. как самостоятельный этап, который также ассоциировался с рубежностью,

---

⁹⁹ Измайлов Н. И. Критический реализм в русской литературе XIX в. Ленинград, 1957. С. 40.

переходностью времени. Критики 1880-х гг. отмечали разделение писателей на два направления, и эта типология перешла затем в советское литературоведение. П. А. Николаев, называя такое разделение на «социологов» и «психологов» закономерным, отмечал: «“Две правды”, “два типа писателей” – обычные словосочетания в литературной критике 70–90-х годов. И всегда под этими определениями подразумевались прежде всего различия в содержании произведений¹⁰⁰».

Литературный процесс 1880-х гг. получал в отечественном литературоведении различные оценки на разных этапах развития литературоведческой науки. На протяжении XX в. созревали фундаментальные концепции, согласно которым рассматривалась динамика развития русского реализма во всем разнообразии его форм. У. Р. Фохт определял время 1880-х гг. как время «романтического реализма» (В. М. Гаршин, В. Г. Короленко, А. П. Чехов, ранний М. Горький). Ученый отмечал следующие черты данной модификации метода: «Отличительная особенность этого течения заключается в его усиленном внимании к становящейся действительности и благодаря этому в возросшем значении субъективного начала, обусловленного стремлением почувствовать и показать это становящееся новое»¹⁰¹. В советском литературоведении 1950–1960-х гг. период 1880–1890-х гг. преимущественно оценивался как закономерное продолжение периода 1870-х гг.¹⁰², один из этапов развития критического реализма, при этом не такой и блестящий. Уже позже Г. А. Бялый оценит рассматриваемый период как период вызревания новых сил, «которые проложили пути для дальнейшего развития реалистического

---

¹⁰⁰ Николаев П. А. К вопросу о типологических характеристиках реализма (опыт русской критики 70–90-х годов XIX в.) // Проблемы типологии русского реализма. Москва, 1969. С. 471.

¹⁰¹ Фохт У. Р. Типологические разновидности русского реализма (к методике изучения вопроса) // Проблемы типологии русского реализма. Москва, 1969. С. 77–78.

¹⁰² Левин Ш. М., Фридендер Г. М. Введение // История русской литературы: в 10 т. Т. 9, ч. 1. Литература 70–80-х годов [19 в.] Москва.; Ленинград, 1956. С. 5–121.

метода»¹⁰³. Незаметный, на первый взгляд, вклад писателей конца XIX в., по мнению ученого, позволил «обновить старую реалистическую систему».

Современные исследователи, в основном, оценивают рассматриваемый период как особый этап, изучение которого, по мнению Б. В. Кондакова, помогает «уточнить представления о национальном историко-культурном процессе и о творчестве ряда писателей»¹⁰⁴. На первый план выходит понимание ценности периода, так как он маркирован сдвигом в понимании культуры, дистанцированной от политической жизни. Исследователь полагает, что «критики 1880-х гг. (например, Н. Михайловский или А. Скабичевский), как и в дальнейшем литературоведы советской эпохи, подчеркивали в литературе не столько этическое, сколько *социальное* начало...»¹⁰⁵ Все большее внимание исследователи также уделяют жанровым процессам, сломам художественности, происходящим в эпоху 1880–1890-х гг. Эта традиция, представленная еще у И. А. Дергачева¹⁰⁶, продолжает развиваться в современных работах¹⁰⁷.

Таким образом, период 1880-х гг. можно назвать одновременно и завершающим этапом¹⁰⁸ классики и в то же время тем периодом, когда вызревал потенциал дальнейшей литературы, периодом, когда появлялись

---

¹⁰³ Бялый Г. А. Русский реализм конца XIX века. Ленинград, 1973. С. 3.

¹⁰⁴ Кондаков Б. В. Русский литературный процесс 1880-х гг.: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1997. С. 4.

¹⁰⁵ Кондаков Б. В. «Этическое пространство» русской литературы 1880-х гг. // Вестник Вятск. гос. гум. ун-та. Сер.: Филология и искусствоведение. 2010. № 4. С. 96.

¹⁰⁶ Дергачев И. А. Динамика повествовательных жанров русской прозы 70–90-х годов XIX века // Русская литература 1870–1890-х гг. Вып. 9: Проблемы типологии реализма. Свердловск, 1976. С. 3–17;

¹⁰⁷ Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. Москва, 2009; Гречнев В. Я. О прозе и поэзии XIX–XX вв.: Л. Толстой, А. Чехов, И. Бунин, Л. Андреев, М. Горький, Ф. Тютчев, Г. Иванов, А. Твардовский. Санкт-Петербург, 2009; Ермоленко С. И., Валек Н. А. В. А. Соллогуб «Через край»: забытая страница русской романистики. Екатеринбург, 2013; Калениченко О. Н. Судьбы малых жанров в русской литературе конца XIX – начала XX века (Святочные и пасхальные рассказы), модернистская новелла: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000; Шмелева Ю. В. Поэтика малых жанров Н. С. Лескова (1880–1890-е годы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2001 и пр.

¹⁰⁸ См.: Левин Ш. М., Фридендер Г. М. Введение // История русской литературы: в 10 т. Т. 9, ч. 1. Литература 70–80-х годов [19 в.] Москва.; Ленинград, 1956. С. 54.

произведения, в которых актуализировалась именно этическая проблематика. Такая «сложность» времени отчасти и определила проблемность, разноформатность творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка в период 1880-х гг. Сам писатель, отмечая своеобразие каждого литературного периода, все же настаивал на преемственности: «...хотя у всякого времени “свои птицы и песни”, наш реализм – наследник великих мастеров и всегда будет черпать полной рукой из этого неиссякаемого источника»¹⁰⁹. Таким образом, художественное творчество Мамина, репрезентируя основополагающие особенности реалистического письма, в то же время отражало и те изменения, которые происходили в самом методе в последней трети XIX в.

Однако заметить эту важную особенность современникам писателя и исследователям его творчества XX в. удалось не сразу. Самые первые выступления Мамина в печати с очерками и рассказами, его безымянный «первый дебют», фактически остались незамеченными. Произведения 1875–1877-х гг. («В водовороте страстей», «Старцы», «Старик», «В горах», «Красная шапка», «Не задалось», «Русалки», «Тайны зеленого леса») с кровавыми сценами, больше напоминающие художественно обработанные уголовные хроники и при этом с фольклорным колоритом, отвечали запросам массового читателя журнала «Сын отечества», в котором по большей части и публиковались. Несмотря на талантливую литературную обработку бытующих на Урале полуфольклорных, полуподлинных историй, раскрытие интересных сюжетов, неотрывно связанных с уральским материалом, произведения данного периода все же были именно ученической «пробой пера», критика на них почти не отреагировала. В этот период творчества и чуть позже Мамин совершал попытки «пристроить» свои произведения в авторитетные журналы того времени – в «Отечественные записки», однако услышал строгое щедринское «Мы таких вещей не

---

¹⁰⁹ Цит. по: Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Критико-биографический очерк. Свердловск, 1981. С. 225.

принимаем»¹¹⁰, а также в «Дело», редакция которого вернула «рукопись <...> испещренную замечаниями»¹¹¹. Дальнейшее творчество Мамина-Сибиряка после таких достаточно обидных неудач могло и не состояться, но вынужденное возвращение на малую родину в начале 1880-х гг., где было предостаточно интереснейшего материала для создания новых вещей, послужило толчком к продолжению писательской деятельности уральского автора.

В творческой лаборатории Мамина 1880-е гг. становятся длительным и плодотворным периодом создания произведений. Так называемый «второй дебют» (1881–1882) оказался много удачнее «первого дебюта». Личные контакты со многими редакциями журналов также обеспечили «волну» публикаций: в качестве «уральского корреспондента» Д. Н. Мамин-Сибиряк печатал в газете «Русские ведомости» на протяжении нескольких лет цикл путевых очерков «От Урала до Москвы» (1881–1882); журнал «Дело» наконец принял в печать произведения «Все мы хлеб едим» (1882) и «В камнях» (1883); в газете «Современные известия» вышел ряд очерков; «На рубеже Азии» (1882) напечатали в журнале «Устой». М. Е. Салтыков-Щедрин почти в это же время (1883) высоко оценил и опубликовал в «Отечественных записках» произведения «Золотуха» (1883), «Бойцы» (1883), позже включенные автором в книгу-цикл «Уральские рассказы». Произведения, написанные автором преимущественно в «уральский период» и во многом на уральском материале (1880–1891), впоследствии, как уже было сказано, распределялись по циклам, проходили отбор для ставших позже знаменитыми циклов.

Встает закономерный вопрос о таком разительном отличии двух «вхождений в литературу»: от резко неудачного – до почти триумфального. И. А. Дергачев, отвечая на этот вопрос, отмечал, что дело не в медленном

---

¹¹⁰ Цит. по: Быков П. В. Критико-биографический очерк // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Петроград, 1915. Т. 1. С. 9.

¹¹¹ Там же. С. 11.

становлении таланта Мамина, но в том, что «в восьмидесятые же годы Мамин следует новыми дорогами, и они соответствуют как изменившимся представлениям о роли литературы и потребностях общества, так и особенностям его писательского дарования»¹¹². На наш взгляд, Мамин не сразу выбирает для себя «новую дорогу»; скорее, в 1880-е гг. он продолжает работать на уральском материале, меняя наивно-массовую романтическую стилистику на более окрепшую, зрело реалистическую.

С 1883 г. начинается плодотворное сотрудничество Мамина с казанским изданием «Волжский вестник», с журналами «Семья и школа», «Восточное обозрение», «Наблюдатель» и т. д. При этом важно, что произведения, позже включенные Маминым в цикл «Уральские рассказы», в основном печатались в известных и признанных журналах («Вестник Европы», «Русская мысль» и др.), остальные произведения середины и конца 1880-х гг. часто выходили в более скромных или новых журналах.

Журнальный и газетный «контекст» маминских произведений был всегда достаточно разнообразен. Часто издатели помещали очерки или рассказы уральского автора перед всеми другими¹¹³, что свидетельствовало об уважительном отношении к начинающему автору, о живом интересе к его творчеству.

В журнале «Дело», который был «вторым по значению вслед за «Отечественными записками» демократическим изданием»¹¹⁴, наряду с

---

¹¹² Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Критико-биографический очерк. Свердловск, 1981. С. 46.

¹¹³ Сибиряк Д. На рубеже Азии // Устои. 1882. № 3/4. С. 1–51; № 5. С. 1–56; Сибиряк Д. Все мы хлеб едим. (Из жизни на Урале) // Дело. 1882. № 5. С. 1–56; Сибиряк Д. Золотуха. Очерки приисковой жизни // Отечественные записки. 1883. № 2. С. 289–362 (сквозная нумерация); Сибиряк Д. Д. М-ин. Переводчица на приисках. Рассказ из жизни на Урале // Вестник Европы. 1883. № 4. С. 449–500 (сквозная нумерация); Сибиряк Д. Бойцы. Очерки весеннего сплава по реке Чусовой // Отечественные записки. 1883. № 7–8. С. 5–70; Золотая ночь (Из рассказов о золоте) // Наблюдатель. 1884. № 10. С. 3–46; Сибиряк Д. Гроза (Из охотн. рассказов) // Наблюдатель. 1885. № 12. С. 5–28; Сибиряк Д. Гнездо пауков. Рассказ // Наблюдатель. 1886. № 11. С. 5–16; Сибиряк Д. Отрава (очерк) // Русская мысль. 1887. № 11. С. 1–35; Сибиряк Д. Кисейная барышня. Повесть // Наблюдатель. 1889. № 11. С. 5–36 и др.

¹¹⁴ История русской журналистики XVIII–XIX веков. Москва, 1973. С. 433.

произведениями Мамина-Сибиряка печатались переводы зарубежных писателей и поэтов (А. Мицкевич, А. Додэ, Э. Золя, Р. Саккети, Б. Гальдос, Д. Габбертон, Ж. Прис и пр.), обзоры и статьи общественно-политического характера (Л. И. Мечников, Н. В. Шелгунов, М. К. Цебрикова), литературная критика (В. П. Острогорский, С. Тимофеев, Е. С. Некрасова, собственно художественная литература (П. Засодимский, В. Белозоров, П. Ф. Якубович, П. И. Вейнберг, М. Илецкий, К. Баранцевич, Л. Пальмин, Е. Ардов и др.). Обязательным в данном издании являлась точная жанровая характеристика, которая сопровождала каждое новое произведение в содержании – роман, повесть, рассказ, очерк или более уточненное, например: Счастье (Философско-психологический этюд) И. И.; Все мы хлеб едим (Из жизни на Урале) Д. Сибиряка; Из прекрасного далека (Путевые заметки) Н. Ш. и пр. Связь Мамина с этим журналом была плодотворной и тесной. По мнению И. А. Дергачева, «<...> журнал “Дело”, в начале 80-х годов возглавлявшийся революционным демократом Н. В. Шелгуновым <...> несомненно привлекал внимание Мамина-Сибиряка большой близостью идеологических позиций»¹¹⁵. Журнал был ограничен цензурными рамками, но несмотря на это снискал себе обширную аудиторию¹¹⁶.

В журнале романов и повестей «Книжки “Недели”» (бесцензурное приложение к демократической газете «Неделя») наряду с маминскими произведениями находим переводы (Э. Золя, Бэринг-Гульд), собственно художественную литературу (А. Таранцев, И. Толмачев, В. Марков, П. Княжнин, С. Я. Надсон, В. Л. Дедлов). В этом издании рядом с произведениями очень часто можно встретить авторскую жанровую номинацию: «В мастерской (Из записок русского ремесленника)» А. Таранцева; «Столичные картинки (Из дневника провинциала)» Стихотворение И. Толмачева; «Последняя веточка (Из старообрядческих

---

¹¹⁵ Дергачев И. А. Роман Д. Н. Мамина-Сибиряка «Три конца»: дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1953. С. 49.

¹¹⁶ История русской журналистики XVIII–XIX веков. Москва, 1973. С. 433–444.

мотивов)» Д. Сибиряка; «Страничка прошлого (Из одного письма)» Стихотворение С. Я. Надсона; «Дешевка (Из летних экскурсий по Уралу)» Д. Сибиряка. Данное литературное приложение к газете до 1891 г. специализировалось на печати только беллетристики.

В журнал «Наблюдатель», также в 1880-е печатавший Мамина, попадали разножанровые произведения – переводы (А. Додэ, Брет-Гарта, К. Мендес, Г. Мопассан, Ребекка Форбес Стержис, Л. Кладель, Э. Золя, М. Бреддон, Э. Ожешко, Д. Мюррей); литературная критика (П. О. Морозов, Е. М. Гаршин, В. В. Чуйко); размышления по поводу значимых общественных вопросов (Я. Папер, А. Г. Жомини, К. Д-ч, А. А. Слепцов, Я. В. Абрамов, Вл. Бирюкович); художественные произведения (М. Соймонов, Л. И. Пальмин, В. Л. Марков, С. Бердяев, Ф. Андреев, Н. С. Курочкин, И. Толмачев, А. В. Круглов, Вологдин, А. И. Орлов, А. Луговой, В. Р. Зотов, Ф. Д. Нефедов, К. Фофанов, Д. Н. Мордовцев, И. И. Ясинский, Д. С. Мережковский, П. В. Засодимский, Н. Лиховской). В журнале в достаточном количестве присутствуют издательские жанровые подзаголовки (в содержании), а также (в меньшей мере) авторские жанровые предуведомления, например: «Золотая ночь (Из рассказов о золоте)» Д. Сибиряка; «Гроза (Из охотн. рассказов)» Д. Сибиряка; «Мы победили (Рассказ из сибирской жизни)» Г*; «Летные (Из рассказов о жизни сибирских беглых)» Д. Сибиряка; «Быль молодцу не укор (Из воспоминаний провинившегося человека)» В. Н. Никитина. По общей направленности это был явно не демократический журнал, позиционировал себя далеким «от скороспелых реформ, не согласных с духом и вековыми стремлениями народа»¹¹⁷.

Активно печатался Д. Н. Мамин-Сибиряк и в либеральном журнале «Русская мысль», по составу сотрудников наиболее интересном среди

---

¹¹⁷ Наблюдатель // Энциклопедический словарь / Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Санкт-Петербург, 1897. Т. 20 (39). С. 395.

журналов 1880-х гг.¹¹⁸ Данное издание позиционировало себя именно как место для печати преимущественно сочинений и статей русских авторов, поэтому переводов известных европейских писателей здесь значительно меньше – А. Додэ, Дж. Готерн, Л. Галле, Дж. Кэбль, Г. Сенкевич, В. Блэк. В большем объеме (в сравнении с рассмотренными выше журналами) имеются сочинения русских писателей и поэтов – В. И. Немировича-Данченко, Н. С. Лескова, Л. И. Пальмина, А. И. Эртеля, О. Шубина, П. А. Козлова, Гл. Успенского, Д. Мережковского и др. Были представлены и критические обзоры, сведения о русских художниках слова, статьи общественно-политической тематики – Н. В. Шелгунова, Н. И. Стороженко, А. С. Пругавина, М. И. Кулишера, М. Л. Песковского, В. И. Лесевича, С. Ф. Горянской, М. Цебрикова, П. Обнинского, Л. А. Камаровского, Я. В. Абрамова, В. И. Модестова, В. А. Гольцева, Н. М. Ядринцева, М. С. Громеки, П. А. Висковатого, С. А. Юрьева, И. И. Иванюкова, В. П. Острогорского, Вс. И. Миропольского, В. С. Семейского, П. В. Залесского и др. В отличие от журнала «Дело», где в содержании каждому произведению сопутствовал жанровый подзаголовок, в журнале «Русская мысль» такие жанровые заголовки встречаются намного реже, в основном тогда, когда такие заголовки входят в название произведения: «Отрава (очерк)» Д. Сибиряка; «Бытовые апокрифы (по устным преданиям об отцах и братьях)» Н. С. Лескова; «Доброе старое время (Повесть)» Д. Сибиряка (Д. Н. Мамина); «Вера (Повесть в стихах)» Д. С. Мережковского; «За городом (рассказ)» Н. А. Райковской; «Самоцветы (Очерк)» Д. Сибиряка (Д. Н. Мамина); «Прошлое и настоящее монголов (Путевые впечатления по Монголии)» Н. М. Ядринцева; «Скучающая публика. Очерки, путевые заметки, рассказы» Гл. Успенского.

Таким образом, мы видим, что маминские произведения печатались в различных по направлениям журналах не только наряду с произведениями

---

¹¹⁸ История русской журналистики XVIII–XIX веков. Москва, 1973. С. 476.

ведущих беллетристов, более маститых русских и зарубежных художников. Рассмотрение журнального контекста позволяет также сказать, что традиция давать необычные жанровые номинации, активно реализуемая Маминым, проявляла себя в журнальной литературе, но в сравнительно более скромных масштабах, поэтому произведения Сибиряка выгодно выделялись среди общей массы.

При этом странным выглядит небольшое количество современных Мамину критических замечаний, статей и обзоров периода 1880-х гг. В конце XIX в. (в письмах) положительно отзывались о маминских произведениях многие писатели (В. Г. Короленко, А. П. Чехов, И. А. Бунин, А. М. Горький и др.)¹¹⁹. Не сразу принял Мамина-Сибиряка А. М. Скабичевский, только в середине 1890-х гг. обративший свой взор к его творчеству¹²⁰. Две объемные статьи с положительной оценкой вышли в 1900-е гг. (В. Альбов¹²¹, Е. Аничков¹²²). В 1900–1910-е гг. же предпринимались незначительные попытки других критиков осознать (причем не всегда с положительной интенцией) роль маминского творчества в литературном процессе¹²³.

---

¹¹⁹ Так, например, А. П. Чехов пишет: «Мамин-Сибиряк очень... прекрасный писатель. Хвалят его последний роман “Хлеб” (в «Русской мысли»); особенно в восторге был Лесков. У него есть положительно прекрасные вещи, а народ в его наиболее удачных рассказах изображается нисколько не хуже, чем в “Хозяине и работнике”» (Письмо к А. С. Суворину 23/III 1895. – См.: Чехов А. П. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. Москва, 1957. С. 78–79.) Положительные оценки также содержатся в письмах А. П. Чехова к И. Н. Потапенко 26/II 1903 (Там же. С. 528), к М. П. Чеховой 29/IV 1890 (Там же. Т. 11. С. 436). См. также: Щедрин Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 19. Москва, 1939. С. 313, 315–316, 382, 383, 512; Короленко В. Г. О литературе. Москва, 1957. С. 378.

¹²⁰ Скабичевский А. М. Мамин-Сибиряк // Новое слово. 1896. № 1. С. 125–142; № 2. С. 121–146; Скабичевский А. Сочинения А. Скабичевского: критические этюды, публицистические очерки, литературные характеристики: в 2 т. Т. 2. Санкт-Петербург, 1903. С. 599–640.

¹²¹ Альбов В. Капиталистический процесс в изображении Мамина-Сибиряка : (критический очерк) // Мир Божий. 1900. № 1. С. 112–135; № 2. С. 62–94 .

¹²² Аничков Е. Мамин-Сибиряк (критический очерк) // Мир Божий. 1905. № 10. С. 216–237.

¹²³ Андреевич [Соловьев Е.] Очерки текущей русской литературы // Жизнь. 1900. № 12. С. 326–332. Колтоновская Е. В стороне от главного русла: Д. Мамин-Сибиряк // Вестник Европы. 1913. Кн. 2 (февр.) С. 198–220; Неведомский М. Д. Н. Мамин-Сибиряк // Зачинатели и продолжатели: поминки, характеристики, очерки по русской литературе от дней Белинского до наших дней. Петроград, 1919. С. 336–340 и др.

Одной из первых библиографических публикаций, в которой систематизировалось все написанное Маминым и о Мамине, стала публикация материалов для библиографии Д. Н. Мамина-Сибиряка в сборнике «Зауральского края» («Урал»), посвященном памяти писателя и вышедшем в Екатеринбурге в 1913 г.¹²⁴ Анализ расположенных в хронологическом порядке критических отзывов показывает, что активность критиков в отношении творчества уральского писателя не была однородной во все периоды: например, о произведениях Мамина 1880-х, то есть об одном из начальных периодов, писали мало, но писали ежегодно начиная с 1882 г.; с 1890-х гг. количество отзывов и обзоров неуклонно начинает расти, своеобразный пик приходится на период от середины 1890-х гг. и до 1900-х, затем сменяется опять же угасанием интереса, вплоть до многочисленных публикаций уже в 1912 г., приуроченных к печальному событию смерти писателя. Такой «волнообразный» интерес к произведениям уральского автора был связан с тем, что основным объектом обозрения являлись сборники для детей и романы, которые в большем количестве появлялись у Мамина именно начиная с 1890-х гг. Обозначим основные, часто безымянные, отзывы и краткие обзоры, которые появлялись в современной Мамину периодике.

Первые критические заметки об очерках и рассказах Мамина 1880-х гг. появились даже не в журнальной, а в газетной периодике: в 1882 г. это была петербургская газета «Голос», в 1883 г. – газета «Современные известия», в 1883–1884 гг. – «Неделя», в 1885 г. – «Волжский вестник». Очень краткие заметки чаще всего появлялись в разделе «Журналистика», где автор, как правило, себя не выдавал либо скрывал свое имя за инициалами. Важно, что критика реагировала иногда даже на определенную часть произведения, высказывая свои пожелания к дальнейшему развитию сюжета: например, некий автор П. М. в газете Неделя (Новое дело) (1883, № 9) так отзывался о

---

¹²⁴ Материалы для библиографии Д. Н. Мамина-Сибиряка // Сборник «Зауральского края» («Урал»). Екатеринбург, 1913. С. 39–57.

первой части повести «Максим Бенелявдов» (1883) после краткого изложения представленного сюжета: «На этом рассказ покуда прерывается, оставляя в читателях какое-то смутное впечатление и заставляя желать, чтобы в дальнейшей части было поменьше несообразностей и таких будто бы юмористических сцен, как ругань сидящего у окна чиновника с взобравшимся на крышу мещанином-голубятником...»¹²⁵

В разделе «Журналистика» уже другой газеты – «Современные известия» – автор обзора о новых произведениях, подписавшийся «Кргл», отмечает положительные стороны очерка «Старатели» (1883), называя его «интересным по содержанию»¹²⁶. В следующем своем обзоре автор продолжает мысль: «Типы золотоискателей, едва намеченные в первой части, во второй охарактеризованы рельефнее <...> больше всего выдвигается Василиса Мироновна»¹²⁷.

Важно, что газетные критики не только достаточно живо откликались даже на неоконченные произведения, но и могли ориентироваться в контексте маминского творчества: автор раздела «Журналистика» газеты «Волжский вестник» П. Голубев писал про «Родительскую кровь» (1885) следующее: «...это этнографический этюд в беллетристической форме, уступает роману-рассказу “Жилка”»¹²⁸.

Первые журнальные критические отзывы о прозе Мамина появились в 1884 г. в известном издании «Русская мысль», в библиографическом разделе. Впоследствии именно этот журнал активнее всего будет откликаться на новые маминские вещи. Уже в этих первых отзывах в целом выражается доброжелательное отношение к самому новому автору и его произведениям. Без всякого сомнения, например, можно назвать положительным отзыв о произведении «Жилка», помещенный в № 10 «Русской мысли» за 1884 г. Вот какие строки содержит данный обзор: «...вещь хорошая и выдающаяся не

---

¹²⁵ П. М. Журнальные этюды // Неделя (Новое дело). 1883. № 9. С. 287.

¹²⁶ Кргл. Новости текущей журналистики // Современные известия. 1883. № 8. С. 2.

¹²⁷ Кргл. Новости текущей журналистики // Современные известия. 1883. № 41. С. 3.

¹²⁸ Голубев П. Журнальные наброски // Волжский вестник. 1885. № 123. С. 2.

потому только, что появляется во дни беллетристического оскудения. Автор хорошо знает описываемую им среду и изображает ее очень талантливо»¹²⁹. Критик отмечает при этом, что «мысль, вложенная в основу повести, как видит читатель, не блещет ни новизною, ни оригинальностью. Ее нельзя даже признать безусловно верною...»¹³⁰ Но отмеченный недостаток покрывается, по мнению критика, мастерски выполненной работой при вырисовке действующих лиц, «фотографической точностью»¹³¹. Заключает свой обзор автор отзыва словами признания: «Сделавши эти оговорки, мы все-таки считаем Жилку г. Мамина лучшим беллетристическим произведением нынешнего года»¹³². На этом обзор новой беллетристики не заканчивается, но продолжается, причем произведение Мамина является неким образцом, с которым сравнивается рассматриваемая далее повесть Боборыкина: «Здесь же: совсем иное мнение приходится нам высказать о повести Боборыкина “Без мужей”. Тут всё, начиная с посвящения, порядочно-таки странно»¹³³.

В следующем номере этого же журнала (1884, № 11), вновь в библиографическом отделе, помещается сразу два отзыва разных авторов, скрытых под инициалами – Подпись Ан., Подпись Б. Первый из отзывов посвящен небольшому очерку «На шихане» (1884) (позже этот текст Мамин включит в цикл «Уральские рассказы»). Автор – господин Ан. – начинает свой пассаж с рассуждений о понимании писателем народа вообще: «В том-то и беда, что *господа* писатели смотрят на народ либо по-барски, либо по-чиновничьи, в том-то и сила (сравнительно говоря), писателя *разночинца*, что ему доступнее понимание народа»¹³⁴. Таким вступлением критик подводит читателя к сравнению произведений двух разных по отношению к народу писателей. В противовес маминскому очерку он приводит произведение

---

¹²⁹ Библиография в обзорах журналов (Вестник Европы) // Русская мысль. 1884. № 10. С. 6.

¹³⁰ Там же. С. 7.

¹³¹ Там же. С. 8.

¹³² Там же. С. 8.

¹³³ Там же. С. 8.

¹³⁴ Ан. Библиография по журналам // Русская мысль. 1884. № 11. С. 21.

Федора Эмильевича Ромера «Счастличик (из деревенских историй)»: «Г. Мамин понял его [Савки] «душу живу» и дает нам уразуметь ее под безобразной оболочкой фабричного замотыги и бродяги, дает уразуметь без мелодраматических приемов французского пошиба, излюбленных г. Ромером»¹³⁵. Таким образом, в целом положительную оценку автор критической заметки усиливает при помощи сравнения с произведением другого писателя. Для исторической правды стоит отметить, что сам Ф. Э. Ромер оказался для литературы конца XIX в. фигурой достаточно «проходной» – его намного больше интересовали общественные вопросы и вопросы сельского хозяйства, литература была для него лишь одним из побочных увлечений, о чем свидетельствует и сравнительно небольшой общий объем его сочинений.

Критик, скрывшийся под инициалом Б., своим объектом выбрал очерк «Золотая ночь» (1884). Автор статьи говорит, что Мамин еще только на пути к тому, чтобы стать маститым писателем, поэтому в его арсенале попадаются не сплошь хорошие произведения. Главный недостаток очерка видится критику в перегруженности излишними подробностями, ненужными повторениями¹³⁶, хотя сам предмет, о котором идет речь (поиск и борьба за лучшие прииски), кажется автору обзора довольно интересным. В завершении обзора приводятся напутственные слова, призванные скорее поддержать дальнейший писательский труд Мамина: «Искренно желая добра и преуспения автору *рассказов о золоте*, мы позволим себе дать ему добрый совет – не так расточительно расходовать в нем самом залегающее золото и не пускать его в обращение в виде более или менее крупных самородков. Нам сдается, что в его душе имеется драгоценный запас, из которого он в силах был бы создать выдающееся произведение, но для этого нужно

---

¹³⁵ Ан. Библиография по журналам // Русская мысль. 1884. № 11. С. 21.

¹³⁶ Б. Библиография по журналам // Русская мысль. 1884. № 11. С. 16.

поработать, не увлекаться скороспелыми успехами, не ковырять свою *жилку* как попало... Чтобы стать мастером, необходимо терпение»¹³⁷.

С 1885 г. обзоры произведений Мамина-Сибиряка встречаются преимущественно в газетах, а журнал «Русская мысль» печатает следующие обзоры только через три года – в 1888 г. Два разных критика в разных номерах журнала поместили свои отзывы о первом томе «Уральских рассказов», вышедших отдельным изданием в 1888 г. Оба отзыва можно назвать положительными – авторы признают талант Мамина, ставят его в ряд самых видных молодых русских беллетристов¹³⁸, называют его талант «симпатичным»¹³⁹. Автор одного из обзоров припоминает, что многие из произведений, вошедших в этот первый том, печатались в самом журнале «Русская мысль» и встречали всегда положительные отклики, особенно те, «...в которых изображался быт золотоискателей, очевидно, хорошо знакомый автору. Самым крупным, по размерам, произведением г. Мамина из этой категории была повесть *Жилка*, напечатанная в *Вестнике Европы*. К сожалению, автор уклонился в последнее время от той области писательства, которая дала известность имени Сибиряка»¹⁴⁰. Заканчивается данный обзор неизменным добрым пожеланием «...не уклоняться от своего настоящего призвания и держаться того пути, на котором он так быстро и так заслуженно приобрел большую известность»¹⁴¹. Вероятно, критик имеет в виду новые произведения, которые оказывались никак не связанными с уральским материалом. Таким образом, именно уральская тематика творчества Мамина получает у критика положительную оценку.

Автор второго отзыва о той же книжке «Уральских рассказов» уже более детально останавливается на самом сборнике, говорит о его составе, подмечает важную для всего творчества Мамина черту: «Особенную

---

¹³⁷ Б. Библиография по журналам // Русская мысль. 1884. № 11. С. 16.

¹³⁸ Библиографический отдел // Русская мысль. 1888. № 11. С. 519.

¹³⁹ Библиографический отдел // Русская мысль. 1888. № 6. С. 277.

¹⁴⁰ Там же. С. 277.

¹⁴¹ Там же. С. 277.

прелесть рассказам г. Мамина придает полная их правдивость, отсутствие деланности или придуманности. И, с тем вместе, это не фотографии, не рабские воспроизведения действительности, не протокольные записи: это – художественные снимки с натуры, в них настоящее “подлинное”»¹⁴².

В 1890 г. рецензия уже на оба тома «Уральских рассказов» появилась в журнале «Вестник Европы». Автор литературного обзора начинает с введения в тему – размышления о генезисе «рассказа из народного быта»¹⁴³. Такой рассказ, по его мнению, приобретает «местные» черты, в частности, критик выделяет рассказы о малорусской жизни и «великорусский» рассказ, дробящийся на местные категории – центр, север, Поволжье, Урал, Сибирь¹⁴⁴. Бурное развитие такого «местного рассказа» видится автору статьи вполне естественным, он прогнозирует расширение одного и расцвет. Далее говорится, что местный колорит собственно присущ произведениям больших писателей – Тургенева, Некрасова, Писемского, Островского и пр. Особо отмечаются беллетристическо-этнографические работы Мельникова-Печерского, Максимова. Только после такого аналитического введения следует детальная характеристика маминских рассказов. Важно, что отмечается разносторонность таланта уральского писателя: «Это писатель весьма плодовитый: кроме местных рассказов, он предпринимал рассказы иного рода, целые романы, но мы предпочитаем те его произведения, где он остается на своей очевидно родной или по крайней мере давно и близко знакомой почве»¹⁴⁵. В статье также подчеркивается особый историзм маминских очерков и рассказов, прекрасное изображение писателем природы, владение народным языком, этнографическая точность, наличие которой как раз и побуждает автора статьи окончить следующим пожеланием: «Нам кажется, что при том материале сведений, каким владеет автор, и при том умении наблюдать живой быт он мог бы дать и такую

---

¹⁴² Библиографический отдел // Русская мысль. 1888. № 11. С. 519.

¹⁴³ Литературное обозрение // Вестник Европы. 1890. № 10. С. 844.

¹⁴⁴ Там же. С. 844.

¹⁴⁵ Там же. С. 845.

картину уральского края, которая послужила бы чрезвычайно любопытным материалом для историка народного быта и этнографа»¹⁴⁶. Таким образом, критики отмечали привязанность Мамина к «родной почве» и близость его произведений к этнографическому канону, который предполагает особый характер творческой манеры.

В это же время (1890) авторы статей сразу двух журналов обратили внимание на обширный маминский очерк «Самоцветы». В отделе «Литературная летопись» журнала «Всемирная иллюстрация» был помещен следующий лаконичный отзыв: «Недурен и интересен полубеллетристический очерк г. Сибиряка-Мамина “Самоцветы”, где описывается поездка в Мурзинку, древнейшее русское селенье Зауралья, промыслы самоцветными камнями в мурзинских коях и разные породы самоцветов»¹⁴⁷. «Небезынтересными очерками поездок по Уралу» называл «Самоцветы» и корреспондент газеты «Неделя»¹⁴⁸. Критики действительно верно назвали этот очерк «полубеллетристическим» – в нем органично сочетается художественное и исследовательское, краеведческое и публицистическое. Очерк содержит статистические выкладки, систему отсылок, охватывающую весь текст, в нем чередуются формы повествования согласно чередованию материала, членится временной план – настоящее поездки/историческое время.

Особое внимание в литературных журнальных обзорах было уделено произведениям Мамина для детей – с середины 1890-х гг. такие обзоры публиковались в журналах «Русская школа», «Северный вестник», «Русская мысль», газете «Русские ведомости». В основном это положительные отзывы, причем в положительном ключе отмечается именно «безотрадность» очерков: «...чем лучше рассказ в художественном

---

¹⁴⁶ Литературное обозрение // Вестник Европы. 1890. № 10. С. 848.

¹⁴⁷ Литературная летопись // Всемирная иллюстрация. 1890. № 1110. С. 2.

¹⁴⁸ Заметки // Неделя (Новое дело). 1890. № 17. С. 548.

отношении, тем более безотраднa картина, которую он рисует»¹⁴⁹. Также критики обращают читательское внимание на талантливое изображение Маминым природы, однако часто отказывают ему в умении говорить с детьми простым языком, обвиняя в некоторой деланности в этом отношении¹⁵⁰.

С большим интересом критика отнеслась к очередному сборнику рассказов Мамина – «Сибирские рассказы». Подробный обзор был помещен в № 1 «Русской мысли» за 1895 г. Здесь Мамину-Сибиряку автор отдает пальму первенства в изображении Урала: «Мамин-Сибиряк первый познакомил русских читателей с этою своеобразною жизнью своими беллетристическими произведениями, рассказами, повестями и романами, и до сих пор никто из наших писателей не дал более полных, широких и многосторонних картин уральской жизни, написанных ярко, живо и правдиво»¹⁵¹. Автор раздела «Новые книги» журнала «Русское богатство» и вовсе при обзоре 2-го издания данного сборника поднимает проблему должного внимания критики ко всему творчеству Мамина: «Г. Мамин-Сибиряк пишет давно, репутация его установлена прочно, все признают за ним оригинальное дарование <...> и вместе с тем этот общепризнанный замечательный писатель не дождался еще настоящей оценки <...> критика никогда за г. Маминым не бегала, да и не бегаёт, как например за г. Чеховым, и сказавши раз: “будь ты причислен к лику”, на том успокоилась»¹⁵². В скобках заметим: статья эта выходит в 1898 г. – задолго до того времени, когда многие современники, в том числе Колтоновская, Полонский и др. (1912–1913 гг.), заговорят о маминской «непринятости критикой». Не менее важным является и то, что журналист «Русского богатства» пытается разобраться в причинах такого положения вещей: он не говорит, что Мамин

---

¹⁴⁹ Библиографический отдел // Русская школа. 1897. № 12. С. 264.

¹⁵⁰ Библиографический отдел // Русская школа. 1895. № 11. С. 181; Библиография. Литература и книги для народа // Северный вестник. 1897. № 5. С. 25.

¹⁵¹ Библиографический отдел // Русская мысль. 1895. № 1. С. 1.

¹⁵² Новые книги // Русское богатство. 1898. № 5. С. 32–33.

идет «в стороне от главного русла», но отмечает силу амплуа местного писателя, в котором Мамин начинал выступать и в котором снискал себе славу. Причина непопулярности у критиков также называется – сознательное избегание Маминым сенсационных тем, но выбор «своих» тем.

Еще один интересный отзыв о сборнике «Сибирские рассказы» был помещен в журнале «Новое слово» (1895, № 5). М. Круковский всячески подчеркивает именно незаурядность таланта, его разноплановость, демонстрируя не поверхностное знакомство с маминским творчеством, не ограниченное только выбранным сборником: «В его произведениях вы найдете и психологический роман, и исторический очерк, и то, что называется идейным рассказом, и наконец этнографически-бытовые сцены, а все это взятое вместе производит солидное впечатление»¹⁵³.

Помимо малой маминской прозы интересовалась критика и его романами, которые получали множество отзывов, особенно на страницах журналов «Русская мысль», «Мир Божий», «Всемирная иллюстрация», «Живописное обозрение», «Русское богатство» и пр. Отмечали критики, что эпический тон, в котором художественно-объективное отношение автора явлено в особенных размахах, проявляется в романном творчестве писателя¹⁵⁴. Корреспондент журнала «Мир Божий», например, называет роман «Три конца» одним из лучших у Мамина¹⁵⁵, такая же положительная оценка дается роману критиком «Русской мысли», ко всему прочему подробно разбирающим содержание романа¹⁵⁶. Значительным называет критик «Русской мысли» О. Т. В. и роман «Хлеб», сетуя по поводу отсутствия должной его оценки критической мыслью¹⁵⁷. Получают критические отзывы на страницах журнала «Русская мысль» и менее известные маминские романы – «Без названия», «Черты из жизни Пепко».

---

¹⁵³ Круковский М. Новые книги // Новое слово. 1895. № 5. С. 367–368.

¹⁵⁴ Библиографический отдел // Мир Божий. 1895. № 6. С. 3.

¹⁵⁵ Библиографический отдел // Мир Божий. 1895. № 11. С. 3.

¹⁵⁶ Библиографический отдел // Русская мысль. 1895. № 10. С. 483–485.

¹⁵⁷ О. Т. В. Из литературных наблюдений // Русская мысль. 1895. № 11. С. 76.

Например, критик при обзоре романа «Без названия» отмечает некоторую скучноватость из-за того, что «у г. Мамина в его больших романах есть довольно неприятная манера делать экскурсии, часто весьма обширные и почти всегда очень скучные, в разные области человеческого знания: и в статистику, и в экономику, и в географию, и в историю, и даже в теоретическую социологию»¹⁵⁸. Замеченная критиком данная особенность действительно есть у Мамина, но зачастую именно своеобразный выход из беллетристического поля придает маминским вещам необыкновенный колорит. Оканчивает свой обзор автор тем не менее доброжелательным пожеланием не включать подобные «экскурсии» в беллетристическое изображение, что, по его мнению, есть вредная художественная ошибка. Как видим, критик, отзываясь о маминских произведениях не очень положительным образом, тем не менее запечатлел важную составляющую таланта писателя.

Итак, дореволюционные критики, выступающие в периодической печати, достаточно разнообразно осветили современное им маминское творчество. Чаще это были небольшие обзоры, почти всегда без авторства, помещенные в разделах литературного обозрения, затрагивали они и малую прозу, и романы, и сборники-циклы. Притом в большинстве случаев такая «безымянная» критика все же положительна, журналисты отмечают недостаток и предлагают свой совет относительно его исправления, то есть демонстрируют в принципе снисходительное и доброжелательное отношение. Важно, что авторы обзоров, как правило, включены в контекст – то есть знакомы не с одним произведением Мамина, почему могут составить более объективную оценку творчества писателя. Этой же объективной оценки они добиваются при сравнении очерков и рассказов уральского писателя с произведениями его современников. Как мы говорили выше, часто обзоры составлялись даже не на цельные произведения, но на

---

¹⁵⁸ Библиографический отдел // Русская мысль. 1894. № 4. С. 223.

вышедшие начальные части, что свидетельствует о попадании Мамина в русло тогдашней беллетристики. Несмотря на довольно мозаичный критический портрет Мамина-Сибиряка в периодике, рецензенты заметили важную особенность его творчества: деление его произведений на произведения «местные» (как мы полагаем, имеются в виду очерки художественно-документального склада) и «рассказы иного рода, целые романы» (речь идет, на наш взгляд, о художественно-беллетристических произведениях). Наконец, немаловажный факт – критика эта доходила до своего адресата, то есть просматривалась самим Маминым, что подтверждается его письмами¹⁵⁹.

1.2. Видовая специфика и повествовательные особенности малой прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг.

Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка в контексте изменений в жанровой системе русского реализма XIX в. оказывается весьма показательным, «вписанным» в эпоху. Критик Н. Н. Страхов в 1883 г. в статье «Взгляд на текущую литературу» условно делил писателей по принадлежности к школе,

---

¹⁵⁹ 1) Письмо к матери 24/IV 1882, например, содержит следующее высказывание: «Милая мама, Ты так равнодушна к литературной критике, поэтому советую тебе прочитать фельетон в “Голосе” от 15 апреля, в нем, между прочим, упоминается о моей первой статье, напечатанной в толстом журнале, именно, о “В камнях”. На первый раз погладили по головке, но это еще и не велика честь, да и не за что, собственно говоря» (Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. Москва, 1955. С. 624); 2) письмо к В. Н. Мамину 6/III 1883: «Впрочем, я и не рассчитывал на успех этого романа у рецензентов, как на незаслуженные похвалы моим маленьким рассказам. И то и другое одинаково несправедливо, и мне плевать на критику, которая ничего не смыслит» <о «Приваловских миллионах»> (Там же. Т. 8. С. 631); 3) письмо к матери 12/I 1886: «Мне просто смешно читать эти критические глупости, и, право, на них никто не обращает внимания. У меня есть свое маленькое литературное имя – и совершенно достаточно. Мне всего 33 года. Чего же больше? Я ведь не мечтаю быть Гоголем или Тургеневым... никогда. Что касается моих “собратьев по перу”, то мне положительно завидуют, то есть моему быстрому успеху. Всего четыре года, как я пишу, а ведь начинающие “молодые” литераторы пишут более десяти лет, как Гаршин, Альбов, Салов и т. д. Но прежде всего я не тшусь лезть в знаменитости: аллах видит мою великую скромность» (Там же. Т. 8. С. 640); 4) письмо к матери 27/X 1896: «Благодарю бога, что я пережил свой критический литературный период без всякой посторонней поддержки и пробил дорогу себе сам, так что сейчас для меня похвала Скабичевского имеет значение только в... торговом смысле, то есть для продажи изданий, хотя честь и лучше бесчестья» (Там же. Т. 8. С. 668).

занимающейся вековыми вопросами, и к школе, интересующейся «духом минуты», представляющей «чрезвычайный современный интерес»¹⁶⁰. Выражение различных идей, различный семантический вектор задавался в том числе и подобающей формой выражения, или жанром: для первой школы – жанром романа, для второй – очерка и рассказа. При этом общеизвестно, что роман, оставаясь долгое время наиболее употребительным жанром, в конце XIX в. всё же сдаёт позиции, вытесняется малыми жанрами¹⁶¹. Тяготение Мамин на этапе 1880-х гг. к группе писателей второй школы очевидно, хотя и не так однозначно. Авторское жанровое определение *Очерк...*, встречающееся чаще других, носят даже те произведения писателя, которые традиционно причисляются за счет объема и сюжетных особенностей к более крупным жанрам – роману, повести. Так, повесть «В горах» (1883) – подзаголовок *Очерк из Уральской жизни*; большим очерком называл Мамин в письме брату от 30 октября 1883 г. и роман «Горное гнездо»¹⁶², одним из первоначальных заглавий которого было «Очерки из жизни горного гнезда»¹⁶³, более поздний роман «Черты из жизни Пепко» (1894) также имел подзаголовок *Очерки* (Курсив наш. – А. Б.). По мнению В. Я. Гречнева, «...очерк 70–80-х гг. отдает свои достижения другим жанрам...»¹⁶⁴, что и фиксируется Маминым в жанровой номинации.

Как писал И. А. Дергачев, очерковый жанр занимал в литературе последней трети XIX в. особое место, в нем выражалось стремление «выйти

---

¹⁶⁰ Страхов Н. Н. Литературная критика. Москва, 1984. С. 396–398.

¹⁶¹ См.: Дергачев И. А. Динамика повествовательных жанров русской прозы 70–90-х годов XIX века // Русская литература 1870–1890-х гг. Вып. 9: Проблемы типологии реализма. Свердловск, 1976. С. 3–17; Ермоленко С. И., Валек Н. А. В. А. Соллогуб «Через край»: забытая страница русской романистики. Екатеринбург, 2013. С. 120–135.

¹⁶² См.: Щенников Г. К., Щенникова Л. П. Комментарии // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 3. Екатеринбург, 2007. С. 976.

¹⁶³ См.: Щенников Г. К., Щенникова Л. П. Комментарии // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 3. Екатеринбург, 2007. С. 912.

¹⁶⁴ Гречнев В. Я. О прозе и поэзии XIX–XX вв.: Л. Толстой, А. Чехов, И. Бунин, Л. Андреев, М. Горький, Ф. Тютчев, Г. Иванов, А. Твардовский. Санкт-Петербург, 2009. С. 8.

за границы привычных категорий»¹⁶⁵, «подчеркнуть незавершенность произведения, неокончателность художественной мысли»¹⁶⁶, акцентировался «интерес к самому объекту повествования»¹⁶⁷. Небывалый интерес к очерковому жанру, по мысли И. А. Дергачева, может быть объяснен следующими причинами: во-первых, изменившейся социальной психологией читателя; во-вторых, тем, что материал в очерке подавался так, как будто он не прошел переработки авторским сознанием, следовательно, читатель свободен в своих умозаключениях, т. е. в очерке утверждалось эстетическое достоинство факта. В-третьих, очерк был тем жанром, на который меньше всего распространялось господство основ художественного метода, и, наконец, в-четвертых, очерку свойственно внимание к детали, что меняет характер типизации¹⁶⁸.

Таким образом, жанр очерка был наиболее пластичным, мобильным, свободным жанром литературы, он позволял автору вводить сиюминутный материал, не определенный канонем, реальность жизни, а не литературный вымысел, а кроме того, «...очерк в той его разновидности, которая сложилась в 60–80-е гг., был повествовательным жанром, предполагавшим равенство читателя и писателя и одинаковую их способность интерпретировать факты»¹⁶⁹. Именно такое положение адресата и адресанта рождало, по сути, необходимое и актуальное для реалистической литературы «равенство

---

¹⁶⁵ Дергачев И. А. Динамика повествовательных жанров русской прозы 70–90-х годов XIX века // Русская литература 1870–1890-х гг. Вып. 9: Проблемы типологии реализма. Свердловск, 1976. С. 12.

¹⁶⁶ Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870–1890-х гг. Новосибирск, 2005. С. 32.

¹⁶⁷ Там же. С. 37.

¹⁶⁸ См.: Дергачев И. А. Динамика повествовательных жанров русской прозы 70–90-х годов XIX века // Русская литература 1870–1890-х гг. Вып. 9: Проблемы типологии реализма. Свердловск, 1976. С. 13–14.

¹⁶⁹ Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870–1890-х гг. Новосибирск, 2005. С. 33.

личности»¹⁷⁰. Подобная свобода жанра при этом оставляла на тексте отпечаток жанровой «размытости», переходности. Собственно причисление произведения к очерковому жанру, по мысли Д. А. Завельской, осуществляется с учетом множества критериев (сюжетный критерий, роль предметных деталей, субъективный фактор¹⁷¹), которые, однако, не всегда точно выделяются.

Рассказы и очерки Мамина-Сибиряка 1880-х гг. являются в свете сказанного своеобразным «полем» жанровых поисков и экспериментов, демонстрируют взаимопроникновение жанровых форм (очерк – рассказ – повесть), трансформацию жанровых номинаций в соответствии с художественными задачами. В связи с этим особенно важным становится и рассмотрение авторских жанровых дефиниций, которые активно использовал уральский писатель в 1880-е гг.

Д. Н. Мамин-Сибиряк, по замечанию И. А. Дергачева, «чувствует недостаточность жанрового определения»¹⁷², поэтому часто наделяет тексты рассматриваемого периода специфическими жанровыми предуведомлениями, выполняющими различные функции, в зависимости от чего их можно распределить на следующие группы:

1) авторские номинации, формирующие у читателя своеобразный «жанровый контекст», вписывающие текст в определенную традицию – например, травелога, святочного или охотничьего рассказа, сказки, очерка (*Путевые заметки, Святочный рассказ, Из записок охотника, Сказка, Очерк из жизни Среднего Урала, Очерки захолустного быта, Очерк, Рассказ* и т. д.);

---

¹⁷⁰ Дергачев И. А. Динамика повествовательных жанров русской прозы 70–90-х годов XIX века // Русская литература 1870–1890-х гг. Вып. 9: Проблемы типологии реализма. Свердловск, 1976. С. 16.

¹⁷¹ Завельская Д. А. Очерк // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. Москва, 2009. С. 403–413.

¹⁷² Дергачев И. А. В начале восьмидесятых. Послесловие // Мамин-Сибиряк Д. Н. Очерки и рассказы. Свердловск, 1980. С. 439.

2) авторские номинации, фиксирующие географическую локализацию или акцентирующие внимание на отличительных особенностях Урала (*Из путешествия по реке Чусовой, Из жизни на Урале* и т. д.);

3) авторские номинации, отражающие «незавершенность, неокончателность художественной мысли»¹⁷³ (*Страничка из жизни Урала, Сцена с натуры, Этюд с натуры* и т. д.);

4) социально-тематические авторские номинации (*Очерки из заводских нравов, Из старообрядческих мотивов, Из рассказов о золоте* и т. д.).

Подобные жанровые номинации, открывая текст и формируя читательские ожидания, в итоге позволяют маминскому тексту аккумулировать в себе возможности разных жанров, необходимые для решения авторских художественных задач. По наблюдениям Л. М. Слобожаниновой, «опыт Мамина-Сибиряка убеждает в существовании индивидуальной системы жанровых форм»¹⁷⁴. Примером стабилизации, а также одним из показателей художественного единства очерков, например, у Мамина-Сибиряка выступают одинаковые или схожие «сезонные» жанровые характеристики: подзаголовок *Из летних рассказов* имеют сразу два текста «Коробкин» и «Ната» (оба – 1885); подзаголовки *Из летних экскурсий по Уралу* и *Из летних скитаний по Уралу* – очерки «Дешевка» (1885) и «Горой» (1886) соответственно. Естественно, что наделение нескольких текстов такими неканоническими жанровыми характеристиками может свидетельствовать о желании «закрепить жанр», ввести его в круг употребимых. По замечанию Л. В. Чернец, «...традиция авторских жанровых обозначений указывает на то, что жанровые категории продолжают оставаться живой реальностью сознания многих писателей и читателей»¹⁷⁵.

---

¹⁷³ Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870–1890-х гг. Новосибирск, 2005. С. 32.

¹⁷⁴ Слобожанинова Л. М. Типология малых жанров в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка // Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения, Екатеринбург, 2013. С. 96.

¹⁷⁵ Чернец Л. В. Литературные жанры (проблемы типологии поэтики). Москва, 1982. С. 6.

Можно сказать, что малая проза писателя становится полем для художественных экспериментов, аккумулирует разнообразные художественные, жанровые решения и, по замечанию Л. М. Слобожаниновой, свидетельствует о богатстве маминского стиля: «Это строго реалистическая и очерково-документальная манера письма, ирония и юмор, старообрядческая и древнерусская стилистика, а также специфический язык литературы для детей»¹⁷⁶.

Очерк Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. в качестве свободного жанра сочетает художественное, документальное и публицистическое начала, с чем связана и вариативность в выборе формы повествования. Преобладающими формами повествовательной организации в большинстве произведений малой прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. являются традиционные я-форма с типом видения изнутри, и он-форма с типом видения извне. Встречается и форма первого лица множественного числа (мы). Указанные формы могут встречаться в различных комбинациях и пропорциях, что зависит от художественных задач автора и жанровых особенностей текста. Оппозицию свободному жанру художественно-документального плана составляют художественно-беллетристический рассказ и повесть-очерк.

В большем объеме в художественно-документальных текстах присутствует форма повествования от первого лица¹⁷⁷ (I ф.), семантика которой, по концепции К. Н. Атаровой и Г. А. Лесскиса, связана с субъективностью, достоверностью, с наличием персонифицированного повествователя, существующего в том же мире, что и персонажи¹⁷⁸. Очерк, как правило, характеризуется «экземплярностью», чередованием картин

---

¹⁷⁶ Слобожанинова Л. М. Типология малых жанров в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка // Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения. Екатеринбург, 2013. С. 108.

¹⁷⁷ См.: Зырянов О. В. «Уральские рассказы» как художественная целостность // Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения. Екатеринбург, 2013. С. 111.

¹⁷⁸ См.: Атарова К. Н., Лесскис Г. А. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. Т. 35, № 4. С. 345–347.

жизни, «мобильностью», у Мамина не рассыпается на голоса и истории, что во многом обусловлено именно фигурой автора-повествователя. Однако нельзя говорить об этой фигуре только как о некоем скрипторе, фиксирующем происходящее. Авторская позиция у Мамина именно активная, особенно это касается очерков первой половины 1880-х гг., объединенных тематикой пути, так называемых травелогов. Она выражается и в эмоциональной окраске повествования, и в привлечении нужного контекста из личного опыта – документальных, исторических сведений, статистических данных.

Д. Н. Мамин-Сибиряк синтезирует достижения предшественников в области повествования: изустный рассказ в обрамлении личного повествователя, как правило, человека другого социального слоя (40-е гг., И. С. Тургенев и др.), собственно повествователь – носитель народного сознания (60-е гг., Ф. М. Решетников и др.). Маминский повествователь близок той среде, о которой он говорит, близок по причине частого нахождения внутри этой среды, однако он с этой средой неслиян. Такая пограничная функция позволяет умеренно вводить и «живой» (в том числе диалектный) материал, и собственные пояснения и замечания. Часто используемая Маминым авторская жанровая номинация (*Из путешествия по реке Чусовой, Из жизни на Урале, Очерк из жизни Среднего Урала, Очерки захолустного быта, Страничка из жизни Урала, Сцена с натуры, Этюд с натуры* и т. д.) была призвана привлечь внимание читателя к особенностям определенного локуса, а также к используемому для выражения этих особенностей жанру очерка. К таким особенностям относится, по мысли И. А. Дергачева, утверждаемое в очерке достоинство факта, внимание к деталям, а также пластичность жанра¹⁷⁹, позволяющая автору вводить сиюминутный материал, не определенный каноном, реальность жизни, а не

---

¹⁷⁹ Дергачев И. А. Динамика повествовательных жанров русской прозы 70–90-х годов XIX века // Русская литература 1870–1890-х гг. Вып. 9: Проблемы типологии реализма. Свердловск, 1976. С. 13–14.

литературный вымысел. Некоторые тексты («Блажные» (1885), «Волчий хлеб» (1886) и т. д.) имеют подзаголовки *Очерки...* (во множественном числе), что отчасти объясняет свободную повествовательную организацию. По мнению И. А. Дергачева, «...множественное число – очерки – означало стремление указать на своеобразие сюжета, состоящего как бы из относительно самостоятельных повествований»¹⁸⁰. Под «относительно самостоятельными повествованиями» в данном случае можно понимать и одновременные пласты, соединяемые художником в одном тексте, и сознательное членение материала на главки, и включение автором-повествователем – наряду с изложением фабульной линии – обобщений, неких рефлексий по поводу. Так, очерк «Блажные» с подзаголовком *Очерки из заводских нравов* включает в себя четыре части, вторая главка представляет воспоминание повествователя об известных ему «блажных» Черемшанского завода, весь текст пронизывают авторские выводы-заключения, подобные таким: «Остается вопрос: навсегда ли миновало время людей, потерявших свое “душевное зеркало” в той или в другой форме? Полагаю, что нет, по крайней мере, это верно для мудреной заводской жизни, где на каждом шагу такая масса противоречий...»¹⁸¹ Манера автора-повествователя характеризуется определенной долей репортажности и публицистичности одновременно. Он вспоминает о лете, проведенном (как следует из контекста – по долгу службы) в Черемшанском заводе, и из общей картины своего пребывания на уральском заводе «выхватывает» фрагменты, характеризующие положение блаженных и юродивых в пореформенную эпоху на Урале: «Мне вдруг сделалось ясной целая полоса заводской жизни, которая раньше только поражала своими резкими противоречиями»¹⁸². Подчиненность повествования единой задаче (представление типа) объясняет и вкрапление разностилевого материала, относящегося к выбранной теме:

---

¹⁸⁰ Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк: Личность. Творчество. Свердловск, 1977. С. 61.

¹⁸¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 246.

¹⁸² Там же. С. 239.

читатель имеет возможность «подслушать» разговоры с блажными, а также проследить этапы появления и существования их в заводских локусах и вместе с повествователем задуматься над вопросом: «...навсегда ли миновало время людей, потерявших свое “душевное зеркало” [другое название блажных] в той или другой форме»¹⁸³. Такие замечания вызывают обоснованные ассоциации с публицистическим произведением.

Учитывая наблюдение Н. И. Глушкова, согласно которому «документальность – важная, но далеко не определяющая черта в очерке»¹⁸⁴, можно отметить, что очерковая манера Мамина претерпевает определенные изменения в течение 80-х гг. XIX в. Например, в текстах так называемого «второго дебюта» (1881–1882) можно встретить множество статистически точных описаний такого рода: «Настоящие большие барки ходят по Чусовой только раз в году <...> они имеют в длину 18 сажень, покрыты сплошной палубой и вмещают до 15,000 пудов груза...»¹⁸⁵ Таких описаний становится неизбежно меньше в произведениях середины и в конце 1880-х гг., а значит, степень документальности в общепринятом значении, степень внимания к факту изменяется, происходит беллетризация произведений, что можно рассматривать и как отказ от репортажности и сиюминутности, стремление к универсализации текста, рост художественности Мамина. Выражением такого процесса является более частое использование формы повествования от третьего лица (III ф.), характеризующейся семантикой вымысла, полнотой изображения внешнего и внутреннего мира, объективностью¹⁸⁶. Именно стремление к объективности как одна из примет литературы рассматриваемого периода обнаруживает себя в названных текстах: автор действительно старается избегать оценочных характеристик, часто предоставляя право читателю самостоятельно делать выводы, при этом, по

---

¹⁸³ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 246.

¹⁸⁴ Глушков Н. И. Очерк в русской литературе. Ростов-на-Дону, 1966. С. 29.

¹⁸⁵ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 446.

¹⁸⁶ См.: Атарова К. Н., Лескис Г. А. Семантика и структура повествования от третьего лица в художественной прозе // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. Т. 39, № 1. С. 34.

замечанию И. А. Дергачева, «...разумеется, он (автор) понимает действительность глубже, чем его герои, но не морализирует по поводу представлений о жизни, сложившихся у них...»¹⁸⁷ В этот период у Мамина, как справедливо отметила Е. К. Созина, формируется «объективно-беспристрастная форма романного повествования, где эстетическое созерцание станет довлеющим»¹⁸⁸.

Таким образом, из сказанного следует очень важный вывод, актуальный для всего творчества Мамина-Сибиряка 1880-х гг. Произведения Мамина распадаются на две обширные группы: произведения художественно-документальной направленности и произведения художественно-беллетристического склада. Каждая из групп, соответственно, тяготеет к определенным жанровым образованиям: так, для первой группы конституирующим будет являться очерк и его пограничные варианты, очерк-травелог, очерк с публицистической окраской, а также публицистическая статья; для второй группы произведений – это рассказ и специфическое образование повесть-очерк.

Система разграничения произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка в рамках названных двух групп основывается на следующих факторах:

- 1) установка на вымысел – домысливание¹⁸⁹ или документальность;

---

¹⁸⁷ Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870–1890-х гг. Новосибирск, 2005. С. 36.

¹⁸⁸ Созина Е. К. «Лицо» и «образ» автора в произведениях писателей Урала конца XIX – начала XX века // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Екатеринбург, 2007. Т. 1, вып. 3. С. 22.

¹⁸⁹ Мы употребляем эти термины вслед за Е. К. Ромодановской, в свою очередь взявшей их из работы А. И. Белецкого (См.: Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге нового времени: пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 27–36). Е. К. Ромодановская рассматривала домысел как характерный для исторического, документального жанра, в то время как вымысел специфичен для чисто художественного, фикционального жанра (См.: Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге нового времени: пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 83–112). Перенос указанных понятий на литературу XIX в. осуществляется в работе: Созина Е. К. Этнографическая беллетристика в русской литературе рубежа XIX–XX в. // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. Москва, 2015. С. 625–636. Вымысел как один из признаков литературы художественной (Тодоров Ц. Понятие

2) сюжетные особенности (сюжет как авторская самоцель или сюжет, имеющий второстепенную, инструментальную роль);

3) художественная целостность, завершенность – нередкое отсутствие завершенности, открытость финала;

4) композиционное единство – ассоциативные связи, монтажный принцип композиции;

5) позиция повествователя: скрытость авторской позиции или активный автор-повествователь, повествователь, скрытый за формой «мы-публицистическое», рассказчик.

Данная последовательность компонентов перекликается с четырехуровневой порождающей моделью повествования, представленной В. Шмидом в книге «Нарратология»: 1) происшествия, 2) история, 3) наррация, 4) презентация наррации¹⁹⁰. Происшествия соответствуют фабуле (в ее традиционном для отечественного литературоведения понимании), история – сюжету, наррация в целом может быть сведена к композиционным особенностям (по Шмиду – линейаризация одновременно совершающихся в истории происшествий / перестановка частей истории), презентация наррации – собственно вербализация, то есть комплекс субъектной организации текста. Но в отношении творчества Мамина-Сибиряка важной становится еще и установка на документальное воспроизведение реальности, домысел, или же установка на фикциональность, вымысел.

1.3. Жанрово-повествовательная целостность произведений

Д. Н. Мамина-Сибиряка периода «второго дебюта» (1881–1882)

Для понимания всего периода 1880-х гг. в маминском творчестве необходимо более подробно остановиться на его начальном этапе – «втором

литературы // Семиотика. Москва, 1983. С. 358.) соотносится с до-мыслом, когда автор «интерпретирует их [события], пытается доискаться их смысла, их связи с прошедшим и настоящим, с истиной жизни» (Силантьев И. В., Созина Е. К. Нарратив в литературе и истории. На материале дневниковой прозы А. Герцена 1840-х гг. // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 67).

¹⁹⁰ См.: Шмид В. Нарратология. Москва, 2008. С. 153–155.

дебюте» (1881–1882), ставшем своеобразной «заявкой» на весь рассматриваемый период.

В советском литературоведении период творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка 1875–1882 гг. традиционно считался ученическим, частично «безымянным» периодом. Известный исследователь маминского наследия Г. К. Щенников выделял два блока внутри этого периода: «дебют первый» (1875–1877 гг.) и «дебют второй» (1881–1882 гг.)¹⁹¹. «Первый дебют» подробно рассматривался исследователями в различных аспектах: как ученический период «безымянного» творчества» (Е. А. Боголюбов, А. И. Груздев), как образец «неоромантического стиля» (Г. К. Щенников), как примеры произведений с фольклорной основой (И. А. Дергачев), как первый вариант реализации пространственных образов (Н. А. Кунгурцева) и т. д. В состав «дебюта второго» входят уже более оригинальные произведения, в которых закладываются основы повествовательных и стилевых особенностей всего дальнейшего творчества писателя, вырабатывается свободная форма жанровой организации произведений 1880-х гг. Само название, получившее распространение в исследовательской практике, – «второй дебют» – в определенной степени является оксюмороном, так как в дефиниции слова «дебют» четко обозначена первичность, первое выступление. Тем не менее, такая номинация наиболее точно характеризует тексты Мамина периода 1881–1882 гг., так как избранный им ранее оригинальный местный (уральский) материал сочетается здесь со становящейся, еще только формирующейся манерой письма, но «на этот раз писатель выступает уже со “своей мыслью” и начинает подписываться собственным именем»¹⁹².

Корпус текстов «второго дебюта» сравнительно невелик – семь произведений. Повествовательная манера, складывающаяся в этих

---

¹⁹¹ См.: Щенников Г. К. Литературные дебюты Д. Н. Мамина // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 876–897.

¹⁹² См.: Щенников Г. К. Литературные дебюты Д. Н. Мамина // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 889.

произведениях Мамина, раскрывается отчасти через жанровые характеристики. Мамин дает своим текстам следующие подзаголовки:

- «Варваринский скит. *Страничка из жизни Урала*»;
- «На Чусовой. *Сцена с натуры*»;
- «В камнях. *Из путешествия по реке Чусовой*»;
- «Сестры. *Очерк из жизни Среднего Урала*»;
- «Все мы хлеб едим. *Из жизни на Урале*» (первоначально – *Из путевых заметок*);
- «На рубеже Азии [Очерки захолустного быта];
- «Искорки. *Святочный рассказ*».

Как видим, они максимально конкретизированы, а некоторые из них отсылают к традиционным жанровым дефинициям (например, святочная традиция, путевые заметки). Присутствует и собственно очерк. По мнению Г. К. Щенникова, «такое жанровое определение <очерк. – А. Б.> указывало на достоверность, документальность, подлинность событий, изображенных в них, т. е. сразу отделяло произведения от прежних экзотических рассказов-быличек»¹⁹³. Подзаголовки рассматриваемых произведений Мамина получают еще и географическую конкретизацию, автор настойчиво выводит на первый план место действия, определенный пространственный локус.

Действительно, с одной стороны, произведения Мамина-Сибиряка периода «второго дебюта» отличаются особым вниманием к факту, детали, относительным равенством сознаний, отраженных в тексте, и, несмотря на то, что довольно сильно разнятся по характеру изображаемого, оказываются сходны по своей художественной организации. Как писал И. А. Дергачев, рассказы Мамина 80-х, а частично и 90-х гг. «...имеют однородную или близкую художественную структуру»¹⁹⁴.

---

¹⁹³ Щенников Г. К. Литературные дебюты Д. Н. Мамина // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 890.

¹⁹⁴ Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870–1890-х гг. Новосибирск, 2005. С. 37.

Ассоциативная связь между пятью текстами из периода «второго дебюта» возникает уже при взгляде на их заголовки и подзаголовки. Именно заголовки и подзаголовки обозначают начальную границу восприятия, задают основной смысловой и эмоциональный тон, в данном случае локально связывают в художественное единство сюжеты разных произведений. Географические наименования задают пространственный вектор и в то же время объединяют названные очерки, выступая в качестве своеобразного жанрового метатекста, вынесенного автором в заголовок/подзаголовок, формируя читательский «горизонт ожидания»¹⁹⁵.

Ощущение локального единства некоторых текстов «второго дебюта» достигается и с помощью представления типологических важных для Урала топосов – *завод, скит, река*: в «Варваринском скиту» рассказчик пребывает на заводе Ш*, в тридцати верстах от которого находится скит; в очерке «В камнях» – едет по реке на Кыновский завод, в очерке «На Чусовой» – описывает сплав по реке; в «Сестрах» – едет на Пеньковский завод. К пространственному единству присоединяется последовательность сезонно-природного цикла: действие в названных текстах происходит в апреле («На Чусовой»), в мае («Сестры»), в июне («Варваринский скит»), летом («Все мы хлеб едим...»), в сентябре («В камнях»). Как видим, выбраны месяцы, особенно удачные и пригодные для поездки/путешествия, что в совокупности с особенностями сюжета рождает ассоциации с травелогом. Собственно травеложно-очерковый характер довольно часто используется в маминских текстах 80–90-х гг. – таков цикл «От Урала до Москвы» (1881), произведения «От Зауралья до Волги» (1885), «Святой уголок» (1886), «Старая Пермь» (1889) и т. д.

Важно отметить, что сюжет части названных текстов, по мнению И. А. Дергачева, «...не столько развивается, сколько течет, подчинен смене

---

¹⁹⁵ Современное зарубежное литературоведение. Москва, 1999. С. 27.

наблюдений, встреч повествователя...»¹⁹⁶ В широком смысле в текстах «На Чусовой», «В камнях», «Варваринский скит», «Сестры», «Все мы хлеб едим...» явлен сюжет путешествия, поездки. Но в первых двух имеются черты, свойственные, по наблюдению В. А. Лимеровой, многим путевым запискам: «...изображение, анализ, оценка жизненных реалий ... направленные не столько на умножение собственного знания, сколько на просвещение читателя, не так близко знакомого с географией, природой...»¹⁹⁷ Ярко также выражены особенности жанра очерка (в частности, стремление к документальной точности, к детальному описанию местности). В трех остальных произведениях поездка и путешествие – условная, внешняя пружина сюжета, а сам текст скорее относим к художественно-беллетристической группе. Здесь важна не столько поездка, впечатление от места, исторические сведения, но важно то, какие события происходят с повествователем, сюжет разнообразен и содержит интригу.

Тематически тексты «второго дебюта» подготавливают более поздние произведения Мамина, к примеру, горнозаводская тема, затронутая в «Сестрах», позже проявится в таких произведениях, как «Дикое счастье» (1884), «Горное гнездо» (1884), «Золото» (1892) и т. д.; автобиографическая тема, нашедшая свое выражение в очерке «На рубеже Азии», потом найдет продолжение в очерке «Волчий хлеб» (1886), романе «Черты из жизни Пепко» (1894); рассказ «Искорки» встает в один ряд с множеством других маминских святочно-рождественских текстов – «Старая дудка» (1886), «Богач и Еремка» (1894), «Ийи» (1902), «Рождественские огни» (1903) и т. д.

При детальном рассмотрении особенностей повествования в указанных произведениях обращает на себя внимание прежде всего фигура самого повествователя. И в том и в другом виде текстов пред нами предстает

---

¹⁹⁶ Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870–1890-х гг. Новосибирск, 2005. С. 42.

¹⁹⁷ Лимерова В. А. Жанровые разновидности путешествия в коми-зырянской словесности середины XIX в. // Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов. Екатеринбург, 2010. С. 169.

повествователь от первого лица, однако для каждого вида – свои особенности существования этой формы. По мнению Ю. М. Проскуриной, общей тенденцией литературы в те годы было «стремление сблизить творческий процесс с научным познанием», это, в свою очередь, в художественно-документальной прозе «побуждает Мамина изображать то, что он видел сам, рассказывать о том, о чем узнал из достоверных источников...»¹⁹⁸ Подобную форму повествования Г. К. Щенников называл «...от лица рассказчика-“исследователя”»¹⁹⁹, она «ориентировала читателя на объективный анализ всего представленного»²⁰⁰.

В очерке «В камнях» рассказчик фиксирует маршрут, делает беглые пейзажные зарисовки. Природа для Мамина имела колоссальное значение, и описания природы в его очерках-травелогах довольно часты, при этом выраженная визуальность помогает утвердить достоверность и сиюминутность наблюдений, чему также служит повествование в грамматической форме первого лица. Но основное внимание рассказчика направлено на описание взаимодействия с попутчиками, нравов и быта бурлаков. В данном очерке рассказчик отделен от объекта повествования: во-первых, отделен социально, так как он является человеком другого сословия, случайно попавшим в среду народно-бурлацкую, во-вторых, хотя он и существует в том же пространстве – фактически от бурлаков его всегда отделяет предметная граница: «...мне нужно было доехать на барке только до Кыновского завода ... но Прошка сейчас же разгородил свой балаган на две половины и предоставил одну из них мне, как барину»²⁰¹. Такое «отделение» рождает и особую манеру повествования – «лично-безличную», так как, несмотря на «я-форму», рассказчик старается максимально беспристрастно,

---

¹⁹⁸ Проскурина Ю. М. Натуралистические тенденции в стилевой палитре Мамина-Сибиряка начала 1880-х годов // Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка в контексте русской литературы. Екатеринбург, 2002. С. 16.

¹⁹⁹ Щенников Г. К. Литературные дебюты Д. Н. Мамина // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 890.

²⁰⁰ Там же. С. 890.

²⁰¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 451.

объективно, со стороны дать хронологию событий. Именно здесь мы видим свойственное очерку, по мнению Э. А. Шубина, «“свободное повествование”, которое ориентировалось на большее сближение сюжета рассказа с действительным движением жизни»²⁰². Отсюда же рождаются два плана повествования: мир персонажей-бурлаков, народа, где право голоса получают сами герои (через несобственно-прямую речь), и мир повествователя – это его краткие пояснения, комментарии, выражение эмоций, его сюжетная путевая линия в целом. Текст разделен графически на небольшие фрагменты, деление соответствует путевому маршруту, смене пространства (берег, барка, балаган) / времени суток. Обилие вставных текстов, историй, баек, которые рассказывают сплавщики: Прошка, Минеич, Мамко, Окиня – «расцвечивают» повествовательную картину, создавая эффект многоголосья. При этом в очерке «В камнях» можно найти множество пояснений, уточнений документального характера, что придает тексту репортажно-информативный характер: «...суденышко постоянно задевало за “таши”, т. е. за подводные камни...»²⁰³; «хватка, т. е. привал барки к берегу ... довольно замысловатая вещь...»²⁰⁴ Читатель наблюдает череду сцен, обрамленных комментариями рассказчика-наблюдателя, который на некоторое время погружается в среду, контурно описывает встречающиеся характеры, оставляя финал открытым: «– Ты, барин, весной к нам приезжай, на Чусовую-то, – говорил мне на прощанье Окиня, – изуважим... Долго будешь помнить! – И теперь не забуду. – Теперь чего: раков давим!..»²⁰⁵

В текстах беллетристического плана «Варваринский скит», «Сестры», «Все мы хлеб едим» также я-форма уже не наделена рассмотренным нами исследовательским колоритом, меняется степень включенности рассказчика в персонажный мир. В основе фабульной линии – вновь путешествие, но

---

²⁰² См.: Шубин Э. А. Современный русский рассказ: вопросы поэтики жанра. Ленинград, 1974. С. 46.

²⁰³ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 446.

²⁰⁴ Там же. С. 459.

²⁰⁵ Там же. С. 478.

рассказчик не отделен от персонажного плана, поскольку некоторые герои знакомы ему (Обрезков, Епинет Мухоедов, Сарафанов соответственно). Сам рассказчик-повествователь – фигура и повествующая, и повествуемая, иначе говоря – выполняет двойную функцию. Он активно участвует в действиях, излагает событийную канву, вникает в психологию каждого героя, погружаясь в нее, приоткрывает читателю мотивы поступков персонажей: «Обрезков, милый человек сам по себе, веселый собеседник, в качестве станowego не был чужд некоторым слабостям: во-первых, он до смешного полагался на свою проницательность и, во-вторых, считал себя самым хитрым человеком» («Варваринский скит»). В «Сестрах» повествователь прослеживает эволюцию характера своего университетского товарища Мухоедова: «Мне особенно было интересно проследить, что произошло с его тайничком <души. – А. Б.> за последние десять лет, в которые русское общество пережило, передумало и переживало так много...»²⁰⁶, изменение его положения (во втором приезде в Пеньковку): «Микроскоп стоял не на столе, как раньше, а на окне и был покрыт толстым слоем пыли; книги в беспорядке валялись в углу. На столе лежало несколько детских игрушек <...> Значит...»²⁰⁷ В тексте «Все мы хлеб едим» рассказчик также встречает своего старого приятеля, деятельного и общительного Павла Ивановича Сарафанова, которого он ценит именно за возможность через него приблизиться к совершенно разным людям, вникнуть в их быт, познакомиться с нравами: «Для меня лично Сарафанов имел интерес как живая история и география N-ского уезда: он знал всех наперечет и пешком, с ружьем за плечами, исходил его вдоль и поперек»²⁰⁸. Как и в «Сестрах», в этой повести герои даны не статично, рассказчик через Павла Ивановича узнает об их дальнейшей судьбе.

---

²⁰⁶ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 491.

²⁰⁷ Там же. С. 568.

²⁰⁸ Там же. С. 481.

Как видим, в названных трех произведениях («Варваринский скит», «Сестры», «Все мы хлеб едим...») при сохранении «я-формы» позиция повествователя меняется. Перед нами – не кусочки реальной жизни, попавшие мимоходом в поле зрения повествователя, а развернутая картина жизни в сочетании с художественным вымыслом и пр. В указанных текстах повествователь обладает всеведением, он стоит «выше» персонажей. Благодаря прорисованным характерам появляются характеры-типы: например, Мухоедов – тип русского провинциального интеллигента. Несмотря на то, что приметы очерка (внимание к факту и детали) присутствуют в данных текстах, по характеру повествования, по степени эпического изображения полноты жизни произведения более тяготеют к повести (в особенности «Сестры» и «Все мы хлеб едим...»). Мы можем сделать вывод о различной степени авторской вненаходимости в очерке «В камнях» и в текстах «Варваринский скит», «Сестры», «Все мы хлеб едим». В первом очерке повествователь-странствователь подает ряд мозаичных картин, ему передана часть авторских функций, здесь нет обобщающего концептуального единства, тогда как в трех последних произведениях, наклонных к беллетристической форме повести, автор – «демиург» на уровне повествовательной организации, он вкладывает в произведение определенную концепцию, обобщающую мысль. В произведении «На рубеже Азии» также наиболее отчетлива роль повествователя, так как «...события объединены личностью Кира Обонполова»²⁰⁹, именно через призму его сознания (детского и взрослого) пропущены рассказываемые события, что обусловлено характером самого жанра, который условно можно назвать очерком-воспоминанием с автобиографическими чертами.

В двух текстах «дебюта второго» мы наблюдаем отказ от формы изложения от первого лица в пользу безличного повествования. В очерке «На Чусовой» такой прием в сочетании с обильным цитированием разговоров

---

²⁰⁹ Дергачев И. А. В начале восьмидесятых. Послесловие // Мамин-Сибиряк Д. Н. Очерки и рассказы. Свердловск, 1980. С. 435.

сплавщиков создает ощущение живой картинки, не пропущенной через призму повествующего сознания. Своеобразный след этого сознания запечатлен лишь в последнем абзаце очерка: «Так производится сплав караванов по реке Чусовой Пермской губернии. В последнее время для облегчения судоходцев сделаны кое-какие улучшения, но несчастья все-таки случаются очень нередко»²¹⁰. Сам подзаголовок данного очерка – *Сцена с природы* – предполагает определенную драматургичность, а финальная фраза ассоциируется с авторской ремаркой. Исследовательский колорит этой «сцены» очевиден. Финал также подтверждает: произведение больше склоняется к художественно-документальной разновидности, хотя и написано от третьего лица, что для такого рода произведения не совсем типично. Зато типична форма изложения от третьего лица, использованная в художественно-беллетристическом святочном рассказе «Искорки», обладающем полноразмерным сюжетом, композиционной целостностью и определенностью финала.

Таким образом, в произведениях «второго дебюта» Маминым уже намечается повествовательная система, которая будет использоваться писателем на протяжении 1880-х гг. Два полюса этой системы – художественно-документальные очерки и художественно-беллетристические рассказы, повесть-очерк.

Важно также отметить, что в рассмотренных текстах форма повествования и позиция самого повествователя наиболее чутко реагируют на «колебание» жанра. Особо подчеркнем, что фигура повествователя в выбранных текстах чаще всего обладает организующими функциями несмотря на то, что почти во всех текстах он обладает нулевой степенью индивидуализации, то есть перед нами «имперсональное повествование»²¹¹.

Стремление Мамина в этот период к очерковости, закрепленное в том числе в авторских жанровых предуведомлениях, было продиктовано и

---

²¹⁰ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 445.

²¹¹ Современное зарубежное литературоведение. Москва, 1999. С. 57.

характером изображаемого, и общелитературной ситуацией, такое стремление сохранится в дальнейшем, что подтверждается автором в одном из писем начала XX в.: «Как-то странно вспомнить, что я когда-то писал “Приваловские миллионы”, “Хлеб” и другие романы. Наступили вообще какие-то короткие времена...»²¹²

---

²¹² Письмо к матери 27/ХІІ 1907 // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. Москва, 1955. С. 678.

Глава II.

Поэтика повествования в художественно-документальных произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг.

2.1. Жанр очерка-травелога и его модификации

Сам писатель полагал, что в современное ему время формируется новый отдел беллетристики, названный им «областным» («Автобиографическая заметка»)²¹³. Безусловно, очерки этнографического и регионального характера появлялись в 1860–1880-е гг. Издавались произведения подобного плана А. Ф. Писемского (сб. «Путевые очерки», 1857 г. и др.), С. В. Максимова («Год на Севере», 1859 г., «На Востоке», 1864 г. и др.), П. И. Мельникова-Печерского («Очерки мордвы», 1867 г. и др.), Ф. Д. Нефедова («Наши фабрики», 1872 г., «Движение башкир перед пугачевским бунтом. Салават, башкирский батыр», 1880 г. и др.), В. И. Немировича-Данченко («Соловки», 1874 г., «Крестьянское царство», 1881 г., «Святые горы», 1886 г. и др.) и т. п. Однако у Д. Н. Мамина-Сибиряка мы наблюдаем не только этнографически локальную направленность очерка в духе сложившейся традиции натуральной школы, развитой шестидесятниками, но и дальнейшее развитие этой традиции: региональные особенности, в частности уральская действительность, становятся у него собственно объектом изображения. По мнению В. В. Абашева, именно «в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка начинают формироваться <...> элементы будущей геопэтики Урала»²¹⁴. Урал стал основной темой Мамина, и от очерка он перешел к романам и др.: художественная картина мира вызрела на базе очерковой. На материале «локальных текстов» этого ни у В. И. Немировича-Данченко, ни у С. В. Максимова не случилось. Уральская действительность сама по себе

---

²¹³ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. 1955. С. 434.

²¹⁴ Абашев В. В. Геопэтический взгляд на историю литературы Урала // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург, 2006. Вып. 1. С. 27.

порождала в тематическом круге текстов Мамина и устойчивый набор коррелирующих тем: тема раскола, тема угнетенных народов и их культуры, тема золотодобычи, тема сплава по рекам, «женская» тема и т. д. По словам О. К. Лагуновой, «особенности реализма Мамина проявились, прежде всего, в его стремлении показать тесную связь судеб людей, их нравственных понятий, потока настроений, чувств и мыслей с социальным развитием Урала, который питал вдохновение писателя, давал ему изобилие сюжетов, тем, характеров»²¹⁵. В этом отношении период 1880-х гг. в маминском творчестве (малая проза) – это еще и своеобразная «копилка» сюжетов и мотивов. Такую особенность художественного метода Мамина О. К. Лагунова назвала ступенчатостью в раскрытии той или иной темы, так как первоначально темы разрабатывались в жанрах малой прозы, а затем раскрывались в романном творчестве²¹⁶.

Как уже было сказано, в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка впервые в русской литературе так разнообразно, ярко и полно был представлен практически весь Урал – от северных его отрогов до южных степей, от камского Приуралья до Сибири. По мнению И. А. Дергачева, в произведениях писателя «слово “Урал”, “уральский” несёт в себе мысль об истории, об <...> особенностях региона»²¹⁷. Современная исследовательница творчества Мамина-Сибиряка, Н. А. Кунгурцева, отмечает, что именно «...в период первых литературных проб формируется основополагающая особенность литературного письма Мамина: обязательная соотнесённость событий и действий произведения с географическим пространством

---

²¹⁵ Лагунова О. К. Историческая проблематика в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка: дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1985. С. 4.

²¹⁶ См.: Лагунова О. К. Историческая проблематика в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка: дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1985. С. 11.

²¹⁷ Дергачев И. А. Пейзаж Д. Н. Мамина-Сибиряка: школа, структура, функция // Модификации художественных форм в литературном процессе. Д. Н. Мамин-Сибиряк – художник. Свердловск, 1989. С. 53.

Урала»²¹⁸. Мамин-автор настойчиво выводит на первый план место действия, локус: таковы, например, жанровые «географические конкретизации».

Пространственно-природные образы в малой прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. составляют своеобразие изображенного им в целом ландшафта Урала. В качестве составляющего геопоэтический образ ландшафт интерпретируется исследователями как природно-культурное пространство (Ю. А. Веденин²¹⁹, В. Н. Калуцков²²⁰), как «фундаментальная инстанция человеческого бытия и истории»²²¹. Как пишет Р. Ф. Туровский, ландшафт «...является исторически сложившимся, комплексным, многослойным образованием, включая в себя “пейзажные (материальные, физические) и нематериальные (духовные, информационные) компоненты”»²²². Еще один автор, М. П. Крылов, дает более узкое определение регионального ландшафта: «...это системная совокупность отношений, связанная с понятием “малая родина”»²²³. Отсюда, на наш взгляд, возможный аспект рассмотрения природного пространства Урала в раннем творчестве Мамина-Сибиряка как важной составляющей регионального природно-культурного ландшафта. Одним из самых естественных для такой задачи становится у Мамина жанр травелога, в котором благодаря путешествиям, передвижениям автора-повествователя ландшафт предстает как динамическое образование, раскрывающееся перед его взором.

---

²¹⁸ Кунгурцева Н. А. Типология пространства в раннем творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка (1875–1882): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. С. 5.

²¹⁹ Чалая И. П., Веденин Ю. А. Культурно-ландшафтное районирование Тверской области. Москва, 1997.

²²⁰ Калуцков В. Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. Учебное пособие. Москва, 2000.

²²¹ Подлесных А. С. Геопоэтика Алексея Иванова в контексте прозы об Урале: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. С. 6.

²²² Цит. по: Созина Е. К. Историко-культурный ландшафт Урала: к методологии исследования // Литература Урала: история и современность: Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть Екатеринбург, 2011. Вып. 6. С. 9.

²²³ Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. Москва, 2010. С. 13.

Сюжет путешествия, странствия, блуждания является одним из древнейших литературных сюжетов, реализующихся во многих жанрах: хождение, путевая проза, собственно путешествия, или травелоги и т. д. Как правило, подобные тексты представляют собой повествование, в центре которого находится описание экзотики «чужого» мира, характеризующееся художественным осмыслением увиденного или же преобладанием фактографического, документального или этнографического материала. Образ неизвестного топоса – Урала – явлен в прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка. Рассмотрим раннюю малую прозу Д. Н. Мамина-Сибиряка (1880-е гг.), объединенную «путевой» темой – «В камнях»; «На золотом прииске» (1883); «Горой», «Святой уголок», «От Зауралья до Волги» и др. (1885–1886 гг.) и др.

Как пишет Ю. М. Проскурина, «...географическую ориентацию <...> Сибиряк нарочито закрепляет названиями, подзаголовками произведений»²²⁴. В этом отношении Мамин-Сибиряк идет вслед за традицией, так как главной структурообразующей чертой путешествия как литературного жанра является отображение географической реальности маршрутов²²⁵. Для самого автора Урал был малой родиной, он хорошо знал все особенности региона, в произведениях же Мамина автор-повествователь, с позиций которого дается описание маршрута, как правило, «чужак», впервые знакомящийся с местностью. Писатель моделирует «незамутненное» мировосприятие, которое, несомненно, ближе читателю, ибо оно позволяет ощутить новое пространство, добиться эффекта соприсутствия. Описанные Маминым маршруты далеко не всегда масштабны и значительны, но за счет беглых детальных зарисовок, занимательных комментариев путешествия по

---

²²⁴ Проскурина Ю. М. Натуралистические тенденции в стилиевой палитре Мамина-Сибиряка начала 1880-х годов // Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка в контексте русской литературы: материалы научно-практической конф. Екатеринбург, 2002. С. 16.

²²⁵ См.: Фрадкин Н. Г. Необыкновенные путешествия. Москва, 1978. С. 7; Банах И. В. Структура повествования в жанре путешествия (на материале русской литературы конца XVIII – первой трети XIX вв.). Гродно, 2005. С. 11.

окрестным местам становятся не менее увлекательными (река Чусовая, речка Каменка и прииск на ней, безымянные уральские болота, река Исеть, Березовский, селение Шарташ, Екатеринбург и др.). Как заметила И. В. Банах, «сокращение пространственного диапазона открывало возможность для познания своего внутреннего пространства души <...> ведь путешествовать с целью “испытать чувство нового, приятного” можно и по уже знакомым местам»²²⁶. Интересно, что вся представленная у Мамина в этот период география – абсолютно реальна.

Жанру литературного путешествия в принципе свойственно «...определенное жанровое единство, включающее целое сочетание жанров...»²²⁷ Травелог реализуется в типологических разновидностях – минижанрах – путевых дневниках, письмах, записках, а также очерках, мемуарах и т. п. В. М. Гуминский определяет жанр путешествия как «собирательную литературную форму»²²⁸. Подобную собирательность, «размытость» наряду с локальной конкретизацией встречаем в названиях произведений Мамина: «В камнях. Из путешествия по реке Чусовой»; «Горой. Из летних скитаний по Уралу», «Святой уголок. Путевые заметки», «От Зауралья до Волги. Путевые картинки» и др. «Подвижность» жанровых образований данного периода свидетельствует о писательском стремлении к освобождению от четких жанровых установок, что было характерной чертой для литературы конца XIX в.

Одной из важнейших характеристик путевой прозы является способ повествования. Традиционно выделяют различные ориентации в подаче материала: ориентацию на документальность, точность, научное описание,

---

²²⁶ Банах И. В. Структура повествования в жанре путешествия (на материале русской литературы конца XVIII – первой трети XIX вв.). Гродно, 2005. С. 72.

²²⁷ Фрадкин Н. Г. Необыкновенные путешествия. Москва, 1978. С. 6.

²²⁸ Цит. по: Банах И. В. Структура повествования в жанре путешествия (на материале русской литературы конца XVIII – первой трети XIX вв.). Гродно, 2005. С. 19.

фактографичность и ориентацию на субъективность, переживание от увиденного, художественное осмысление действительности²²⁹.

Важной чертой жанра путевых заметок, которую находим и в текстах Мамина-Сибиряка, является форма повествования от первого лица. Специфика жанра также определяет константу включенности автора-повествователя в персонажный мир, но при этом повествователь часто занимает периферийное место, помещая в центр объективный мир²³⁰.

Стремление к документальной точности, а также к детальному описанию местности в качестве ярких примет очерка особенно отчетливо воплощается в произведениях Мамина 1880-х гг., объединенных мотивом дороги, путешествия. Жанр травелога реализуется у Мамина-Сибиряка в разнообразных типологических разновидностях: записных книжках, путевых заметках, картинках и др. Жанр задает основные векторы повествования: по замечанию Ю. М. Проскуриной, «...личный повествователь соответствует жанровой природе очерка»²³¹, а наличие повествователя-странствователя является приметой жанра путешествия. Для путевых очерков Мамина 1880-х гг. характерна активная позиция автора-повествователя, выражающаяся в его деятельной композиционной роли, а также в эмоциональной окраске повествования. Тип повествования от первого лица также преобладает во многих очерках 1880-х гг., вошедших позже в сборник-цикл «Уральские рассказы» – «Бойцы», «Золотуха», «Гроза», «На шихане», «Лес», «Отрава» и т. д. Среди этих очерков многие обладают травеложно-этнографическим колоритом, в них, по мнению И. А. Дергачева, при композиционно

---

²²⁹ Банах И. В. Структура повествования в жанре путешествия (на материале русской литературы конца XVIII – первой трети XIX вв.). Гродно, 2005. С. 11; Фрадкин Н. Г. Необыкновенные путешествия. Москва, 1978. С. 8.; Франк С. Русские травелоги середины 1930-х годов // Беглые взгляды. Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века: сб. ст. Москва, 2010. С. 185.

²³⁰ См. об этом: Банах И. В. Структура повествования в жанре путешествия (на материале русской литературы конца XVIII – первой трети XIX вв.). Гродно, 2005. С. 12–14.

²³¹ Проскурина Ю. М. Образ автора в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка начала восьмидесятых годов XIX века // Д. Н. Мамина-Сибиряк – художник: сб. научн. тр., Свердловск, 1989. С. 33.

организующей роли личного автора-повествователя голос повествователя тем не менее «растворяется» в общем многоголосье созерцаемой действительности²³², что позволяет добиться объективного изображения.

Жанр путевых заметок у Мамина характеризуется и «топоцентричностью», и антропоцентричностью, так как лишенных человеческого присутствия описаний не так много, о причинах чего писал и сам автор в цикле «От Урала до Москвы» (1881–1882): «...как ни хороша природа сама по себе, как ни легко дышится на этом зеленом просторе, под голубым бездонным небом, – глаз невольно ищет признаков человеческого существования среди этой зеленой пустыни»²³³.

На формальном уровне фабулу передвижения, путешествия фиксируют очерки «Зимняя вольница. Из записной книжки» (1885), «Святой уголок. Путевые заметки» (1885), «От Зауралья до Волги. Путевые картинки» (1886). Они имеют – что немаловажно – деление на главы и части, соответственно маршруту, более того, последний состоит из шести частей, каждой из которых автор предпосылает основные тезисы, своеобразный план маршрута: «Кама и навеянные ею мысли. – Пермь. – Первые впечатления. – Провинция и наши центры. – Обезлесенный край. – Беседы со старым сибиряком...»²³⁴ Подобный прием автор будет использовать в произведении «Самоцветы. Очерки» (1890)²³⁵.

Для части рассматриваемых путевых текстов Мамина характерно акцентирование читательского внимания на наиболее отличительных чертах Уральского края, в частности, отдельные целостные нарративы он посвящает описанию процесса золотодобычи и собственно этапов развития

---

²³² См.: Дергачев И. А. Глеб Успенский и Мамин-Сибиряк // Мамин-Сибиряк в литературном контексте второй половины XIX века. Екатеринбург, 1992. С. 90.

²³³ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. Москва, 1955. С. 302.

²³⁴ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 395.

²³⁵ Такой прием встречаем в прозе зарубежных авторов XVII – XVIII вв.: Г. Я. К. Гриммельсгаузена («Симплиссимус»), Д. Дефо («Робинзон Крузо»), Дж. Свифта («Путешествия Гулливера»), Г. Филдинг («История Тома Джонса, найденыша»), Вольтера («Кандид, или Оптимизм», «Простодушный») и др.

золотоискательства: «На золотом прииске» (1883); «Зимняя вольница. Из записной книжки» (1885), «Золотое гнездо» (1885). Известно, что Мамин не раз обращался к указанной теме, важной в плане идентификации региона для массового российского читателя (рассказы «Золотуха» (1884), «Золотая ночь» (1884), «Золотой брат» (1886), «Ната» (1885), роман «Золото» (1892) и т. д.). Путешествуя по приискам (традиционный уральский локус), автор-повествователь опять же стремится изложить не только факты, но и дать типы золотоискателей, так что все маминское творчество предполагает особое, приоритетное внимание к человеческим судьбам, к личности. Причем природный ландшафт по-особому открывается и перед самим путешествующим субъектом: природа и населяющий ее человек полностью заслоняют внутренний мир путешественника. Главной целью становится «представление местности», но не представление ощущений от пребывания в ней.

Очерки-травелоги у Д. Н. Мамина-Сибиряка репрезентируют также основные уральские локусы: лес, горы, реку.

Мамин-Сибиряк непременно акцентирует внимание на том, что перед читателем – уральский лес, горы или река, что соответствует пониманию регионального ландшафта как связанного с малой родиной, – «По моему мнению, никогда лес не бывает так красив, как именно осенью, по крайней мере это верно для нашего *уральского леса*» («От Зауралья до Волги») ²³⁶. Автор стремится не только дать личную оценку, «переживание» окружающей природы («Я каким-то болезненным чувством люблю этот уральский лес, может быть потому, что оживаю в нем и душой и телом от всякой суеты сует наших городов, от дрязг и треволнений жизни» ²³⁷ («От Урала до Москвы»)) но и представить другие «голоса», например, своих попутчиков (« – Все обголили кругом, <... > то ли дело прежде-то было здесь, еще на моих памятях: лес-то стоял шуба-шубой, а теперь так, чахлядь

---

²³⁶ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 372.

²³⁷ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. Москва, 1955. С. 299.

осталась одна... – говорил купец, поглядывая в окошко» («От Зауралья до Волги»)²³⁸.

Авторское внимание концентрируется также на горном пейзаже, например, в очерке «В камнях» находим следующее: «Горы были покрыты диким дремучим лесом, <...> только их готические вершины выскакивали из этой сплошной темно-зеленой массы и придавали ландшафту строгий угрюмый характер»²³⁹. Несмотря на свою «строгость и угрюмость», Уральские горы преобразуются фантазией автора-повествователя в величественные творения, чем-то напоминающие творения рук человеческих: «Форма этих скал самая разнообразная <...> В некоторых местах так и кажется, что эти скалы не игра слепого случая, а результат работы разумных существ: вот правильно заложенная стена, вот фундамент какого-то здания, легкая башенка...»²⁴⁰

Различно описывает повествователь-путешественник и водные уральские артерии. Например, величественно и в то же время зловеще описана местность, где протекает река Чусовая: «В некоторых местах нависали массивные скалы, даже *холодело на сердце*, когда барка приближалась к этим стенам, *обдававшим холодом и сыростью*. Сама вода как-то стихала в таких местах и катилась *темной* молчаливой струей. Малейший звук, капли воды – все это здесь отдавалось глухо как в *склепе*»²⁴¹ (Курсив наш. – А. Б.). Такое описание отчасти подготавливает последующий вставной текст, содержащий сведения о том, что на реке из-за подводных ташей (камней) часто бились барки. Прием градации использован автором для создания образа опасной и неуправляемой стихии. Похожий ассоциативный ряд наблюдаем и в очерке «Горой» (1886). Можно говорить о том, что водный ландшафт в произведениях Мамина наделен чертами враждебности по отношению к человеку, часто такой ландшафт сопутствует

---

²³⁸ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 393.

²³⁹ Там же. Т. 1. С. 453.

²⁴⁰ Там же. Т. 1. С. 454.

²⁴¹ Там же. Т. 1. С. 453.

представлению темы сплава по уральским рекам. С водным ландшафтом у Мамина часто связан и мотив гибели: стихия бывает жестока и к людям, которые пытаются обуздать ее, о чем свидетельствует бурлацкий фольклор о гибели грешника во время сплава («Горой», «В камнях», «На Чусовой»). Необходимо отметить, что негативный образ относим всё-таки к конкретной реке, одной из главных водных артерий Урала, и связано это с реальными особенностями Чусовой, которая до сих пор является опасной для сплавщиков. Совсем иначе явлена читателю другая уральская река: «Исеть вообще замечательная река, как самая живая артерия Урала...»²⁴² На контрасте с описаниями Чусовой смотрится и следующее замечание: «Вот и Волга... Каждый раз, когда я вижу эту великую русскую реку, переживается что-то необыкновенно-хорошее: и небо кажется выше, и лес круглится на берегу...»²⁴³

При обозначении времени путешествия Мамин в основном опирается на время календарное, которое может быть представлено в предметном, качественном измерении – первые числа сентября, августовский день, уральская весна, изрытая весенняя дорога, весенняя гроза, апрельская свежесть. По мнению С. Франк, именно «...путешествие придает времени пространственное измерение»²⁴⁴. Важно также, что в основном момент путешествия и момент его фиксации у Мамина не разделены большим промежутком, все совершилось недавно, только что. Исключение – очерк «Горой», где автор-повествователь вспоминает свой путь в Зауралье, проделанный еще в студенческие годы.

По мысли О. К. Лагуновой, «особенности реализма Мамина проявились, прежде всего, в его стремлении показать тесную связь судеб людей, их нравственных понятий, потока настроений, чувств и мыслей с социальным развитием Урала, который питал вдохновение писателя, давал

---

²⁴² Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 379.

²⁴³ Там же. С. 400.

²⁴⁴ Франк С. Русские травелоги середины 1930-х годов // Беглые взгляды. Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века: сб. ст. Москва, 2010. С. 196.

ему изобилие сюжетов, тем, характеров»²⁴⁵. Показательны в этом отношении травеложно-очерковые маминские произведения 1880-х гг. с публицистическим началом «По Зауралью. *Путевые заметки*» (1887), «На кумысе. *Из летних экскурсий*» (1888), очерк «Старая Пермь. *Путевые очерки*» (1889), «Самоцветы. *Очерк*» (1890), к ним же примыкает цикл очерков «От Урала до Москвы. *Путевые заметки*» (1881–1882).

В названных очерках сохраняется уже перечисленные нами выше конструктивные элементы жанра путешествия: я-форма, авторская жанровая номинация, географическая определенность. Но именно в этих текстах намечается еще одно немаловажное свойство, которое условно работает как прикладная функция жанра травелога. Фабула поездки является структурной сеткой, в которую «вписывается» обширный материал различной тональности: статистической, исторической, публицистической, краеведческо-этнографической. В данном случае имеет место, по нашему мнению, один из вариантов взаимоотношений жанра и повествования, описанный И. В. Силантьевым так: «Произведение не только может воплощать тот или иной сложившийся в литературе жанр как целостную структуру <...> Произведение (и литература в целом) может порождать определенные структурообразующие начала, которые только в перспективе последующего литературного развития сойдутся в целостности нового жанра»²⁴⁶. Именно такого рода жанр путевого очерка со своеобразными публицистическими чертами и является нам в творчестве уральского автора. Очерк как жанр при этом выполняет инструментальную роль, становится сугубо «формой» для нужного автору содержания.

Указанное своеобразие отчасти отражено в рефлексии самого Мамина, выраженной в одном из писем по поводу очерка «Старая Пермь. *Путевые очерки*» (1889): <...> это путевые заметки, в которых, между прочим,

---

²⁴⁵ Лагунова О. К. Историческая проблематика в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка: дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1985. С. 4.

²⁴⁶ Силантьев И. В. Жанровый статус сюжетного произведения // Школа теоретической поэтики. Москва, 2010. С. 167–168.

помещена коротенькая история Пермского края»²⁴⁷. Некоторую особость уже первого очерка в будущем цикле «От Урала до Москвы. *Путевые заметки*» автор оговаривал в письме к А. С. Маминой: «<...> только не смущайся его <очерка> резким тоном, – это мое достоинство и вместе недостаток. Моя цель – самая честная: бросить искру света в окружающую тьму, окружающую языцы»²⁴⁸. Уже из приведенных цитат писателя следует два важных принципа построения очерков рассматриваемого склада: историзм и своего рода «резкий тон».

Скрепляющим началом и тем фактором, за счет которого в художественной ткани произведения органично сливаются и исторические комментарии и резкий тон констатирующих обобщений, касающихся самых разных сфер уральской жизни, и является жанр путевых заметок и очерков. Иногда очерки даже напоминают своеобразные путеводители, как это происходит с произведением «На кумысе»: «Другое дело кумыз киргизский – белый, крепкий, душистый, со специальным букетом степной травы. Лучший кумыз, как рассказывают, в Кокчетаве. Если ехать из Екатеринбурга, то маршрут такой: от Екатеринбурга до Тюмени – по железной дороге, от Тюмени до степного городка Петропавловска 400 верст на лошадях...»²⁴⁹

Материалом для написания художественно-публицистического очерка, в том числе 1880-х гг., служила все та же уральская действительность, а сюжетной основой в большинстве случаев – путешествие. В путевой очерк, где основной и главенствующей формой повествования у Мамина является я-форма, сопутствующая изложению личных впечатлений, а также приведению примеров из жизни самого автора-повествователя («Для лиц, незнакомых с типом этого продавца-мужика, опишу один такой экземпляр. Время от времени ко мне заявляется именно такой мужик из деревни Полдневой...»²⁵⁰), органично «вживляются» показатели объективности – ссылки на

---

²⁴⁷ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. Москва, 1955. С. 650.

²⁴⁸ Там же. С. 621.

²⁴⁹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Повесть и рассказы. Уфа, 1978. С. 281.

²⁵⁰ Мамин-Сибиряк Д. Н. Статьи и очерки. Свердловск, 1947. С. 306.

авторитетные источники (например, при характеристике уральских минералов в очерке «Самоцветы» автор опирается на специальную литературу по теме – труды И. Н. Кокшарова, Г. Щуровского М. Пыляева), «мы-публицистическое» и безличная форма повествования, сопровождающие введение данных об истории места или о документально подтвержденных статистических подробностях («Нам остается еще сказать несколько слов о величине этих копей. Самая большая “Дерниха” – длина 625 сажень, ширина 30 и глубина 2 ½ саж. ...»²⁵¹). Важной отличительной чертой художественно-публицистического очерка у Мамина выступает естественное для травелога вкрапление живой речи попутчиков, аборигенов, встречающихся знакомцев и т. д. Мамин-Сибиряк дает возможность посмотреть на ту или иную ситуацию с разных сторон и разным взглядом: независимого путешественника-краеведа (мы-публицистическое, статистические данные, общие тезисы), путешественника со своими частными впечатлениями (я-форма), местного жителя (диалоги и прямая речь).

Для удобства ориентирования в подобном массиве разностилевого материала Мамин-Сибиряк может снабжать очерки своеобразным структурным планом каждой главки: «Новая мера. – Гора Тальян. – Громкое название: копь цветных камней. – Старинная копь на Тальяне. – Как “руководствуют” цветной камень нынче. Якунька и Пронька. – Характеристика различных названий копей. – Величина копей. – Архиерейский камень, искусственные самоцветы, шерлы»²⁵² (очерк «Самоцветы»). На примере этого плана мы убеждаемся в тесном соседстве факта и «куска жизни». Здесь снова используется прием предшествующей литературной традиции.

Разнообразие форм повествования не ограничивается в таких очерках я-формой, мы-формой и безличной формой, но приобретает и характерные

---

²⁵¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Статьи и очерки. Свердловск, 1947. С. 277.

²⁵² Там же. С. 270.

для жанра путешествия черты живой речи. Кроме того, к «травеложным» особенностям можно также отнести использование уральским автором «мы-формы», но не в публицистическом ее варианте: такая форма сопровождает хронологическую канву путешествия («мы вошли в небольшую избу...»²⁵³; «мы спустились от конторы...»²⁵⁴; «мы отправляемся...» и т. д.), так как почти во всех текстах присутствует персонаж – хороший знакомец рассказчика, попутчик, который сопровождает его во время всего путешествия.

Немаловажной чертой рассматриваемого нами травеложно-публицистического гибрида является незавершенность, характерная и для жанра путевых, записных книжек, и для жанра очерка в принципе. Сравним, например, финал статьи «Кризис уральской горнопромышленности», яркий пример собственно публицистики у Мамина (1) и очерка «На кумысе» (1888), представляющего как раз очерк-травелог с публицистическим началом (2).

(1) «В заключение нашей статьи пожелаем нашим уральским заводчикам, ввиду надвигающейся грозы, не надеяться на паллиативные меры отжившего свой век протекционизма, а обратить все свои силы и старания на то, чтобы перейти с древесного топлива на минеральное и чтобы поменьше загребать жар чужими руками...»²⁵⁵

(2) «Мулла, еще молодой человек, сам налил нам кумыза, но мы едва могли одолеть по небольшой деревянной чашке: синий, жидкий, кислый – вообще, никакого сравнения с тем кумызом, какой мы пили у Баймагана. Воображаю, каким кумызом угощают публику где-нибудь в Самаре...

– Одна мучка, да не одне ручки! – заметил Андроныч, вытирая усы полый кафтана»²⁵⁶.

Таким образом, привлечение в художественный очерк публицистического начала в сочетании с особенностями жанра травелога позволяет Мамину органично соединять различные начала –

---

²⁵³ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 3. Екатеринбург, 2007. С. 658.

²⁵⁴ Там же. С. 661.

²⁵⁵ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. Москва, 1955. С. 428.

²⁵⁶ Мамин-Сибиряк Д. Н. Повесть и рассказы. Уфа, 1978. С. 316.

исследовательски-краеведческое, статистическое, собственно художественное, последнее при этом все же является конституирующим и главенствующим. Указанная гибридность, как видим, наиболее ярко высвечивается на повествовательном уровне: я-форма в этом случае чаще всего маркирует редкие реплики, внутренние монологи и мысли автора-повествователя («...новому человеку, не привыкшему к печальной красоте наших мест, покажется здесь тяжело и грустно, но я люблю вот эту, именно более чем скромную, природу...»²⁵⁷), а использование мы-формы оформляет авторские обобщения или в ее не публицистическом варианте сопровождает хронологическую канву совместного путешествия автора-повествователя и попутчика. Интересно, что подобные «переплетения», вставные публицистические пояснения не пропадают и в сборнике «Уральские рассказы», пример – из очерка «Родительская кровь» (1885): «Таким образом, вопрос о лесе является в уральском горнозаводском хозяйстве самым больным местом: заводы увеличивают свою производительность, параллельно идет уменьшение лесных дач, и впереди полный крах»²⁵⁸.

Остановимся подробнее на очерке «По Зауралью. Путевые заметки» (1887). В самом начале очерка Мамин открывает несколько причин своей поездки на Южный Урал: во-первых, давнишнее желание посетить этот край, во-вторых, необходимость побывать «на кумызе», путь куда как раз сопряжен с Зауральем, в-третьих, проехать по Зауралью накануне его соединения железной дорогой с Россией, что даст возможность застать местность без «новых веяний и новых людей». Кратко обрисовав причины, побудившие к выезду, Мамин не обходит вниманием и транспортную составляющую: « <...> “на долгих” пред вами разворачивается бесконечная поэзия странствования на полной своей воле с долгими кормежками на постоянных дворах, встречами и знакомствами и с неизбежными

---

²⁵⁷ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 277.

²⁵⁸ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 8 т. Т. 4. Москва, 1954. С. 52.

приключениями»²⁵⁹. Своих непосредственных спутников писатель также представляет в красках – как типажи – 1) «Моя спутница, m-me M., принадлежит к семье тех изработавшихся русских женщин, которым прежде всего необходим отдых» и 2) «Приземистый, плотный с красным спокойным лицом и узкими киргизскими глазами, он являлся типичным представителем своей извозчичьей семьи»²⁶⁰ (Курсив наш. – А. Б.). Далее временной план очерка начинает члениться: помимо условного настоящего, в котором также проистекает коммуникация всех участников путешествия, автор вводит иногда обширные, а иногда краткие исторические экскурсы. Уже при первом таком членении четко прослеживается смена и колебание точек зрения, что выражается в формальной смене формы повествования: *я – считаю нужным оговориться – можно назвать – у нас под этим именем известна – стоит взглянуть – Урал считается – представьте себе – трудно было бы изобрести – история Зауралья представляет собой – русская история застает здесь – мы уже писали – заметим здесь – замечательно то – мы приехали – мы успели – признаюсь*²⁶¹ и т. д. Такое ритмичное чередование повествовательных форм сообразно смене материала не выглядит странным, так как все вкрапления разностилевого материала подчинены единой цели – представление и создание читательского полноценного впечатления, которое должно составиться на основании сочетания субъективного и объективного. Наряду с общими историческими комментариями автор почти о каждой точке своего пути старается отозваться актуальным замечанием, к примеру, про первую «станцию» на своем пути – Нижне-Исетский завод и Арамиль – он говорит следующее: «Где прошел лесовор – там все голо, как колено или голова новорожденного, и это печальное явление можно наблюдать вплоть до самой Арамили – город съел здесь все, оставив на поглядку мелкий “карандашник”». Кроме

²⁵⁹ Мамин-Сибиряк Д. Н. По Зауралью. Путевые заметки // Южный Урал: литературно-художественный альманах. 1952. № 8/9. С. 17.

²⁶⁰ Там же. С. 17–19.

²⁶¹ Там же. С. 21–23.

лесоворничества, пригороды промышленяют доставкой в город разных деревенских продуктов, в том числе и женской прислуги, из которой, как везде, образуется главный контингент проституток, а если подойдет случай, то не прочь и пошалить на тракте, хотя сравнительно нынче очень спокойно»²⁶². Именно подобную «резкость», невозможную в чисто художественном очерке, находил в своих произведениях Мамин.

В понимании писателей середины XIX в. идеей травелога выступает «<...> идея жанровой свободы», означающая «принцип свободного, бессюжетного повествования»²⁶³. На протяжении всего XIX в. не ослабевает также и изначально заданный посыл путешествий – описательно-этнографический. Исследовательница творчества другого уральского писателя Е. Ф. Елина отмечает, что «<...> первое обращение к русской народной жизни выразилось в произведениях, задуманных и выполненных непосредственно с этнографической целью: записки Якушкина (Из путевых заметок // Современник, 1864, № 11, 12), “Год на Севере” Максимова, “Владимирка и Клязьма”, “Письма об Осташкове” Слепцова – все эти сцены, картины и очерки, воспроизводящие различные моменты из жизни простого человека, являлись как бы дополнением при описании нравов, обычаев и всей обстановки жителей определенной местности, путевой очерк существовал в рамках этнографического начала, обязательно содержал исследовательский момент: объяснял сложившиеся явления»²⁶⁴. Исследовательница также отмечает, что вкрапление устных рассказов аборигенов вполне соответствовало представлению этнографического типа²⁶⁵.

---

²⁶² Мамин-Сибиряк Д. Н. По Зауралью. Путевые заметки // Южный Урал: литературно-художественный альманах. 1952. № 8/9. С. 23.

²⁶³ Гуминский В. Открытие мира, или Путешествия и странники. Москва, 1987. С. 134.

²⁶⁴ Елина Е. Ф. Малая проза Ф. М. Решетникова. Проблема народного реализма: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1992. С. 64–65.

²⁶⁵ Там же. С. 75.

Вообще, ввод реплик попутчиков и «аборигенов» соотносится с идеей разноречия, многоголосия, известной из трудов М. М. Бахтина. «Разноречие, вводимое в роман (каковы бы ни были формы его ввода), – это чужая речь на чужом языке, служащая преломленному выражению авторских интенций. Слово такой речи – особое двуголосое слово. Оно служит сразу двум говорящим и выражает одновременно две различных интенции <...>»²⁶⁶. Эта композиционно-речевая двойственность повествования происходит в рамках и других жанров прозы, более близких к живой действительности (первичной реальности). Однако у Мамина это разноречие несколько преобразуется. С одной стороны, важным остается представить диалектные особенности речи местного жителя, представить его как тип, но приведенный диалог с ним служит также авторской цели – поясняет, раскрывает выбранный предмет разговора, становится одним из достоверных источников информации для читателя. Яркий пример из очерка «По Зауралью»:

– Тюменская железная дорога много увела у вас работы? – спрашивал я.

– Тюменка-то... Ну, летом, оно точно, не под силу она нам приходится, – медленно отвечал подрядчик, встряхивая волосами, – зимой свое наведем... Купцу что за расчет по тюменке товар отправлять, когда там ни за что не отвечают. Погляди-ко, как на вокзале начнут швырять кладь – только треск идет, а у нас везде бережь, потому как мы за все отвечаем: подмочил кладь, разбил, потерял...²⁶⁷

Информативным источником для читателя в травелогe с публицистическим началом также становятся разнообразные статистические выкладки, касающиеся в очерке «По Зауралью», например, количества выловленной рыбы в озере Карагуз, численности дворян в Пермской губернии, хозяйственных расчетов, касающихся зауральских имений и пр.

---

²⁶⁶ Бахтин М. М. Слово в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва, 1975. С. 137.

²⁶⁷ Мамин-Сибиряк Д. Н. По Зауралью. Путевые заметки // Южный Урал: литературно-художественный альманах. 1952. № 8/9. С. 25.

Причем введение такого материала всегда продиктовано стремлением подтвердить приведенные тезисы.

Немаловажной чертой травеложно-публицистического гибрида у Мамина-Сибиряка становится система внутри- и «затекстовых» отсылок. Внешние ссылки – упоминание литературы по теме, что опять же поддерживает информативную направленность. Более детально разработана система внутритекстовой навигации. Приведем некоторые примеры из рассматриваемого очерка «По Зауралью»: «мы уже писали о башкирских бунтах...», «<...> но об этом после, когда будем говорить о других зауральских заводах...», «уже описанное нами именем Матусевича...», «сначала скажем о горах...», «мы уже сказали...», «<...> но об этом после, когда будем говорить о степной Башкирии...», «переходим теперь к самому главному...», «мы уже говорили выше...», «а в результате получается уже упомянутое нами выше безлюдье...», «из предыдущего описания Златоустовской казенной дачи читатель видит...»²⁶⁸ и др. Такие отсылки привлекают читательское внимание и служат также дополнительным приемом скрепления разностилевого материала. Если рассматривать данную систему отсылок как пример категорий ретроспекции и проспекции, то можно отметить: с помощью указанных средств укрупняется функция автора-повествователя, представляющего читателю не только результаты своего процесса исследования, познания, но и «проговаривающего» ход таких размышлений. Обобщая сказанное, мы можем отметить, что добавление публицистического плана в очерк-травелог вносит свои коррективы и в повествовательную структуру. В этом смысле еще раз подтверждается замечание Г. В. Мосалевой о том, что существует «<...> связь типа повествования с жанровыми характеристиками в нем, поэтому тип повествования может устанавливаться в зависимости от какой-то ярко

---

²⁶⁸ Мамин-Сибиряк Д. Н. По Зауралью. Путевые заметки // Южный Урал: литературно-художественный альманах. 1952. № 8/9. С. 17–88.

выраженной в нем жанровой тенденции, если следовать эстетическому дискурсу»²⁶⁹.

При всей насыщенности и тщательности разностороннего представления местности – сам автор-повествователь понимает, сколько еще остается недосказанного: «Да и вообще все места, по которым мы ехали, для серьезного изучения требуют не дней, а нескольких лет, поэтому мы ограничиваемся только заметками обыкновенного туриста»²⁷⁰. В этом смысле ответственный подход Мамина был для современной литературы оригинален и продуктивен. Так, А. П. Чехов «осуждая тех современных писателей, которые не знали “ни истории, ни географии, ни естественных наук, ни религии родной страны, ни администрации, ни судопроизводства” (письмо Суворину от 15 мая 1889 г.) <...> с увлечением подготавливал материалы для будущей книги»²⁷¹ <О книге «Остров Сахалин» (1893)>. Вот почему в знаменитом чеховском травелоге можно найти и многочисленные статистические выкладки, исторические отступления, привлечения источников.

Возвращаясь к очерку «По Зауралью», отметим, что его структура может выступать как инвариантный набор признаков травеложно-публицистического гибрида у Д. Н. Мамина-Сибиряка вообще.

Это следующие признаки:

- 1) «сюжетообразующим» является сам маршрут;
- 2) чередование форм повествования согласно чередованию материала;
- 3) членение временного плана – настоящее поездки/историческое время
- 4) статистические выкладки;

---

²⁶⁹ Мосалева Г. В. Особенности повествования: от Пушкина к Лескову. Ижевск ; Екатеринбург, 1999. С. 4.

²⁷⁰ Мамин-Сибиряк Д. Н. По Зауралью. Путевые заметки // Южный Урал: литературно-художественный альманах. 1952. № 8/9. С. 51.

²⁷¹ Семанова М. Л. Примечания // А. П. Чехов. Собр. соч.: в 12 т. Т. 10. Москва, 1956. С. 560.

5) система отсылок, охватывающая весь текст.

Итак, синкретическое соединение жанров (очерк, путевые заметки, картинки и т. д.), характерное для эпохи конца XIX в., обнаруживается в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. Формальным выражением принадлежности к путевому жанру является авторская номинация, грамматическая форма первого лица, обилие географических описаний, специфическая пространственная доминанта. К оригинальным чертам можно отнести внимание к деталям, антропоцентризм, локализация на уральских топосах с ярким (подчеркнутым) вниманием к региональному материалу.

Таким образом, Мамин, не отступая от уже названного принципа жанровой свободы, органично «вливает» в жанр путешествий необходимую ему «злободневную статейность» и историзм, вводит экстравертную установку, которая совпадает с общим пафосом познания мира. В этом отношении именно свободный травелог (и все его варианты) как неканонический жанр очерка позволяет осуществить подобное смешение и смещение акцентов. Значимым оказывается то, что автор-повествователь видит, а не то, что чувствует. Собственно жанру путешествия в русской литературе было свойственно именно *показывать* окружающий экзотический мир. Соблюдает эту литературную конвенцию внешнего путешествия и Мамин-Сибиряк – перед уральским миром интерес к изображению собственного внутреннего мира отступает на задний план, уходит в иные жанры литературы.

2.2. Своеобразие публицистических и художественно-публицистических произведений Мамина-Сибиряка: повествовательная характеристика

В. И. Каминский отмечал, что «субъективно-лирическая, автобиографическая и очерковая, объективная документальность в

литературе конца XIX в. тесно переплетаются...»²⁷² Переплетение различных планов, в частности – художественного и публицистического – наблюдаем в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. Сам писатель чувствовал, что в его творчестве имеет результат смешение художества чистого и художества прикладного²⁷³.

Сочетание «образа и публицистичности»²⁷⁴ отмечал у Мамина-Сибиряка И. А. Дергачев. Публицистике Д. Н. Мамина-Сибиряка, по мнению О. К. Лагуновой, «присущи такие характерные признаки, как социальная заостренность, “историческая точка зрения” на явления действительности, экскурсии в прошлое края, способность за частным случаем видеть всю историю, оперативность и злободневность, аналитический, научно-исследовательский подход к фактам и событиям, документальность, достоверность изображаемого, обилие цифрового материала, присутствие автора и четко выраженная авторская позиция»²⁷⁵.

Здесь же отметим, что в собраниях сочинений, выходявших на протяжении XX в., обособленный раздел «Публицистика» имелся в издании 1948–1951 гг. под ред. Е. А. Боголюбова²⁷⁶ (т. 12), а также в издании 1953–1955 гг. под ред. Б. А. Пискуна²⁷⁷ (т. 8) был помещен сборный раздел «Путевые заметки, статьи, воспоминания». Во всех остальных собраниях сочинений публицистика и примыкающие к ней произведения, статьи либо публиковались не систематично, либо вовсе не печатались.

Напомним, что публицистика [лат. *publicus* общественный] в самом общем понимании – общественно-политическая литература (статьи, очерки,

---

²⁷² Каминский В. И. Пути развития русского реализма в русской литературе конца XIX века. Ленинград, 1979. С. 178.

²⁷³ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. Москва, 1955. С. 635.

²⁷⁴ Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Свердловск, 1981. С. 49.

²⁷⁵ Лагунова О. К. Историческая проблематика в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка: дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1985. С. 60.

²⁷⁶ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 12 т. Свердловск, 1948–1951.

²⁷⁷ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 8 т. Москва, 1953–1955.

фельетоны, памфлеты, обзоры и т. д.) на злободневные темы²⁷⁸. В расширенных толкованиях указывается на более частные признаки: связь с текущей прессой, прямое воздействие на общественное мнение в качестве цели²⁷⁹, а также на открытую полемичность, эмоциональность, тенденциозность и идеологичность²⁸⁰. Названные признаки могут проявлять себя в различных литературных жанрах, однако о наличии публицистической тенденции можно говорить в том случае, когда автор не ограничивается фиксацией действительности в образах или понятиях, но и непосредственно выражает свое отношение к этой действительности.

Сразу считаем нужным оговориться, что в творчестве Мамина-Сибиряка присутствуют:

- 1) собственно публицистические тексты;
- 2) тексты художественно-публицистического склада.

Наибольшее количество собственно публицистических вещей у Мамина-Сибиряка пришлось на 1880–1890-е гг.: «Трехсотлетний юбилей завоевания Сибири» (1881), «Один из анекдотических людей. *Из уральской летописи*» (1885), «Каменорезная масть. *Очерки промышленного Урала*» (1885), «Значение минерального топлива для Урала» (1886), «Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка в Екатеринбурге» (1886), «Кризис уральской горнопромышленности» (1886), «Выставка в Екатеринбурге» (1887), «Первая писчебумажная фабрика в Сибири» (1888), «Город Екатеринбург. *Исторический очерк*» (1889), «Из прогулок по Петербургу. Эрмитаж» (1891), «Каменный промысел на Урале» (1891), «События и новости. *Обзор*» (1891) и т. д. Сам писатель в это время в письме к брату акцентировал внимание на том, что «...есть такие вопросы, лица и события, которые, по-моему, должны быть написаны в старохудожественной форме, а есть другой ряд явлений и вопросов, которым должна быть придана

---

²⁷⁸ См.: Краткий словарь иностранных слов. Москва, 1971. С. 248.

²⁷⁹ См.: Словарь иностранных слов. Москва, 1987. С. 410.

²⁸⁰ Русская литература: универсальное пособие. Екатеринбург, 2003. С. 330.

беллетристико-публицистическая форма. Именно так я и пишу...»²⁸¹ Период написания этих публицистических вещей – период нахождения Мамина в Екатеринбурге и окрестностях (1878 г. – переезд из Петербурга в Екатеринбург, 1891 г. – отъезд обратно в Петербург), поэтому почти все названные статьи написаны на уральском материале: связаны с актуальными вопросами региона или освещают уральские общественно-культурные события. Вот что по этому поводу в «Автобиографической заметке» писал сам художник: «...рассказы носят или этнографический характер, или принимают вид мелких фотографий. Местные интересы выступают с особенной ясностью, и поэтому такие рассказы можно отнести к еще нарождающемуся отделу беллетристики, именно – областному»²⁸².

Активная общественная работа писателя в этот период (Мамин присутствует на первом (1880) и втором (1882) съезде горнозаводчиков в Екатеринбурге; вступает в члены УОЛЕ (1884), в члены Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (1884); сотрудничает с «Екатеринбургской неделей» (1886) и пр.) также способствует появлению репортажно-злободневных произведений. Сочетание в них объективности при изложении фактов и субъективности при их оценке и интерпретации определяет особенности стиля письма. Черты объективности появляются благодаря использованию, во-первых, безличной формы повествования («нужно отдать справедливость...», «после приведенных данных смешно говорить о фамильной благотворительности...»²⁸³ («Один из анекдотических людей»)), а также формы «мы-публицистическое» («мы здесь подходим к самому корню вещей...», «мы делаемся невольными свидетелями странного экономического парадокса...»²⁸⁴ («Кризис уральской горной промышленности»)), которая позволяет автору в уместной форме вводить необходимые для публицистического жанра констатирующие обобщения и

---

²⁸¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. Москва, 1955. С. 634–635.

²⁸² Там же. С. 434.

²⁸³ Там же. С. 403–414.

²⁸⁴ Там же. С. 415–428.

пояснения. Во-вторых, объективность поддерживается привлечением обширного статистического материала: это даты, цены, проценты, вес и др. («Не можем не привести здесь двух цифр: в 81 году вывоз русского чугуна по европейской границе равнялся всего 6 пудам, а в 82 году Турция ввезла к нам 12554 пуда чугуна»²⁸⁵). В-третьих, выходу в поле объективности служит привлечение цитат: уральский писатель ссылается на реальные источники – календари, статистические книги, журналы съездов, лекции. Черты субъективности, которая является второй необходимой составляющей публицистического текста, проявляются в использовании обращений к читателю, риторических и не только вопросов («...является невольно вопрос, что же Демидов сделал для своих громадных заводов?.. Вопрос довольно щекотливый...»²⁸⁶), прямых оценочных реплик («Несомненно, это был прогресс, и, как всякое поступательное движение, он вершился за счет сделанного раньше пути. В раскольничьем мире происходило губительное разделение, раздор и те недоразумения, которые продолжают дробить все мельче и мельче когда-то сильное тело»²⁸⁷). Как раз из-за обилия экспрессивно окрашенных, порой тенденциозных высказываний, маминские статьи вызывали и бурную полемику (пример – статья «Кризис уральской горнопромышленности», после которой у Мамина возникли идеологические расхождения с секретарем редакции «Екатеринбургской недели» И. Г. Остроумовым). По мнению А. С. Ладейщикова, «публицистическая направленность выступает в этих очерках сильнее, прямее, чем в его художественных вещах, где “довлеющая дневи злоба дня” писателя осложнялась целым рядом неизбежно привходящих мотивов – психологических, философских, романических и т. п.»²⁸⁸. Н. В. Остроумова-Сигова, которая в 1880-е гг. являлась сотрудницей «Екатеринбургской

---

²⁸⁵ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. Москва, 1955. С. 421.

²⁸⁶ Там же. С. 405.

²⁸⁷ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. Свердловск, 1951. С. 273.

²⁸⁸ Ладейщиков А. С. Публицистические очерки Мамина-Сибиряка // Мамин-Сибиряк Д. Н. Статьи и очерки. Свердловск, 1947. С. 5.

недели» так вспоминала о Мамине в тот период: «Мы, уральцы, считали его пророком, который своим талантом вскрывал пороки и язвы быта Урала, столь непохожего на другие территории российской империи»²⁸⁹.

Особенного внимания в ряду собственно публицистических произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. заслуживает «Город Екатеринбург» (1888) с подзаголовком «исторический очерк». В доступной форме, с ориентацией на массового читателя Мамин-Сибиряк излагает в этом произведении «хронику города». Всеохватная характеристика города, представленная читателю, включает повествование о совершенно различных областях жизни, и повествование это характеризуется, с одной стороны, особой пластичностью, с другой стороны – соблюдением публицистического канона. Авторское «мы», «мы»-публицистическое соседствует с безличным изложением факта, со ссылками на авторитетные источники, со статистическими материалами. При этом Мамин-Сибиряк не ставит своей задачей устранить оценочность и субъективность в очерке. Органическое сочетание в пропорциональности двух особенностей представления материала – объективности и субъективности – позволяет назвать данный очерк ярким примером именно публицистики у уральского автора. Подзаголовок – исторический очерк – не случайно дается Маминым. По мнению О. К. Лагуновой, «исторические экскурсии оказывались конструктивным принципом в очерковых жанрах. Повести, рассказы и другие малые жанры включали в себя исторические экскурсии, объяснявшие не только настоящее в социально-экономической области, но и самого человека, включенного в поток больших событий, течением которых и определялась его судьба»²⁹⁰. Хронологическая канва, лента исторических событий в очерке «Город Екатеринбург» действительно становятся формальным структурным принципом, организующим повествование. При

²⁸⁹ Остроумова-Сигова Н. В. Воспоминания о Д. Н. Мамине // Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск, 1962. С. 148.

²⁹⁰ Лагунова О. К. Историческая проблематика в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка: дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1985. С. 8–9.

этом очень важен тот факт, что сам исторический материал оказывается адаптированным для предполагаемого читателя календаря-справочника за 1889 г., в котором изначально планировалось (и в итоге получилось) издать очерк. Названный процесс адаптации материала работает на нескольких уровнях: «Представьте себе совершенно пустынные берега р. Исети, покрытые лесом. Весной 1723 г. явились солдаты из Тобольска, крестьяне приписных слобод, нанятые мастера, и кругом все ожило, как по щучьему велению в сказке. Ронили лес, готовили место под плотину, клали доменные печи, поднимали крепостной вал, ставили солдатские казармы и дома для начальства. В июне одних крестьян набралось здесь 1351 человек: 428 плотников, чернорабочих на лошадях 297 и пеших 626 человек, а в июле работало уже 1452 пеших, крестьян и 520 конных, да еще 960 солдат тобольского полка»²⁹¹. В данном фрагменте в качестве темы выступает процесс появления рабочего люда в глухих уральских местах, на языковом уровне – используется понятная фразеология, наконец явлены итоги скрупулезного подсчета – из каких кругов были рабочие и в каком месяце они прибыли. Из приведенной цитаты также видно, что само появление города среди лесов Мамин называет «сказочным». Интересно, что данная авторская акцентировка проходит по всему очерку: «Крепость-завод, окрещенная Екатеринбургом, выросла на берегах р. Исети с *сказочной* быстротой»; «Теперь переходим к тому, что жило в новом *сказочном городке*»; «Да, это было удивительное, *сказочное время*, выдвинувшее целый ряд богатырей. Екатеринбург прогремел на целый свет, как *Эльдорадо*, и эта слава повита теперь легендарными сказаниями»²⁹² и т. д. (Курсив наш – А. Б.) Сказочность и необыкновенность города, который Мамин даже называет «государством в государстве», однако представляется читателю не выдуманной за счет множества верификаций, которые сам автор очерка и инициирует. К примеру, Мамин говорит о впечатлениях английского

---

²⁹¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. Свердловск, 1951. С. 240.

²⁹² Там же. С. 238–290.

путешественника Аткинсона об удивительном «европейском» внешнем облике города в середине XIX в. При доказательстве характеристики Екатеринбурга как «государства в государстве» автор намеренно обращается к документальным источникам, реконструируя иерархическую лестницу чинов именно в Екатеринбурге: «Чтобы не быть голословными, мы обратимся к своду законов 1857 г. и по нему постараемся восстановить оригинальную картину того времени. Прежде всего, фундамент всего здания составляли так называемые “нижние и рабочие чины”²⁹³: нижние чины “сравнивались” с унтер-офицерами, а рабочие с “рядовыми военной силы”. Это была главная рабочая сила. Они обязаны были прослужить беспорочно тридцать пять лет и только тогда получали отставку; их дети тоже принадлежали горному ведомству. Были еще рабочие урочные или непрременные работники, но по 342 ст. горного устава они составляли то же, что нижние и рабочие горные чины. Верх здания занимало многочисленное начальство с горными чинами во главе»²⁹³.

Таким образом, для Мамина очень важны мнения других, авторитетные точки зрения на свое «уральское». Он их бережно собирает и организует, получая в итоге очень рациональное, реалистическое письмо, с опорой на верификацию и аргументацию. Публицистичность выражает обобщенное, авторитетное, поэтому ссылки на другие источники подчеркивают еще и значимость того, о чем говорит автор.

Помимо опоры на прецедентные высказывания путешественников и ученых, документальные источники – законы, уставы, статистические данные, Мамин делает источниками портретной информации о конкретных известных людях реконструируемые «случаи из жизни», анекдоты. Так, Мамин рассказывает такие предания-анекдоты о В. А. Глинке и А. Гумбольдте. Итогом представления разнообразной информации в очерке становится такая структурная часть, как авторское заключение. Именно

---

²⁹³ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. Свердловск, 1951. С. 268.

авторское, так как эта часть оказывается наиболее свободной от всякого рода иллюстративного материала, представляет в большей степени выводы того, кто стоит за формой повествования «мы». В таком заключительном пассаже наиболее отчетливо аккумулируется и объективное, и субъективное: «Из приведенных выше отзывов различных путешественников мы уже видели, что Екатеринбург единогласно признан красивым городом <...> Д-р Финш подметил характерную особенность внешнего вида, именно, что город раскинулся широко, как и другие сибирские города – это коренное отличие от прижавшихся “расейских” городов <...> Нам остается к замечанию немецкого доктора прибавить от себя, что если Екатеринбург подкупает издали своей широкой панорамой, то вблизи он много теряет, теряет именно потому, что недостает центра, как во всех других “расейских” и сибирских городах»²⁹⁴ (Курсив наш. – А. Б.). Далее же автор нам сообщает, что не намерен раскрывать все «подробности настоящего Екатеринбурга», так как это выходит за рамки выбранного жанра – исторического очерка.

Таким образом, можно заключить, что достаточно разнородный по тональности материал пропорционально и гармонично объединяется Маминым в ткань единого текста-статьи. Рассыпаться же на отдельные части мозаики очерку «Город Екатеринбург» не дают два организующих принципа – 1) исторический план и 2) фигура мы-повествователя, реплики которого обрамляют и структурируют произведение.

Еще одна крупная статья²⁹⁵, которую мы относим к собственно публицистике Мамина-Сибиряка – «Сибирско-уральская научно-

---

²⁹⁴ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. Свердловск, 1951. С. 286.

²⁹⁵ Мамин часто называет свои произведения (репортерского склада) статьями: «Пишу статьи всё об Урале и затеваю сделать издание своих статей» (Письмо О. Е. Клеру от 26/XI 1891. – См.: Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 8 т. Т. 8. Москва, 1955. С. 662.); «Решаюсь обратиться к Вам с письмом по поводу посланной на днях в редакцию “Вестника Европы” статьи “Старая Пермь” – это путевые заметки, в которых, между прочим, помещена коротенькая история Пермского края. О новгородском и московском периодах нашей пермской истории я раньше печатал в “Новостях”, а в предлагаемой статье эти материалы переработаны заново» (Письмо А. Н. Пыпину от 3/XII 1888. – См.: Там же. Т. 8. С. 650.).

промышленная выставка в Екатеринбурге» (1886). Как и в предыдущем рассмотренном произведении – «Город Екатеринбург» – важным скрепляющим началом является здесь опять же фигура мы-повествователя, но вместо выраженного исторического плана (хотя таковой особенно явственно привлекается Маминым-Сибиряком при анализе археологического отдела) появляется естественная для такой статьи-обзора наглядность, иллюстративность, репортажность. При подробном и очень скрупулезном анализе программы выставки автор не погружается в полную описательность. Мысли-тезисы и обобщающие замечания пронизывают весь текст, особенно важные в композиционном плане – начало и финал. Автор начинает свое повествование с общего – с практик проведения выставок всемирных, постепенно сужая до интересующей его – областной выставки. Стремление к объективности (как черта публицистики в целом) проявляет себя здесь, когда Мамин ссылается на обзоры рассматриваемой выставки, помещенные в столичной печати. При видимых недостатках выставки Мамин находит в ней и много положительного, говорит о значимости ее научного отдела, убеждая читателей (и отвечая столичным критикам, резко занижившим значение такого мероприятия) в значимости не только выставки, но и всего региона: «Почему, спрашивается, для русских ученых наша уральская выставка не представит интереса, когда на Урал не брезговали приезжать сам Гумбольдт и целый ряд ученых экспедиций? <...> Мы глубоко убеждены, что именно научный отдел уральской выставки выйдет самым удачным...»²⁹⁶ Сам автор понимает, что в рамках газетной статьи его задачей является в большей степени – «осветить дело с разных сторон – выставка для нас не заурядное явление и другой такой выставки нам придется ждать долго»²⁹⁷. Однако читатель явно может заметить, что поверхностным «освещением» Мамин не обходится: описывая программу антропологическо-

---

²⁹⁶ Д. [NN] Сибирско-уральская научно-промышленная выставка в Екатеринбурге // Екатеринбургская неделя. 1886. № 39. С. 637.

²⁹⁷ Д. [NN] Сибирско-уральская научно-промышленная выставка в Екатеринбурге // Екатеринбургская неделя. 1886. № 40. С. 655.

этнографического отдела, автор не только отмечает отсутствие в одной рассмотренной статье вопроса об обрусении уральских инородцев и их быстром вымирании, но и взывает к нравственному аспекту этого «большого» вопроса: «Наш христианский долг протянуть руку помощи погибающему брату, и, кроме того, мы в конце концов все-таки в долгу перед этими жалкими инородцами, которых всякими правдами и неправдами выжили...»²⁹⁸ Сложно назвать «освещением» и довольно саркастическое предложение Мамина включить уральских лесоворов и приисковых старателей («отверженных страстотерпцев») в отдел «горной и горнозаводской промышленности»²⁹⁹. Подобный прием используется автором не единожды. Представленный в стилистике всей статьи, он позволяет автору выразить свое противоречивое отношение к данной выставке: хорошие организационные задумки не являются доработанными.

Текст данной статьи выходил частями в газете «Екатеринбургская неделя», таких частей – пять, почти каждая из них заканчивается обоснованным и аргументированным выводом, содержит ссылки на другие печатные издания, статистические выкладки, внутритекстовые ссылки-обещания, и даже ссылки, выводящие за текст – в последнем абзаце последней части автор обещает и в другой раз поговорить о благословенном Зауралье³⁰⁰. При этом в первых частях автор довольно деликатно намекает на те моменты, которые необходимо в программе выставки улучшить/добавить, в финальных частях Мамин предлагает уже открытый список нерешенных вопросов (10 пунктов³⁰¹) горнозаводского дела. Автор нарочито «скрывает» себя за фигурой «мы», которой (наряду с безличной формой выражения) он

---

²⁹⁸ Д. [NN] Сибирско-уральская научно-промышленная выставка в Екатеринбурге // Екатеринбургская неделя. 1886. № 40. С. 655.

²⁹⁹ Д. [NN] Сибирско-уральская научно-промышленная выставка в Екатеринбурге // Екатеринбургская неделя. 1886. № 43. С. 704.

³⁰⁰ Д. [NN] Сибирско-уральская научно-промышленная выставка в Екатеринбурге // Екатеринбургская неделя. 1886. № 43. С. 704.

³⁰¹ См.: Д. [NN] Сибирско-уральская научно-промышленная выставка в Екатеринбурге // Екатеринбургская неделя. 1886. № 42. С. 690.

пользуется в данной статье чаще всего. Всего один раз можно встретить я-форму изложения материала, которая, в свою очередь, промелькивает вовсе не случайно, но позволяет создать определенный образ: «Просматривая класс археологии, мне казалось, что я попал в какую-то кладовую, где на полках и на полу сложен всякий ненужный хлам: тут и старинная посуда, и какие-то рисунки, и сбруи <...> Именно такой вид имеет программа класса археологии...»³⁰² Скорее, такой прием для собственно публицистики Мамина – исключение.

В хронологической и содержательной близости к рассматриваемой статье находится еще одна – «Значение минерального топлива для Урала», помещенная в той же газете, 1885, № 38. Скрывая себя за инициалами N.N., Мамин остается верен выбранной «статейной» стилистике и волнующей его тематике: все произведение выстраивается как чередование тезисов и доказательств (исторических, статистических, цитатных), имеются объекты обсуждения и критики – вопрос использования разных видов топлива на Урале, а также статья г. Таля «По вопросу о горючем материале на Урале». Авторская позиция скрыта за безличным повествованием и мыповествованием, статья имеет ярко выраженный «оформленный» финал. Тем не менее перед нами вновь не только «фиксирующее» произведение: обилие риторических вопросов и саркастическая направленность, хлесткие замечания показывают, насколько важен автору предмет его размышлений. Для примера приведем частично финальный абзац: «И так, лично мы, решительно, ничего не имеем против того, чтобы гг. уральские заводчики вели свое производство на древесном топливе – плавьте чугуны и выделывайте железо хоть на гагачьем пухе или брюссельских кружевах, но вопрос о

---

³⁰² Д. [NN] Сибирско-уральская научно-промышленная выставка в Екатеринбурге // Екатеринбургская неделя. 1886. № 41. С. 670.

значении топлива выходит далеко из рамок специально заводских интересов...»³⁰³

Особняком в маминской собственно публицистике стоит некролог, в котором наблюдается своеобразная жанровая свобода. В 1880-е гг. выходит сразу несколько таких портретов-некрологов: «Михаил Викторович Малахов» (1885), «Доброе слово» (1886), «Павел Михайлович Вологодский» (1889), «А. Н. Шишонко» (1889). Именно в данных статьях (независимо от определенной доли клишированности жанра, информативную функцию) Мамин может отходить от стереотипов в пользу искренней «портретной» работы. На первый взгляд, он выхватывает мельчайшие детали из облика и деятельности усопшего, но именно такое «импрессионистское» письмо становится для него наиболее адекватной формой выражения чувств по такому рода поводу. Чтобы сделать повествование более эмоциональным и занимательным, Мамин-Сибиряк выбирает, к примеру, реконструкцию диалогов с человеком, о котором он пишет, вставное повествование об обстоятельствах своего знакомства с ним, актуализацию личного (использование в основном перволичной формы повествования). Реализацией такого письма становится некролог о Л. Н. Чечулине («Доброе слово»). В большей степени подверженным жанровому канону оказывается текст «Михаил Викторович Малахов»: здесь имеет место сухой биографический текст, формой повествования избирается безличная форма или форма повествования «мы-публицистическое», скудные описания В. М. Малахова как личности («К сказанному нам остается еще добавить то, что Михаил Викторович был хорошим товарищем, отличался общительным, веселым характером и держал себя необыкновенно просто, как все настоящие “люди науки”»)³⁰⁴.

---

³⁰³ N.N. Значение минерального топлива для Урала // Екатеринбургская неделя. 1886. № 38. С. 622.

³⁰⁴ Сибиряк Д. Михаил Викторович Малахов (некролог) // Волжский вестник. 1885. № 33. С. 3.

Итак, собственно публицистика у Мамина реализуется многообразно, характеризуется оформленностью финала, подчиненностью одной цели всего повествования, использованием иронической, исторической тональностей, использованием специфической формы мы-публицистическое.

Другой группой в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка являются художественно-публицистические очерки. Если основная масса собственно публицистики была написана Маминым в период 1880-х гг., то художественные очерки с элементами публицистичности писались им в разные периоды творчества. В 1880-е гг. – «Дешевка» (1885), «Зимняя вольница» (1885), «Золотое гнездо» (1885), «Варнаки» (1890) и др. В 1890-е гг. вышли очерки «Археологическая поездка по Уралу» (1893), «Гора Ирмель» (1893), в 1900-е гг. вышел очерк «Русская заграница» (1903). Уже в раннем «безымянном» художественном творчестве Мамина-Сибиряка Н. А. Кунгурцева отмечает наличие особого рода вкраплений: «Урал для современного Мамину читателя был *terra incognita*, и писатель учитывал это незнание материала его произведений своими современниками, его рецептивная установка проявляется в текстах неоднократно, она и диктует своего рода *репрезентационные вступления* в текстах, знакомящие читателя с неведомым уголком земли (например, история освоения Урала в “Красной шапке”, описание процесса добычи золота в “Старике”, знакомство с технологическим процессом обката металла в “Сестрах” и т. д.)»³⁰⁵ (Курсив наш. – А. Б.). Художественно-публицистические варианты очерков создавались Маминым, по мнению Л. И. Миночкиной, также для детской аудитории³⁰⁶. Таким образом, можно констатировать и новаторскую функцию рассматриваемых маминских очерков. По этому поводу уместно привести такое замечание К. Д. Гордовича: «Писатели “меньшего масштаба” интересны прежде всего в области тех проблем, тех жанровых форм, которые

---

³⁰⁵ Кунгурцева Н. А. Типология пространства в раннем творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка (1875–1882): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. С. 155.

³⁰⁶ Миночкина Л. И. Д. Н. Мамин-Сибиряк – «миру детства». Челябинск, 2007. С. 133–141.

им ближе, в которых они оказались наиболее самостоятельными, смогли внести принципиально новое в литературу своего времени»³⁰⁷. Интересно, что современник Мамина – Евгений Аничков – замечает в «Золотухе» «одно интересное отступление»: «Затихавший перед прелестью родного края художник-созерцатель, не отдавая себе отчета стал тяготеть к публицистической беллетристике»³⁰⁸. Однако критик считает, что своего расцвета такие «тенденциозные» вставки достигают в маминских романах. Мы же можем утверждать, что «публицистические вкрапления» появляются у уральского автора первоначально именно в очерковом жанре. Причем в отношении Мамина здесь уместно привести высказывание Е. И. Журбиной об очерке: «Решает свои задачи очеркист не количественным увеличением “процента” публицистики в очерке, а органической насыщенностью образов публицистической мыслью, стремящейся к смелому публицистическому анализу»³⁰⁹.

Подробного рассмотрения в рамках разговора о художественно-публицистических произведениях Мамина-Сибиряка заслуживают очерки «Зимняя вольница» и «Золотое гнездо» (оба – 1885), объединенные темой золотодобычи. Выбор для детального рассмотрения именно этих текстов не случаен и определяется, с одной стороны, сочетанием важных тем, к которым автор будет возвращаться позднее еще не раз, с другой – особой манерой повествования, отчасти связанной с жанровыми особенностями очерков и характером изображаемого материала.

Очерк «Зимняя вольница» (1885), изданный один раз – при жизни автора, имеет жанровый подзаголовок *Из записной книжки*. В нем ощутима структура жанра записных, путевых книжек с ориентацией, с одной стороны,

---

³⁰⁷ Гордович К. Д. Своеобразие жанра рассказа в творчестве Гарина-Михайловского // Жанровые формы в русской литературе конца XIX – начала XX вв. Куйбышев. 1985, С. 23.

³⁰⁸ Аничков Е. Мамин-Сибиряк (критический очерк) // Мир Божий. 1905. № 10. С. 227.

³⁰⁹ Журбина Е. И. Теория и практика художественно-публицистических жанров. Очерк. Фельетон. Москва, 1969. С. 53.

на документальную точность в изложении событий и фактов, с другой стороны, на свободную манеру воспроизведения потока событий. В указанном очерке повествование структурируется с помощью маршрута недалевого путешествия, который в самом начале определяет автор-повествователь: это маршрут от Екатеринбурга до Березовского завода, на промыслах рядом с которым в XIX в. добывали золото. Путевая канва необходима для организации разнородного материала, который включает в себя и географические характеристики местности, и статистические данные о золотодобыче, и этнографические элементы, и реплики жителей Березовска. Динамика повествования создается с помощью фраз, «перевязывающих» материал. Они приводятся, как правило, в начале или середине главки (всего таких главок пять) и отражают основные этапы дороги: «Наша кошевка быстро катилась по дороге в Березовск...»²⁶³; « – Вот и Березовск...»³¹⁰; «Наша кошевка бойко покатила мимо новых отвалов, над которыми старалась Березовская вольница»³¹¹; «Осмотрев работы, мы отправились в обратный путь»³¹² и др. Сам автор-повествователь имеет непосредственное отношение к изображаемой местности – его знание обнаруживается даже в коротких репликах, характеризующих погодные условия Урала: «Именно такая наша уральская весна – капризная, непостоянная, взбалмошная»³¹³. Между тем конкретно с зимними работами на Березовских золотых промыслах повествователь соприкасается впервые, в чем ему помогает знакомый золотопромышленник Николай Гаврилович, выполняющий функцию своего рода проводника-попутчика, что подтверждается и на лексическом уровне: персонаж *объясняет, говорит, указывает, заявляет*. Такая довольно устойчивая архетипическая пара вполне характерна для жанра травелога с этнографической направленностью. Л. М. Митрофанова по этому поводу отмечает: «Основной художественный прием малой прозы

---

³¹⁰ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 270.

³¹¹ Там же. С. 273.

³¹² Там же. С. 283.

³¹³ Там же. С. 266.

Мамина-Сибиряка на башкирскую тему – обязательное присутствие в рассказах спутника автора»³¹⁴. С появлением данной фигуры в повествовании логично возникает форма повествования второго лица множественного числа – «мы». Сам автор-повествователь и золотопромышленник, согласившийся показать зимние промыслы, – люди одного положения, знакомые, что в принципе позволяет ввести такую форму (ср. невозможность введения такого приема «совместности» в случае с охотником-проводником Ермолаем в «Записках охотника» И. С. Тургенева). Примечательно, что данная повествовательная форма реализуется не только как показатель совместности действия повествователя и гида-экскурсовода (мы отправились, мы проехали, мы поздоровались), но и как своего рода показатель публицистичности, маркер достоверности и злободневности передаваемой информации («Мы этот разговор привели с той целью, чтобы показать, какими невозможными условиями обставлено у нас практическое применение “устава о частной золотопромышленности”»³¹⁵).

Появление такой формы изложения, достаточно неожиданное для традиционного художественного очерка-травелога, выглядит вполне уместным у Мамина. Данный прием, широко используемый писателем в собственно публицистических произведениях (например, написанная в одно время с рассматриваемым очерком статья-фельетон Мамина-Сибиряка о П. П. Демидове «Один из анекдотических людей» с подзаголовком *Из уральской летописи*: «...мы теперь решились побеседовать с читателем...»; «мы с намерением выждали...»³¹⁶ и т. д.), органично перетекает и в собственно художественные очерки. Вероятно, подобный маневр в очерке «Зимняя вольница» нужен Мамину не только для введения своеобразных констатирующих обобщений, пояснений, обращений, но и как риторическая

---

³¹⁴ Митрофанова Л. М. Башкирский образ мира в творчестве писателя // Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения. Екатеринбург, 2013. С. 66.

³¹⁵ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 268.

³¹⁶ Там же. Т. 3. С. 786.

фигура, замаскированная под объективность, однако передающая и авторское возмущение предметом, о котором говорится.

В названном очерке можно встретить и безличное повествование, употребляемое при изложении исторических фактов или при характеристике местных географических, языковых и прочих краеведческих особенностей. Такие информативные вставные куски хотя и не маркированы конкретной формой повествования, но принадлежат автору-повествователю. В этих иногда довольно пространных пояснениях автор-повествователь по отношению к читателю сам выступает в качестве гида-проводника, приводя статистические данные по поводу добычи золота или разъясняя значение того или иного термина, связанного с работой на золотых промыслах: «Золото бывает жильное, или коренное, которое заключается в кварце <...> потом бывает золото россыпное, или песчаное, которое произошло из жильного механическим путем...»³¹⁷ В этом же качестве он выступает при цитировании прецедентных текстов, например, песни, связанной с селением Шарташ, мимо которого ему приходится проезжать по пути в Березовск, и при фиксации речевых особенностей аборигенов: «На Урале вместо “староверы” часто говорят “столоверы”, очевидно, что здесь искажено слово по созвучию, как говорят “соводни” вместо сегодня...»³¹⁸ По мнению Г. С. Прохорова, «Повествователь художественно-публицистических единств наделен чертами, роднящими его с рассказчиком (например, эксплицированность), но в то же время – и чертами образа автора (например, способность говорить о произведении)»³¹⁹. Собственно, образ автора-повествователя в произведениях подобного склада остается все же до конца не проясненным, «открытым». С одной стороны, естественным для читателя является тот факт, что повествователь как будто биографически,

---

³¹⁷ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 278.

³¹⁸ Там же. С. 269.

³¹⁹ Прохоров Г. С. Поэтика художественно-публицистического единства (на материале литературы периода классического посттрадиционализма): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2013. С. 10.

мировоззренчески близок автору реальному, но с другой стороны, прояснить эту степень близости не удастся.

Очерк «Зимняя вольница» организован таким образом, что одиночные реплики или диалоги персонажей чаще всего чередуются с размышлениями, пояснениями автора-повествователя, при этом сам он практически никогда не вступает в диалог. Многократное повторение данного повествовательного рисунка приводит к «ритмичности» повествования, поддержанной на формальном уровне делением на главки в совокупности с четкостью маршрутного рисунка.

Некий эффект репортажности придает данному очерку отсутствие большого временного промежутка между публикацией самого текста («Волжский вестник» за 1885 г., № 110–112) и событиями, описанными в очерке (говоря про дачи екатеринбургского казенного округа, автор-повествователь называет дату – «май прошлого 84 года»), а также включение в ткань текста живых диалогов старателей. В результате комбинаций форм повествования автором достигается эффект многоуровневого повествования, рождается два плана – мир персонажей, местных жителей, фразы которых приводятся повествователем с сохранением лексических и фонетических особенностей их речи, и мир самого повествователя – это его пояснения, выражение эмоций, комментарии по поводу передвижения. Таким образом создается схема субъектно-объектных отношений эпического произведения, охарактеризованная Б. О. Корманом следующим образом: «Повествовательный текст принадлежит субъекту сознания с обязательной пространственной и временной точками зрения. Прямая речь героев принадлежит субъектам сознания с обязательной фразеологической точкой зрения»³²⁰. При этом личный повествователь является фигурой и рассказывающей, и рассказываемой. Я-форма в этом случае чаще всего маркирует редкие реплики, внутренние монологи и мысли автора-

---

³²⁰ Корман Б. О. Избранные труды. Теория литературы. Ижевск, 2006. С. 268.

повествователя («... новому человеку, не привыкшему к печальной красоте наших мест, покажется здесь тяжело и грустно, но я люблю вот эту, именно более чем скромную, природу...»³²¹), а использование мы-формы сопровождает хронологическую канву совместного путешествия или в ее публицистическом варианте оформляет авторские обобщения.

Органически с очерком «Зимняя вольница» связан очерк «Золотое гнездо». Данные тексты объединены не только на основании общего времени написания, содержательных связей, локальной конкретизации: «золотым гнездом» автор-повествователь называет Березовск, – но и имеют сходные черты в повествовательной картине. Названные сходства вкупе с наличием в очерках функционально родственной фигуры автора-повествователя позволяют также говорить о возможном тяготении Мамина к циклизации малой прозы. При чтении очерка «Золотое гнездо» создается впечатление, что перед нами – данное в безличной манере, хронологически выверенное описание Березовска как «золотого гнезда», так как присутствуют, например, даты и цифры, связанные с количеством добытого золота, цены, по которым оно сбывалось. Тем не менее, «статистическое» и «тезисное» в очерке подкрепляется примерами-разговорами повествователя с самими березовцами. В этом отношении о повествовательной системе очерка вполне уместным будет привести цитату М.С. Воробьевой: «Диалогические фрагменты или вкрапления усиливают эффект «бессубъектности»: вводится как бы непосредственное воспроизведение диалога, разворачивающегося в реальном времени. Повествование колеблется...»³²²

Все отступления подобного «разговорного» рода даются предельно дозировано, читатель возвращается вновь к статистической канве или к оценочным характеристикам повествователя: «Вернемся к цифрам»³²³;

---

³²¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 277.

³²² Воробьева М. С. Повествовательная система в романах И. А. Гончарова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 21.

³²³ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 287.

«Здесь нам необходимо оговориться»³²⁴; «Мы не шутим, а говорим серьезно»³²⁵; «Закончим наш очерк...»³²⁶ Автор-повествователь последовательно рассуждает о нескольких периодах в истории Березовска, связанных с золотодобычей. Говоря далее о так называемом «жильном» и «россыпном» периоде, повествователь уже не прибегает к определению терминов, которые дали название указанным периодам, возможно, потому, что читатель, предположительно, имеет некоторое знание на этот счет, почерпнутое, например, из очерка «Зимняя вольница». Повествователь уже знаком с Березовским заводом, со многими жителями он общается не впервые, следовательно, функция знакомого-гида, выполняемая золотопромышленником Николаем Гавриловичем в уже рассмотренном ранее очерке, оказывается не востребованной. Самостоятельно и со знанием дела повествователь рассуждает о городе, делает масштабные обобщения, все чаще используя условно названную нами форму мы-публицистическое и безличную форму повествования. Стремление описать Березовск наиболее полно, затронуть многие сферы существования местных жителей – глобальная задача повествователя, вот почему его собеседники – люди самые разные: учитель березовской заводской школы, березовский старожил, старик, отставной чиновник, штейгер старой закалки, знакомый служащий, швец. Данный очерк, включающий в себя диалоги повествователя с местными жителями, статистические материалы, авторские размышления, тяготеет более к художественно-публицистической манере³²⁷.

Условно в очерке «Золотое гнездо» можно выделить ритмический повествовательный рисунок, похожий на представленный в предыдущем очерке. Как и в тексте «Зимняя вольница», финал очерка «Золотое гнездо» открывает возможности к продолжению: если в первом все обрывается на

---

³²⁴ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 288.

³²⁵ Там же. С. 291.

³²⁶ Там же. С. 292.

³²⁷ См.: Груздев А. И. Д. Н. Мамин-Сибиряк: Критико-биографический очерк. Москва, 1958. С. 40.

реплике персонажа, то во втором – на безличной «тезисной» фразе, относящейся по контексту к личному повествователю: «На десять тысяч Березовского населения приходится всего две школы – мужская на 90 мальчиков и женская на 90 девочек, и в то же время больше 20 кабаков...»³²⁸ Незавершенность, характерная, как видим, и для жанра путевых, записных книжек, и для жанра очерка в принципе, проявляется в рассматриваемых текстах на уровне структуры повествования: ритмический рисунок форм повествования без ущерба для содержания можно завершить в любом месте.

При явной относительности границ между маминской собственно публицистикой и художественно-публицистическими очерками часто именно характер финала произведения помогает отнести текст к одной из этих двух групп. Указанная незавершенность, судя по повторяемости важная для Мамина, маркирует все же произведения художественно-публицистического склада, тогда как маминские публицистические статьи, часто написанные что называется «по заказу» (например, статьи для «Екатеринбургской недели» были заказаны новым ее издателем – П. Н. Галиным, очерк «Город Екатеринбург» «заказывался» самим городским головой И. И. Симановым и т.д.), как правило, имели вполне оформленный, хотя иногда и формальный финал. Приведем концовку уже названного очерка «Город Екатеринбург»: «Мы заканчиваем нашу статью тем, с чего начали, именно той картиной, которую рисовал в своем воображении “зачатель” Екатеринбурга, первый русский историк В. Н. Татищев: знание и свободный труд должны идти рука об руку, – в этом залог всякого успеха. Формы – дело известного времени, а знание и труд – единственные двигатели всяких форм. Пожелаем же Екатеринбургу движения вперед в этом единственном направлении, чтобы он сделался действительно сердцем неистощимых сокровищ Урала»³²⁹.

---

³²⁸ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 293.

³²⁹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. Свердловск, 1951. С. 290.

Процесс различения собственно публицистики и очерков, условно обозначенных нами как художественно-публицистические, не всегда прост. Мы выявили следующие критерии этого различия: а) частота использования специфической формы повествования «мы-публицистическое», смежность данной формы с формой первого лица единственного числа, б) характер финала (обоснованный вывод либо открытый, прерванный финал), в) включенность диалогов и голосов.

Если следовать данным принципам дифференциации, то, например, некоторые тексты, помещенные в разделе «Публицистические произведения» собрания сочинений 1948–1951 гг. под редакцией Е. А. Боголюбова, следует отнести не к чистой статейной публицистике, но к художественным травеложным очеркам с публицистическим началом – это следующие тексты: цикл «От Урала до Москвы. Путевые заметки», очерки «Старая Пермь. Путевые очерки», «Варнаки. Заметки», «Русская заграница. Путевые заметки». Возможно, данные произведения были помещены в указанном разделе вследствие идеологического укрупнения содержащихся в них замечаний. Так, Е. А. Боголюбов в путевых очерках «Старая Пермь» усматривает «патриотические выступления в защиту отечества», «любовь к простому русскому человеку-труженику»³³⁰, а по поводу путевых заметок «Русская заграница» исследователь отмечает: «... как беззащитны в военном отношении, вследствие преступной беспечности царских властей, западные окраины России»³³¹. Наконец, относительно принципа историзма Е. А. Боголюбов высказывается следующим образом: «Разумеется, при всем этом советский читатель найдет у Мамина-Сибиряка сейчас, когда открыто много новых исторических материалов и когда они получили новое, марксистское объяснение, некоторые ошибочные исторические концепции и

---

³³⁰ Боголюбов Е. А. Комментарии // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. Свердловск, 1951. С. 366.

³³¹ Там же. С. 366.

рассуждения»³³². Данная точка зрения представлена также в работах А. С. Ладейщикова: «С 1881 г. он <Мамин> стал регулярно печататься в центральных журналах <...> помещая в них статьи и фельетоны о “злобах дня” жизни уральского горнозаводского населения (пережитки крепостнических порядков в “организации труда”, хищническая эксплуатация богатых недр Урала, составляющих, по мнению писателя, “величайшее национальное богатство”, достояние народа)»³³³. В 1947 г. со вступительной статьей этого исследователя выходит сборник публицистики Мамина³³⁴, куда был включен следующий набор текстов: «От Урала до Москвы», «Старая Пермь», «Город Екатеринбург», «Самоцветы», «Платина».

А между тем, по нашему убеждению, не все произведения, отнесенные исследователями к жанру публицистики, можно таковыми считать. На основании финала, а также соотношения форм повествования очерки «От Урала до Москвы. *Путевые заметки*», «Старая Пермь. *Путевые очерки*», «Варнаки. *Заметки*», «Самоцветы. *Очерки*», «Платина», «Русская заграница. *Путевые заметки*» скорее можно отнести к художественным очеркам с выраженным публицистическим началом, с оттенком краеведения. Не случайно и сам Мамин акцентировал в некоторых подзаголовках отсылку к жанру путешествия. Более того, по характеру повествования к названным очеркам-литературным путеводителям и хронологически и содержательно примыкают произведения «От Зауралья до Волги. *Путевые картинки*» (1885), «По Зауралью. *Путевые заметки*» (1886), однако советские литературоведы по каким-то причинам не включили их в маминскую публицистику. Последний очерк в полном виде выходил в составе альманаха «Южный Урал» в 1952 г., в предисловии была отмечена его особость в рамках господствующей идеологии: «<...> на богатом фактическом

---

³³² Боголюбов Е. А. Комментарии // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. Свердловск, 1951. С. 367.

³³³ Ладейщиков А. С. Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович // Писатели Урала. Свердловск, 1949. С. 15–16.

³³⁴ Мамин-Сибиряк Д. Н. Статьи и очерки. Свердловск, 1947.

материале показывается экономика и культура Южного Урала, положение рабочего класса и крестьянства, рисуются города <...> трудящиеся Южного Урала, ознакомившись с очерками Мамин-Сибиряка, получают яркое представление о тяжелом и мрачном прошлом нашего края, до неузнаваемости преобразившемся за годы Советской власти...»³³⁵

Итак, среди рассмотренных групп публицистических и художественно-публицистических произведений Мамин наиболее интересными в повествовательном аспекте являются произведения второй группы. В этом смысле маминский очерк с характерными публицистическими вкраплениями предвосхищает дальнейшее развитие данного жанра. Известная советская исследовательница Е. Журбина называла очерк «видом повествовательной (художественной, научной, публицистической) литературы, в основе которого лежит воспроизведение реальных фактов, событий, лиц, увиденных автором непосредственно в самой жизни»³³⁶. Появление у Д. Н. Мамин-Сибиряка художественно-публицистических очерков обусловлено прежде всего авторским вниманием к проблемам региона. Такая форма выражения авторской позиции позволяла писателю избавиться от излишнего «статейного» морализаторства, которое часто воспринималось публикой как тенденциозность, а также в легкой художественной форме все-таки обратить читательское внимание на злободневные уральские проблемы (горнопромышленность, кустарный промысел, золотодобыча, женский вопрос и т. д.).

---

³³⁵ Мамин-Сибиряк Д. Н. По Зауралью. Путевые заметки // Южный Урал: литературно-художественный альманах. 1952. № 8–9. С. 17.

³³⁶ Журбина Е. Очерк // БСЭ. Москва, 1955. Т. 31. С. 486.

Глава III.

Поэтика повествования в художественно-беллетристических произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг.

В широком смысле беллетристикой можно назвать все произведения Мамина-Сибиряка, если учесть, например, общее определение этого термина А. М. Грачевой – «художественная проза, ориентированная на достаточно обширную, так называемую “демократическую” аудиторию, что обуславливает специфику ее идеологических и эстетических функций»³³⁷. Однако малая проза Мамина при этом не может быть причислена к массовой, так называемой бульварной литературе, уральский автор не использует раstraжированные темы и приемы, не так много у него и штампов. Проза Мамина – именно беллетристика, по классическому определению находящаяся между массовой литературой и классикой.

Вместе с тем маминские произведения слишком неоднородны, чтобы именоваться общим термином – беллетристика. Актуальным становится уже выдвинутое нами выше условное разделение произведений малой прозы писателя на две группы – художественно-документальных и художественно-беллетристических произведений. Собственно вторую группу произведений мы выделяем на фоне произведений художественно-документальных, и немаловажным в таком разделении является способ изложения материала и сама авторская установка. Художественно-беллетристические произведения у Мамина прежде всего обладают установкой на фикциональность, в них ощутима сознательная установка автора на вымысел либо на тщательную литературную обработку какого-либо реального, имевшего место события. Художественный мир существует в таких произведениях вполне автономно. Сразу оговоримся, что среди произведений этой группы есть написанные и от первого, и от третьего лица, в то время как в группе произведений

---

³³⁷ Грачева А. М. Русская беллетристика 1900–1910-х гг.: Идеи и жанровые формы // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. Москва, 2009. С. 545.

художественно-документальных естественными формами оказываются формы повествования от первого лица единственного и множественного числа. То есть в большинстве своем в маминских художественно-беллетристических произведениях не проявлена повествовательная модальность, даже если они написаны от первого лица (исключение здесь составляют определенные жанры – дневник, записки и пр.).

Нельзя при этом сказать, что беллетристика должна быть вовсе лишена фактографичности, документальности (ср. беллетристику этнографическую), но такие «вкрапления» остаются в рамках вставных фрагментов, не определяя стиль письма. Как писатель, склонный к обстоятельному, «объяснительному» письму, Мамин может вводить в выстроенную сюжетную канву небольшие пояснительные комментарии, претендующие на фактографический тон (об этом будет сказано ниже). Вместе с тем, в художественно-беллетристических текстах у Мамина отчетливо просматривается занимательность сюжета, наличествуют необходимые структурные элементы развернутого сюжета – завязки/развязки, кульминации и пр.

Разделение на документальные и беллетристические произведения у Мамина-Сибиряка поддерживается также на уровне жанра: естественным становится использование жанра очерка (очерка-травелога в том числе) и статьи для произведений с документальной направленностью и использование жанра рассказа и т.н. повести-очерка³³⁸ для произведений с беллетристической направленностью. В маминском рассказе и повести-очерке чаще представлены опосредованные от повествователя ситуации, взаимоотношения персонажей, живущих внутри художественного мира,

---

³³⁸ По мнению Б. Л. Бессонова, «главным формально-отличительным признаком повести была в те годы ее протяженность – больше рассказа и меньше романа. Границы жанра были зыбки и нередко нарушались в процессе создания вещи» (См.: Бессонов Б. Л. Повесть в переходной ситуации 1880-х годов // Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Ленинград, 1973.). Именно «зыбкость» жанра дает нам право говорить о гибриде «повесть-очерк» в творчестве Мамина-Сибиряка. Подробнее см. след параграф.

которому автор-повествователь по-бахтински «внезаходим», тогда как во всех разновидностях очерка, в статье автор-повествователь нередко вовлечен в жизненные события, становящиеся предметом рассказа, заинтересован в них, пытается описать и понять окружающую его действительность.

3.1. Рассказ: основные черты и тенденции повествования

Жанр рассказа появляется у Мамина-Сибиряка еще в период так называемого «первого дебюта» – именно такой жанровой подзаголовок имеют произведения «Старцы» (1875), «Старик» (1876), «В горах» (1876). Остальные произведения, написанные в этот период (1875–1877) и даже не имеющие такого подзаголовка, также названы известным исследователем творчества Мамина-Сибиряка Г. К. Щенниковым рассказами³³⁹. По его мнению, они «тяготеют к романтическому детективу», детективному рассказу, так как «занимательны, в них всегда есть острая интрига, сопряженная с некой “тайной” – сюжетной загадкой или задачей, непредвиденное движение сюжета и вовсе не банальная, хотя чаще всего убийственная развязка»³⁴⁰. Конечно, маминский рассказ в дальнейшем приобретет социальную, психологическую заостренность, но в нем сохранится центральная установка на «закрученный» сюжет, а также определенность финалов. Как известно, такие жанры, как рассказ и повесть, в отличие от очерка обычно имеют развитый сюжет, обладающий элементами занимательности и чаще всего заверченный в пределах изображаемого мира. По мнению В. Я. Гречневой, именно «с повестью и рассказом этих лет <1880–1890> связано и дальнейшее видоизменение и усложнение средств изображения авторской позиции. В одних случаях наблюдается тяготение беллетристов <...> к подчеркнуто сдержанному, объективно нейтральному

---

³³⁹ См.: Щенников Г. К. Литературные дебюты Д. Н. Мамина // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 876–897.

³⁴⁰ Там же. С. 885.

типу повествования, в других, напротив, – к лирико-публицистическому, открытому выражению авторского взгляда»³⁴¹.

Собственно маминский рассказ при этом не является набором картинок и сцен, хотя такой рассказ-сценка был вполне популярен среди писателей-современников³⁴². По мнению А. П. Чудакова, «элементы некоего нового сюжетного строения, заключающегося в наличии слабо связанных между собою эпизодов, сцен, не “работающих” непосредственно на развитие сюжета <...> появлялись в 1860–1880-е гг. в самых разных жанрах и у самых разных писателей...»³⁴³ Не стоит также забывать, что в 1880-е годы особая активность и продуктивность жанров малой прозы рождает и некий «слом» жанровых перегородок, появляются неканонические жанры (их примеры – эскиз, картинка, этюд – мы находим и в творчестве Мамина-Сибиряка), но все эти «маргинальные» жанровые формы в основном носят черты очеркового жанра как обладающего большей степенью свободы в сравнении с тем же рассказом.

Мамин входит в уже сформировавшуюся в 1840-е и 1860-е гг. жанровую традицию русского рассказа и развивает ее в русле усиления именно беллетристического начала, привлекающего широкого читателя, но с сохранением определенной авторской тенденции, в целом соответствующей идеологической составляющей классики XIX в. Обратим внимание на место публикации многих рассказов Мамина этого времени – провинциальные газеты, развлекательные журналы («Волжский вестник», «Саратовский листок», «Новости и биржевая газета», «Саратовский дневник» и пр.). Соответственно, рецептивной установкой Мамина в этот период и далее

---

³⁴¹ Гречнев В. Я. Русский рассказ конца XIX–XX века (Проблематика и поэтика жанра). Ленинград, 1979. С. 202.

³⁴² См.: Чудаков А. П. Ароморфоз русского рассказа (к проблеме малых жанров) // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. Москва, 2009. С. 365–396.

³⁴³ Чудаков А. П. Ароморфоз русского рассказа (к проблеме малых жанров) // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. Москва, 2009. С. 365.

можно считать цель – писать актуальную, правдивую, востребованную широким демократическим читателем литературу. Критик журнала «Мир Божий» так определял творчество Мамина: «Г. Мамин – художник, не задающийся никакой предвзятой моралью, предоставляя читателю самому искать таковую. Он художественно, т.е. правдиво, рисует жизнь в бесчисленных ее проявлениях, заботясь об одном, чтобы впечатление было верное, именно такое, какое произвела бы действительность»³⁴⁴. При этом Мамин часто сохраняет экзотический уральский материал как определяющий и место, и специфику действия в его произведениях, но доминантой авторского внимания становится теперь сюжетно-психологическая острота действия, нередко парадоксальность характеров.

Как уже было отмечено выше, Мамин-Сибиряк часто наделяет свои произведения 1880-х гг. авторскими жанровыми подзаголовками. Такие предуведомления разнообразны, могут объединяться в некоторые группы, одной из которых будет группа, имеющая конкретный жанровый подзаголовок – *Рассказ*. Назовем основные тексты: «Осип Иванович. *Рассказ*» (1885); «Свисток. *Из рассказов о детях*» (1885); «Гнездо пауков. *Рассказ*» (1886), «Двадцать градусов. *Рассказ*» (1886), «Приятное воспоминание. *Рассказ*» (1886), «Старая дудка. *Рассказ*» (1886), «Учителька. *Рассказ*» (1886), «Куку. *Рассказ*» (1887), «Два хохла. *Рассказ*» (1887), «Испытание. *Рассказ*» (1888), «Первая корреспонденция. *Рассказ*» (1891) и др. Имеются также произведения с уточненными жанровыми характеристиками: «Коробкин. *Из летних рассказов*», «Ната. *Из летних рассказов*», «Искорки. *Святочный рассказ*», «Кум. *Святочный рассказ*».

Есть также произведения, различные по тематике, не имеющие авторского подзаголовка «рассказ», но относимые нами к таковому на основании ряда критериев, которые представлены у нас далее, это: «Штучка. *Из ярмарочных нравов*» (1885), «Волчий хлеб. *Очерки литературной*

---

³⁴⁴ А. Б. Библиографический отдел // Мир Божий. 1895. № 4. С. 257.

богеми» (1886), «На лету. *Очерк*» (1886), «Последний день. *Очерк*» (1887), «Антоша. *Очерк*» (1888) и др. Очерками Мамин нередко называет произведения, вполне вписывающиеся в инвариант художественно-беллетристического произведения, рассказа. Однако в общем не стоит пренебрегать авторскими жанровыми номинациями, они появляются рядом с названиями по объективным причинам: видно, что жанр очерка и его «маргинальных» вариантов типа эскиза или картинок у Мамина применим к художественно-документальному материалу, а жанр рассказа, повести – в большей степени к художественно-беллетристическому.

Установить жанровую принадлежность таких произведений позволяет ряд общих черт, своеобразный инвариантный набор маминского жанра рассказа. **Во-первых**, сюжет всех названных произведений претендует на занимательность, то есть в нем предусмотрены различные, иногда довольно непредсказуемые, детективные или авантюрные повороты событий, что совпадает с чисто беллетристической направленностью текста. Если в очерке-травелоге, художественно-публицистическом очерке сюжет обычно соответствует маршруту путешествия, выстраивается на основе увиденного «здесь и сейчас», он достаточно непредсказуем и может включать массу «боковых ходов», не имеющих прямого отношения к путешествию и задачам путешественника, то в художественно-беллетристическом произведении – рассказе – сюжет выступает как авторская самоцель, сознательно конструируется автором и чаще всего имеет некое магистральное направление, исключая или сводящее на нет дополнительные, разрушающие стройность конструкции линии. Это авторская установка особенно ярко проявляется при сравнении с очерковыми произведениями писателя, о которых шла речь во второй главе данной работы. **Во-вторых**, безусловно, важна позиция, с которой ведется повествование. Говоря о художественно-документальных жанрах, мы использовали наименование «автор-повествователь», «чистый» повествователь, что предполагает преимущественно форму изложения от первого лица, прозрачность

авторской позиции, относительное отсутствие дистанции между лицом повествователя и самим автором произведений, а для очерков с публицистической склонностью нами использовалось также наименование «мы-публицистическое», что отражает особенности данного жанра. В художественно-беллетристических произведениях ведущими формами изложения соответственно выступает форма изложения от третьего лица, то есть он-форма, а также я-форма, но в несколько иной проекции – это не автор-повествователь, но «заговоривший» герой, персонаж, которому передано право «голоса». **В-третьих**, названные рассказы Мамина-Сибиряка отличает несомненная завершенность, определенность финала, что невозможно (да и не всегда нужно) в художественно-документальном жанре. Эти же черты, особенности рассказа позволяют отделить художественно-беллетристические произведения Мамина в целом от художественно-документальных.

В выстраиваемых беллетристических сюжетах писатель довольно часто развивает тематику, только намеченную в очерковых жанрах. При этом такая тема порой «рождается» из образов, рассматриваемых писателем в качестве характерных для уральской жизни. Иначе можно сказать, что определенная тематика развивается Маминым постепенно: если в художественно-документальном очерке часто проблема только описана, названа, то в его беллетристическом творчестве она получает дальнейшее развитие, всестороннее образное представление. Резюмируем: Мамин-Сибиряк использует разные типы нарративов, обращаясь к «большим» темам уральской и общерусской жизни. Возможно, сам художник предполагал, что только назвать существующую проблему (а в художественно-документальных жанрах происходит именно «называние», «наметка», «дагерротип») недостаточно, необходимо воздействовать на читателя с помощью образов, актуализировать эмоционально-экспрессивный фон.

Ярким примером может служить «женская тема»³⁴⁵. И для очерковых, и для беллетристических жанров являются специфически уральскими темы заводской и приисковой жизни, однако в беллетристике указанные темы больше претендуют на экзотический фон, чем на самостоятельный объект. Собственно «объектом» в рассказах Мамина становится судьба человека (женщины), его отношения с собой и окружающим миром. Писатель поднимает вполне «романные» темы напрасно прожитой жизни, одиночества человека, ставит вопрос о нескольких поколениях, не реализовавших себя. Понятно, что эти темы не могут быть проявлены в очерковых жанрах, для них нужно иное, более протяженное, художественное полотно, иные средства выразительности. Отсюда, в беллетристике Мамина актуализируется психологическая составляющая, которая была невозможна в жанрах художественно-документальных. Помимо этого, именно в художественно-беллетристической прозе впервые появляется блок рассказов о детях и для детей, который в 1880-е годы только нарождается у Мамина. Основные рассказы, которые написаны в этот период для детей или о детях, это «Китайцы и американцы», «Емеля-охотник», «Коробкин» (позже войдет в сборник «Детские тени»), «Свисток. Из рассказов о детях», «Штучка. Из ярмарочных нравов». К детским рассказам примыкает и особый жанр святочных рассказов. В указанный период пишутся «Искорки. Святочный рассказ», «Кум. Святочный рассказ». В основе данного жанра как явления календарной словесности лежит связь с праздниками, их культурным обиходом, а значит – внимание к самому событию, хронологии изложения. Названные рассказы встают в один ряд с множеством других маминских святочно-рождественских текстов – «Зимовье на Студеной» (1885), «Богач и Еремка» (1894), «Ийи» (1902) и т. д.

---

³⁴⁵ См. об этом подробнее: Мельникова А. В. Типология женских образов в малой прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2012. № 4 (108). С. 155–163.

Общим для некоторых из рассказов Мамина-Сибиряка 1880-х гг., написанных и от третьего, и от первого лица, является ориентация художника на правду факта и своеобразную региональную (областническую) направленность. Такие рассказы до конца не порывают связи с очерковым началом. Связь эта в большинстве случаев выражается во введении регионального контекста. Как бы ни был занимателен сюжет, повествователь все же намекает, что его персонажи – не условные фигуры, и даже не типы, а вполне конкретные, живущие в определенном месте люди. Уральский прииск показан в рассказе «Осип Иваныч», Ирбитская ярмарка в «Штучке», глухое село Чашиха на Урале – в рассказе «Учителька» и т. д.

В малоизвестном объемном рассказе «Куку» имеются своеобразные «этновкрапления», касающиеся киргизского народа и их селений, истории места: «Полурусское сельцо-станция Чумбаши залегло на самой границе тех уральских увалов, которые переходят уже в настоящую равнину, гладкую и однообразную <...> Оно спряталось на дне вымытого горной речонкой Сардвой широкого оврага, и издали можно было рассмотреть только белую церковь»³⁴⁶. Далее повествователь характеризует данное место еще и как место открытия золотоносных россыпей. При описании членов двух киргизских семей – полноправных героев рассказа – автор вносит необходимый этнографический материал, например, говорит об особенностях женского положения, вскользь обрисовывает традицию отдавать богатый калым за невесту, дает в скобках перевод киргизских слов. Такие вкрапления не выглядят при этом как сухие справочные вставки, так как оказываются сопряженными с представленными героями: «Майя весело позванивала своим серебряным монистом и по вечерам пела грустные киргизские песни. Красавице было о чем грустить... Невеселую долю

---

³⁴⁶ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 8. Петроград, 1915. С. 347.

киргизской женщины, которая работает, как лошадь, скоро стареет и в награду должна уступить место молодой катн <жене>»³⁴⁷.

Подобные краеведческие мотивировки присутствуют и в более поздних рассказах. Причем речь не всегда идет об уральской действительности. Например, в рассказе «И тому подобная баба. Рассказ» (1904) уделяется подробное внимание селу, в которое рассказчик из Павловска собирается идти ловить рыбу. Описывается и настоящее положение дел села Палкино, его недалекое прошлое, и даже специфическое поведение «палкинских баб» (именно с такой спецификой и сопрягается название рассказа). Но рассказчику не только интересно зафиксировать – ему важно проследить жизненный путь Матрены – одной из таких «и тому подобных баб», бывшей красавице, сожительствовавшей «без венца».

Интересной особенностью является то, что Мамин может говорить не только о действительно существующих локусах – иногда это двойники или попросту вымышленные названия провинциальных местечек и известных на Урале городков (провинциальное местечко Заболотье в рассказе «Последний день», Сосногорск и уездный городишко Проломный в рассказе «На лету», опять Сосногорск в рассказе «Коробкин», не названное провинциальное местечко в «Гнезде пауков» и пр.).

Таким образом, разнообразные особенности региона в беллетристике Мамина играют не самую решающую роль – это, скорее, повод, потенциальная возможность для развития более разнообразного и увлекательного сюжета. Беллетристические произведения Мамина-Сибиряка могут содержать в небольшом количестве гео-, этнографический материал, однако такие вкрапления лишь дополняют представленный образ местности/героя, тогда как в художественно-документальных, травеложных очерках данные сведения представляют собственный авторский интерес.

---

³⁴⁷ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 8. Петроград, 1915. С. 363.

Рассказы Мамина-Сибиряка 1880-х гг. характеризует тематическое разнообразие, неоднородностью отличается во многом и их построение. В частности, все рассматриваемые произведения можно разделить на две группы на основании использования формы повествования от первого или третьего лица. От первого лица написаны следующие тексты: «Между нами», «Волчий хлеб», «Гнездо пауков», «Приятное воспоминание», «Старая дудка», «Два хохла», «К знахарю», «Блудливое место» и др. Форма повествования диктуется выбранным материалом и определенным ракурсом его рассмотрения. Как писал Ю. В. Манн, «...Рассказчик сюжетно принадлежит к миру изображаемой жизни, является персонажем, включенным вместе с другими персонажами в единую причинно-следственную, пространственную и временную связь»³⁴⁸. При этом также очевидно, что в данных рассказах имеется связь с очерковой традицией изображения, их можно было бы назвать очерками-рассказами. Произведения представляют собой зарисовки фрагментов большего жизненного полотна, оформлены чаще всего как воспоминания об отдельных моментах жизни героя. Такой способ представления материала, создающий определенный колорит «фрагментарности», так как и память всегда избирательна и фиксирует лишь определенный взгляд, срез, настроение, не претендует на прорисовку целостной картины. Данный принцип изображения поддерживается и на уровне финалов – нельзя сказать, что повествование здесь обрывается (как это может случиться, например, в маминском очерке-травелогге), но оно в то же время не претендует на основательную обрисовку того, что случилось с каждым героем. Финал данных рассказов часто не имеет фабульной конкретики, то есть читатель узнает, чем закончилась представленная история, но не узнает, каким образом это повлияло на дальнейшую жизнь участников этой истории и пр.

---

³⁴⁸ Манн Ю. В. От Пушкина до Чехова: эволюция повествовательных форм // Манн Ю. В. Тургенев и другие. Москва, 2008. С. 379.

Приведем несколько примеров таких финалов. Концовка рассказа «Приятное воспоминание» выглядит так: «Человеческому терпению бывают известные границы. Это было уже слишком, и мы с Антошей бежали от господина с шапокляком, бежали самым постыдным образом. Мало того, мы убежали из клуба, как мальчишки, оставив наших гречанок на произвол судьбы»³⁴⁹. Из этого абзаца читатель узнает, чем заканчивается анекдотическая история о том, как профессор Никанор Васильевич попросил студентов сопровождать его жену и свояченицу в клуб. Но ничего не говорится о том, как отреагировал на такой поворот сюжета сам профессор, каким образом сложились дальнейшие отношения всех действующих лиц. Но если учесть, что перед нами комический случай, забавный анекдот из молодости героев, то потребность в более детальной расшифровке финала отпадает. Финальные строки указанных рассказов могут содержать также некое обобщающее наблюдение, которое «выводится» повествователем из всего сказанного выше и содержит своеобразную жизненную мораль, как в рассказе (по авторскому определению – очерке) «Волчий хлеб»: «Мы расстались. Я возвращался в свою каморку с тяжелыми предчувствиями. Что-то такое болезненное и тяжелое поднималось в душе... Ведь у каждого человека в жизни вьется своя роковая веревочка, от которой не уйдешь»³⁵⁰. Финал в названных рассказах может выступать и эмоциональным аккордом ко всему предшествующему содержанию: «Говоря *между нами*, в жизни иногда бывает такое ... позвольте, как это лучше сказать?... А впрочем, не стоит ... плевать»³⁵¹ («Между нами»); «Бросил театр. Будет... Не для кого больше свистать *старой дудке...*»³⁵² («Старая дудка»). В двух приведенных финалах подводится своеобразный итог не только представленной истории, но и всей жизни центрального героя-рассказчика.

---

³⁴⁹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 566.

³⁵⁰ Там же. С. 484.

³⁵¹ Там же. С. 549.

³⁵² Там же. С. 602.

Несмотря на вполне состоятельный и самостоятельный сюжет, жанровая и стилевая тональность данных рассказов различна: в своем роде анекдотом можно назвать «Приятное воспоминание», аллегорико-дидактическая притчевая основа вскрывается в финале рассказа «Гнездо пауков», автобиографический контекст очевиден в «Волчьем хлебе». Сюжет сконцентрирован на одной конкретной ситуации, причем автор выбирает две различных формы ведения такого повествования – рассказчик вспоминает и припоминает давно произошедший с ним случай, некую историю («Между нами», «Волчий хлеб», «Приятное воспоминание»), либо рассказчиком создается эффект совпадения времени события, также достаточно эпизодического, и времени наррации, благодаря чему рассказ и обнаруживает ориентацию на жанровый архетип притчи («Гнездо пауков»).

Дореволюционный критик Е. Аничков, критикуя маминскую назидательность-дидактичность, замечал, что «Притча – одна из основных видов поэтического повествования, и возникновение романов-притч и рассказов-притч, в значительной степени, неизбежно. Но какое значение имеет притча, когда она предвзято придумана, когда она не подкупает своей жизненной правдой?»³⁵³.

В последнем из названных произведений рассказчик практически в режиме настоящего времени, даже в некоторой репортажной манере начинает повествование о своем «довольно неприятном визите» в банкирскую контору («Летнее утро свежо, хотя уже начинает чувствоваться наливающийся зной...»), «Предстоит довольно неприятный визит; поэтому я стараюсь не думать о нем, а беру шляпу и торопливо выхожу из своей квартиры», «Навстречу попадает несколько чиновников...»; «Вот и провинциальный театр...», «Беру налево по каменному тротуару...»³⁵⁴ и т. д.). Описывая всю публику, пришедшую закладывать свои сокровища, собственно самих работников конторы – владельца Подбрюшникова,

---

³⁵³ Аничков Е. Мамин-Сибиряк (критический очерк) // Мир Божий. 1905. № 10. С. 231.

³⁵⁴ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 485.

бухгалтера и оценщика, рассказчик все время намекает на нечестность и унижительность такого заведения, как ссудная касса. Его позиция проявлена в ироничном и саркастическом изображении конторы, а также «пробивается» в открытом пассаже о том, что обращаясь в такие заведения «закладывающая беднота» вынуждена «переплачивать за свое безвыходное положение 300–400% разным благодетелям вроде Подбрюшникова и К^о»³⁵⁵. Свое внимание рассказчик в итоге концентрирует на маленьких детях Подбрюшникова – Боре и Тане. За приоткрытыми дверями в приемную конторы они с недетской серьезностью играют: младшая Таня «закладывает» за копейки у брата свои детские сокровища. Такая игра, с одной стороны, смотрится карикатурно, так как рассказчик принимает во внимание детское неосознанное желание повторять за старшими: « – Послушай, с тобой играть невозможно... – заворчал мальчик и заговорил прежним серьезным тоном, *копируя больших...*» и далее « – Ты, Таня, совсем просить не умеешь... – заговорил он уже детским тоном. – Нужно плакать... Знаешь, *как просят женщины у папы в конторе?*»³⁵⁶ (Курсив наш. – А. Б.). Но финал такой игры, когда прекращается собственно копирование образцов, но начинается самостоятельный, осознанный обман и насилие (пусть и в детских масштабах) – пугают рассказчика, вызывают горькие сожаления: «Это была уже не детская игра, и, по всей вероятности, Боря Подбрюшников пойдет далеко, – может быть, гораздо дальше своего родителя... Что же сказать на это? Я видал сотни детей нищих, маленьких воров и воришек, детей несчастных и забитых, но эти отверженцы общества <...> никогда не производили на меня такого гнетущего впечатления, как эти поистине несчастные Боря и Таня в пестрой рамке окружавшей их обстановки... Кстати, вот вам, господа русские художники, самый благодарный сюжетец для картины на самую большую золотую медаль»³⁵⁷. Авторская ирония в

---

³⁵⁵ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 489.

³⁵⁶ Там же. С. 489.

³⁵⁷ Там же. С. 496.

последней строке призвана «снять» тяжелое впечатление от рисуемой сцены и ее восприятия автором-повествователем, перевести рассказ в ранг «анекдота» или «басни», при этом сохраняя финальное моралите, и эта установка – дистанцирующей иронии – прослеживается также на протяжении всего сюжета рассказа. По наблюдениям В. И. Тюпы, анекдот и басня отнюдь не противоречат притчевой установке, но объединяются с ней в литературе Нового времени: «...важнейшей жанрообразующей особенностью рассказа является взаимодополнительность диаметрально противоположных интенций жанрового мышления – притчевой и анекдотической»³⁵⁸.

Рассказчик в указанных текстах Мамина во многом занимает «наблюдательную» позицию. Окружающие его персонажи (обычно их один-два), становящиеся объектами описаний, живут своей жизнью, на небольшой срок пересекаясь с ним. Именно их поведение, действия становятся основой незамысловатого сюжета с развязкой. Здесь мы не встретим обобщений, рефлексий и уточнений, у рассказчика часто имеется вполне определенная цель – побывать в ссудной конторе («Гнездо пауков») или доехать до «знахаря» на пароходе («К знахарю»), а в процессе достижения такой цели ему встречается любопытный человек или пара, история или настоящая жизнь которых заслуживает его внимания.

Органично именно с формой изложения от первого лица, т. е. с я-формой, соотносится прием введения воспоминаний, ретроспективного повествования. Мы понимаем данный прием как установку сознания рассказчика, особенность самой повествовательной «призмы». Этот прием реализуется в прозе уральского автора достаточно многообразно, что позволяет назвать его продуктивным повествовательным приемом. Такой способ, на первый взгляд, противопоставляется «репортажности» художественно-документальных очерков Мамина, где, казалось бы, важным было своего рода «синхронное письмо», при котором время написания и

---

³⁵⁸ См.: Тюпа В. И. Нарративная стратегия притчи в литературной традиции // Притча в русской словесности: от Средневековья к современности. Новосибирск, 2014. С. 63.

время публикации не должны серьезно расходиться. В очерках-травелогах, художественно-публицистических очерках, собственно публицистике Мамин-Сибиряк использует подобный прием, но он становится способом внесения исторического плана. Но и при «репортажном», и при «ретроспективном» письме возникает возможность дать тому или иному событию (увиденному или вспоминаемому) объективную оценку. В очерке для достижения этой цели используется целый набор средств верификации (фактография, статистика и пр.), а в случае с рассказом-ретроспективой главным таким средством становится жизненный опыт повествователя, который вспоминает и оценивает свое прошедшее уже с несколько измененных позиций. Ретроспективное повествование у Мамина сопрягается с мотивом воспоминания (такое сопряжение в отношении ретроспекций применительно к поэтическому тексту отмечает, в частности, М. А. Петрова³⁵⁹). В классическом виде указанный прием использован в рассказах «Между нами. Из записок старого холостяка» и «Приятное воспоминание. Рассказ». Ретроспектива как прием, безусловно, частотное явление в литературе, но особенно часто, по мнению М. Г. Пономаревой, такой способ подачи материала можно заметить в исторической прозе крупной романной формы³⁶⁰. Очевидно, у Мамина рассматриваемый тип повествования может являть себя и в малых жанрах. Как структурирующий прием, организующий повествование, он проявляет себя в жанре рассказа, а как условная схема для развертывания эпического сюжета – выступает в повести-очерке «Сестры», кроме того, отдельные фрагменты-воспоминания, так называемые «тексты в тексте», присутствуют в рассказах с

---

³⁵⁹ См.: Петрова М. А. Ретроспекция как способ построения лирического сюжета в поэзии С. А. Есенина: мотив воспоминаний // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 4. С. 41.

³⁶⁰ Пономарева М. Г. Способы организации ретроспективного повествования в рамках исторического художественного дискурса // Дергачевские чтения – 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург, 2012. Т. 2. С. 289.

преимущественной он-формой изложения «Коробкин. *Из летних рассказов*», «Двадцать градусов. *Рассказ*» и др.

Особенно интересным в повествовательном плане можно назвать рассказ «Между нами. *Из записок старого холостяка*». Произведение является также одним из ярких примеров использования ретроспективного повествования у Мамина. Главный герой (он же рассказчик) не только подводит итоги своего существования, но и пытается трезво оценить мотивы своих прошлых поступков, их последствия: «Если разобрать серьезно, то человеческое сердце устроено немножко странно, чтобы не сказать больше. Я иногда задумываюсь на эту тему. В самом деле, человеку нужно прожить сорок шесть лет, чтобы додуматься, как нужно было сделать тогда-то и тогда-то...»³⁶¹ Повествование приобретает исповедальный характер, наряду с ярко выраженным личностно-субъективным началом, обусловленным избирательностью памяти. При этом главный герой, Платон Васильевич, предпринимает своего рода попытку объективного представления самого себя и своих поступков, формально это выражается в том, что он на протяжении текста говорит о себе в третьем лице, напрямую обращается к читателям: «Да, черт возьми, в свое время Платон Васильевич Казарин тоже танцевал и очень не дурно танцевал <...> У Платона Васильевича едва хватало на входной билет да за платье швейцару <...> Теперь есть деньги, но недостает именно того, что на деньги не покупается <...> Впрочем, это между нами, и я вполне надеюсь на скромность моей читательницы – нет, она меня не выдаст...»³⁶²; – «Да, черт возьми, Платон Казарин имел успех у женщин и теперь расплачивается за эту мелкую монету счастья своим одиночеством»³⁶³; «В одно прекрасное утро Платон Васильевич Казарин почувствовал, что он, во-первых, свинья, во-вторых – свинья, в-третьих – свинья. Потом Платон Казарин тосковал, потом пришел к заключению, что

---

³⁶¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 544.

³⁶² Там же. С. 528.

³⁶³ Там же. С. 532.

он влюблен <...> Как это случилось, когда, почему, – осталось неизвестным, и мне всегда смешно читать в романах, что такой-то полюбил такую-то за голубые глаза <...>»³⁶⁴. Понять, что это взгляд рассказчика на самого себя со стороны, можно благодаря идентифицирующему контексту: это и авторское жанровое определение – записки, и отсутствие другого говорящего (исключение – реплики в диалогах), и обращение рассказчика к себе по имени-отчеству. В таких, довольно многочисленных, повествовательных «сбивах» реализуется установка на диалогичность – это и автокоммуникация, адресация текста самому себе, а также попытка неявным образом похвалить себя прежнего либо объяснить трудные ситуации прошедших лет. Своего рода эмоциональный и словесный лейтмотив всего рассказа – реплика героя: «Э, все равно... плевать!», встречающаяся много раз в различных вариациях. Но до конца поверить в то, что герою действительно все равно, мы не можем, иначе не было бы и его искреннего рассказа, а также желания в этой искренности дойти до конца, по прошествии многих лет обнажить все свои переживания.

В рассказе присутствуют прямые и косвенные «меты присутствия» читателя-слушателя, обращения к читателям. По мнению, В. И. Тюпы, имитация устной речи является распространенным, но факультативным признаком рассказа³⁶⁵. В данном рассказе имитируется именно изустный рассказ, нацеленный на публичность. Занимательная история молодости героя, которая нам представляется, также довольно часто прерывается рефлексивными и назидательными вставками: «Молодость глупа, глупа тою счастливой молодой глупостью, которая скрывает пред ней все прорехи, дыры и живые нитки нашей жизни»³⁶⁶; «Что было дальше? Мне немножко совестно рассказывать, потому что старый кот Васька так хитро смотрит на меня, и в его зеленых глазах светится мысль: “Э, Платон Васильич, не стоит

---

³⁶⁴ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 545.

³⁶⁵ См.: Тюпа В. И. Нарративная стратегия притчи в литературной традиции // Притча в русской словесности: от Средневековья к современности. Новосибирск, 2014. С. 63.

³⁶⁶ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 533.

вспоминать... Плевать!» Но я начал и должен кончить»³⁶⁷. Подобный прием назван М. Г. Пономаревой «новеллизацией повествования», характеризующейся переходом от изображения к осмыслению³⁶⁸. Интересно, что Мамин по-своему преобразует здесь классический повествовательный прием, описанный Б. А. Успенским так: «В плане характеристики временной не менее показательное использование в начале повествования ретроспективной точки зрения, которая затем сменяется на точку зрения синхронную»³⁶⁹. Главенствующей точкой зрения в рассказе «Между нами» остается ретроспективная, однако синхронную временную канву позволяют внести приводимые повествователем разговоры между персонажами, а также настоящее героя (I и VII части). При этом рассказчик выстраивает в своих воспоминаниях довольно четкий сюжет, соблюдает хронологическую линию этого сюжета, то есть этой давней истории, а не своих фрагментарных воспоминаний о ней, которые вторгаются в «историю», временами прерывают ее, но не забегают вперед. Таким образом, возникает двойной сюжет: первый – сюжет нарратива, то есть времени воспоминания и передачи этого воспоминания, где герой – постаревший холостяк, решивший наконец поведать свою историю, второй – сюжет рассказываемой истории, где он молодой и нахальный дурак, не особо задумывающийся о том, что могут повлечь за собой его опрометчивые поступки. Этот второй сюжет – рассказываемой истории – строится из постепенного развертывания воспоминания, в сущности, посредственной (на внешний взгляд) истории ухаживания за барышней «на миллион». Главный герой этой истории в силу внешних («подначивания со стороны дядюшки», соперничества со своим другом, доктором Клейстом) и внутренних (желание самоутвердиться)

---

³⁶⁷ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 536.

³⁶⁸ См.: Пономарева М. Г. Способы организации ретроспективного повествования в рамках исторического художественного дискурса // Дергачевские чтения – 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург, 2012. Т. 2. С. 297.

³⁶⁹ Успенский Б. А. Поэтика композиции. Москва, 1995. С. 186.

обстоятельств ухаживает за богатой барышней Агничкой Быковой. Он не испытывает к ней настоящих чувств, поэтому, не задумываясь о последствиях и ответственности, во время зимней поездки на санях он признается ей в любви (даже не столько признается, сколько отвечает утвердительно на ее вопрос о чувствах), однако позже чувствует угрызения совести и винит во всем стечение обстоятельств. Весь дальнейший поворот событий напоминает нам пушкинского Онегина: Агничка Быкова женится на одном из своих поклонников – капитане, становится, как кажется всему обществу и нашему рассказчику, счастлива в браке, а Платон Васильевич, задетый сам не зная чем, обнаруживает, что влюблен. Затем представленная ситуация разыгрывается уже по самым обычным законам реальной жизни – капитан истязает свою жену, а выбив из уже больной супруги нужные ему деньги, уезжает за границу. С больной остается доктор Клейст, которому Агния Ефимовна обещает завещать свое оставшееся имущество при условии, что он не оставит ее в последние несколько лет жизни. Пафос всей истории также снижен: по мнению Платона Казарина, служанка Агнии Ефимовны Саша, пришедшая к нему рассказать о том, что барыня до последних своих минут любила его, врет, «она все это рассказывает <...> чтобы выманить от меня побольше денег»³⁷⁰. Но судя по реакции самой служанки, ее бескорыстию, отказу принять деньги от героя, она говорит правду, а неверие «старого холостяка» обусловлено его нежеланием принять свое запоздалое раскаяние и тем самым признать свое поражение.

В рассказе происходит снижение целого ряда прецедентных сюжетов классической литературы (присутствуют сюжетные совпадения с романом А. С. Пушкина «Евгений Онегин», романом М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»). При всем желании устроить нравственный самосуд и прийти к катарсическому прозрению маминскому герою это не удастся, о чем нас как будто предупреждает его манера говорить о себе. Его авторефлексия

---

³⁷⁰ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 549.

на самом деле в большей степени сделана «на показ», а «записки» рассчитаны на то, что их «прочитают или прослушают». Складывается ощущение, что герой сам этой рефлектирующей сущности в себе стесняется (как подпольный герой Достоевского стесняется и даже стыдится своих «высоких» чувств), то есть он раздвоен: ему и стыдно, и больно, но он не хочет этого показать даже себе. В этом смысле его выдает сам факт, сама попытка все это записать, излить, хотя бы на бумаге.

Высокая тема напрасно прожитой жизни (к ней, кстати, сам Мамин будет возвращаться в разных видах и не раз – ср. «Черты из жизни Пепко»), тема расплаты за выбор (И. С. Тургенев «Ася», А. Н. Островский «Бесприданница» и др.), тема возмездия, которое по прошествии лет гнетет человека (ср. «Коробкин» Мамина), приобретает здесь особенно острый и болезненный характер, дополнительно окрашенный иронией и даже сарказмом как героя, так и (в отношении к герою) автора. И тоска, и мизантропия в итоге расцениваются самим говорящим как результат бессмысленно прожитой жизни. При этом частная, личная проблематика в рассказе оказывается нагружена социальными смыслами (отвергнутая героиней девушка – наследница огромного состояния, он же беден и самолюбив), пунктиром проходит и проблема семейного деспотизма, и, шире, – унижительного отношения к женщине как к существу второго сорта, не только навязанного Платону обществом, родом («Нужно себя держать с женщиной так, чтобы она всегда немножко тебя боялась...»³⁷¹, «Если у человека ничего нет, значит, нужно отыскать такую дуру, у которой много»³⁷² – так говорит о богатых невестах дядя героя), но и лично принятого им. Похожая нарративная ситуация складывается в рассказе «Блудливое место. Рассказ капитана Вараксина» (1890), тематически близком рассматриваемому тексту.

---

³⁷¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 530.

³⁷² Там же. С. 530.

Собственно, по указанию N. White, «биографические повествования должны заставить своих читателей “мыслить нарративно”, научить их воображать себя в качестве действующих лиц или персонажей некоторых типов идеальных историй или вымышленных сюжетов, схватывать значение социальных связей скорее в нарративных, нежели в аналитических понятиях»³⁷³. Стоит сказать, что в рассказе «Между нами» сопереживать герою и даже мыслить как он вполне возможно за счет опять же нарративных средств автопрезентации рассказчика. Автор искусно поддерживает у читателя интерес к изображаемой интриге. Его герой-рассказчик сам подчеркивает значимость рассказываемого, утверждая, что даже по прошествии 20 лет он не забыл этой давней истории. Аксиологический план, действительно, сдвигается планом презентации. Это обусловлено, по нашему мнению, именно названными выше особенностями смен форм повествования и обобщающими рефлексивными вставками, характеризующимися известной долей эмоциональности утрированной, мелодраматической.

Как видим, в основе художественной стройности рассказов Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг., написанных от первого лица, лежит образ рассказчика, хотя степень выраженности его «я» может меняться в зависимости от художественных задач или жанровых колебаний. Притом в очерковой структуре позиция автора-повествователя также является организующей, однако в фокус его взгляда попадает ландшафт, локус, топос, география, этнография и пр., тогда как в рассказе (особенно новеллистического типа) в центре чаще всего оказывается история, случившаяся с человеком, определяющая всю его жизнь.

В «арсенале» Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. имеется также группа рассказов с третьеличной формой изложения: «Коробкин», «Ната», «Осип Иваныч», «Штучка», «Свисток», «Последний день», «Двадцать градусов»,

---

³⁷³ White N. The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore, 1987. С. 155–157. – Цит. по: Калугин Д. Русские биографические нарративы XIX века: от биографии частного лица к истории общества // История и повествование: сб. статей. Москва ; Хельсинки, 2006. С. 179.

«На лету», «Учителька», «Испытание», «Друг артистов», «Бедный черт» и др. Каждый из этих рассказов представляет собой уже не фрагмент, не просто воспоминание, но в большей степени полноценную, законченную историю, в том числе «историю души человеческой», но рассказанную уже отвлеченным повествователем, обладающим всеведением.

В названных рассказах также присутствуют отдельные фрагменты-воспоминания, так называемые «тексты в тексте», так как Д. Н. Мамин-Сибиряк применяет классическую для литературы схему использования ретроспективного повествования: детерминирует настоящее положение героя произошедшими с ним ранее событиями. Например, в рассказе «Коробкин. Из летних рассказов» это история Капочки, вспоминаемая Коробкиным; в рассказе «Двадцать градусов» – история детства Флоры.

События, выстраивающие историю, во многом авантюرنы, что часто приводит к неожиданному финалу. Так или иначе, указанные рассказы третьейличной формы изложения можно назвать новеллоподобными, по причине наличия острого центростремительного сюжета³⁷⁴. Мамин обращается к теме состязательности, соревновательности жизни, поэтому во всех этих произведениях центральный персонаж оказывается противопоставлен другому персонажу или жизненным обстоятельствам. Именно с помощью контрастного противопоставления, своеобразного диалогизма, выстраивается сюжет с молниеносным развитием действия, яркой кульминацией, когда события буквально «ударяют» по герою. После этого жизнь его обычно кардинально меняется, причем, как правило, положительный финал уже оказывается невозможен. Героя постигает прозрение, а по мнению окружающих его людей – безумие («Коробкин»), смерть («Двадцать градусов», «На лету»), разорение («Последний день») и пр. Вновь возникает тема потерянной личности, потерянной жизни, герой ощущает полное одиночество и уже не находит своей связи с миром. Причем

---

³⁷⁴ См.: Эпштейн М. Н. Новелла // Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. С. 248.

всевидящий повествователь «передает» читателю мысли самого героя по поводу случившейся кризисной ситуации: Платошка («На лету») злится и не может поверить в обман жены, Флора («Двадцать градусов») испытывает отвращение к себе, оба они жалеют о своей жизни, косвенно винят в сложившейся ситуации себя. В рассказе «Двадцать градусов» жизненную ситуацию героини, вряд ли способной внятно рассказать о себе, описывает и оценивает повествователь: «Потом было то, что бывает в таких случаях. <...> Он ей нанял маленькую комнату, подарил швейную машинку и обещал жениться, а она была так глупа и поверила...»³⁷⁵. Здесь же этот всезнающий повествователь в своем монологе передает нам чувства героини и ее переживания относительно своего положения: «Ей было даже страшно думать о себе и своем положении <...> Проходя днем по улице, она чувствовала как один ее вид производит в людях отвращение»³⁷⁶. Такая «колеблемость» оценок, нередкий переход к точке зрения героя наблюдается во многих рассказах Мамина-Сибиряка 1880-х гг. с третьеличной формой повествования. Углубление интереса к личностным внутренним процессам, особая «сгущенность» повествования, когда отсутствуют лишние детали и описания – черты русского рассказа 1880-х – 1900 гг., по мнению В. Я. Гречнева³⁷⁷. Маминский рассказ соответствует этим признакам, однако в рассказах уральского автора просвечивает сознательная установка на определенную читательскую рецепцию (напомним, что многие из них печатались в провинциальных газетах). Сама редакция «Волжского вестника», например, так представляла появление маминских текстов в своем издании: «Д. Сибиряк, автор этого очерка, – весьма талантливый беллетрист, произведения которого «Жилка», «Горное гнездо», «Приваловские миллионы» и др., помещались в лучших столичных журналах»³⁷⁸.

---

³⁷⁵ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 516.

³⁷⁶ Там же. С. 516.

³⁷⁷ См.: Гречнев В. Я. Русский рассказ конца XIX–XX века (Проблематика и поэтика жанра). Ленинград, 1979. С. 8–10.

³⁷⁸ Волжский вестник. 1885. № 3. С. 2.

Художественные тексты, публикуемые в таких периодических изданиях, соседствовали с самыми разнообразными отделами – смесь, библиография, телеграммы, местная хроника, корреспонденции, внутренние известия, политическое обозрение, торговый отдел, справочный отдел, объявления – и их задача заключалась в разнообразии этого разнородного материала. Можно сказать, что маминский рассказ этого периода действительно представлял интерес для читателей-современников за счет насыщенных, «густых» сюжетов, он не требовал «домысливания», являл готовые оконченные истории и психологически был вполне понятен.

В то же время художественная манера писателя согласуется с принципами создания малой прозы классиков его времени – в частности, Л. Н. Толстого. В рассказах Толстого 1890-х гг. «...оценка не прилагается извне к воссозданной картине жизни, а возникает изнутри, голос повествователя словно растворен в самой системе рисовки действительности»³⁷⁹. Дарования Толстого и Мамина трудно сравнивать, но они современники, в их творчестве обнаруживаются общие темы, хотя их разработка, сама интерпретация чаще всего различна. Симптоматичен отзыв критика журнала «Мир Божий»: «Быть может, это покажется большой ересью, но рассказ г. Мамина <<Исповедь>> произвел на нас большее впечатление, чем «Хозяин и работник» Л. Н. Толстого»³⁸⁰.

Рассмотрим на примерах особенности повествовательного рисунка рассказов, написанных от третьего лица. Повествователь, с одной стороны, может иронизировать по поводу настоящего и прошлого героя, с другой стороны, частично переходит на точку зрения героя, сочувствует его горю. В таком случае возникает интересный процесс объективизации повествования, так как происходит сознательный отказ от представления одной верной позиции в оценке. Таковы, в частности, рассказы «На лету» и «Осип

---

³⁷⁹ Тагер Е. Б. Новый этап в развитии реализма // Русская литература конца XIX – начала XX в. Девяностые годы. Москва, 1968. С. 113.

³⁸⁰ А. Б. Критические заметки // Мир Божий. 1895. № 4. С. 257.

Иваныч». В произведении «На лету» главный герой – страдающий почтарь Платошка, 17 лет за 17 целковых исполняющий все одну и ту же работу – перевозка почты по Сибирскому тракту из Сосногорска в уездный город Проломный. Повествователь на протяжении всего текста обнажает перед нами его незатейливую мечту – стать городским почтальоном, чтобы умножить свой достаток и не заниматься каторжной почтовой перевозкой между городами: «У Платошки были свои определенные желания, которые он возил за собой все семнадцать лет <...> Если считать, что Платошка ежегодно делал от Сосногорска до Проломного только сто концов, в результате получалась громадная цифра – вперед 213 верст, да обратно 213, следовательно один конец составлял 426 верст, а сто концов 42600 верст <...> Платошка, к собственному счастью, подобными вычислениями не занимался, а только чувствовал, что у него по временам ныла каждая косточка <...> Иногда, впрочем, Платошка сильно ругался»³⁸¹. Как видим, в данном отрывке явлены различные зоны сознания: зона всеведающего повествователя, здесь – считающего версты, и зона чувств самого героя. Далее в тексте появляется словесное подкрепление последней фразы – прямая речь самого героя. Появление диалогов во всей ткани рассказа органично, однако повествователь может иногда приводить не диалог, а лишь фразу или ряд фраз, относящихся к речевой зоне одного героя. Такие фразы обычно служат доказательством или подкреплением наблюдения, высказанного повествователем. Ворчливого и угрюмого, в чем-то недалекого Платошку все считают простачком, дурачком, откровенно смеются над ним, что передается повествователем: «Этот обиженный вид и дорожный костюм <...> служили неистощимым источником для остроумия...»³⁸² и т. д. Однако повествователь не может и не сочувствовать своему герою, представляющему тип «маленького человека», традиционный для классической литературы уходящего века, но его сочувствие спрятано, «запаковано» в образе

---

³⁸¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 552.

³⁸² Там же. С. 550.

несуразного почтальона и анекдотической истории его столь же нелепой жизни.

«Промерзая до самой души» и мечтая только о том, чтоб стать городским почтальоном, Платошка (только таким уменьшительным вариантом имени он назван на протяжении всего текста) как бы мимолетом, *на лету*, узнает, что его детишки ему вовсе не родные, а нагулянные женой Агашкой с городскими почтальонами. Платошка с ужасом понимает, что и женился он как-то бесцельно «...на лету, между двумя поездками, и жил с ней тоже на лету»³⁸³. По своему простодушию герой верит словам Женьки, гулящей жены зрителя, бывшей своей зазнобы, хотя сведения, сообщенные ею об Агашке, скорее похожи на наговор. Но почтарь верит – и расплачивается за свою слепую веру. Обида и недоумение вызывают естественную реакцию «убить стерву», кроме того, поддержку находит Платошка и у ямщика, так обобщающего всю ситуацию: « – Што жена... дело женское известное: слабость есть... – двусмысленно ответил Волк, оборачиваясь от облучка. – Ты ее, курву, хорошенько взвесели, а то меня позови: изважим в лучшем виде...»³⁸⁴ Собственно, весь ход предшествующего повествования не может допустить «открытости» финала, вот почему в финале пьяный, взбешенный Платошка, возвращаясь со службы в своей несущейся тройке, попросту замерзает, опять же *на лету*. Даже это «на лету» можно трактовать как поверхностно-доверчивое, «скорое», во многом наивное отношение героя к жизни. Опять мы видим, что герой не вырастает до трагического, он карикатурен и даже смешон в своей слепой вере во все услышанное, чем сглаживается драматизм ситуации. Во многом этому способствуют повествовательные особенности, которые готовят читателя к такой развязке. Смерть героя, с одной стороны, кажется глупой, анекдотической в плане того, как нелепо, быстро и бессмысленно все происходит, но, с другой стороны, гибнет человек, и Мамин обнажает острый

---

³⁸³ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 556.

³⁸⁴ Там же. С. 556.

драматизм этого «казусного» случая. Синтез комического и трагического начал – в таком контрастном столкновении одного с другим проявляется своеобразие художественности Мамина.

Еще один пример объективизации повествования – рассказ «Осип Иванович», хотя в несколько другом осмыслении. Местом действия выбран прииск в качестве специфического, неординарного места для занимательного сюжета, присутствует определенная доля детективности. В центре интриги странноватые взаимоотношения двух персонажей – Осипа Ивановича Померанцева (бывший консistorский секретарь, ныне владелец прииска) и Марьи Ивановны (хозяйка «молочной торговли»). Практически до последних строк неизвестной остается причина их внезапной свадьбы. В целом поведение героини более всего подпадает под определение «таинственное», «странное». Вот как о ней отзывается товарищ, а затем и соперник Осипа Ивановича, майор: «Главное, странно то, что эта Марья <...> девушка совсем одинокая и забралась в такую тущобу. То есть решительно ничего не понимаю...»³⁸⁵; «Черт ее знает, кто она такая: прилетела неизвестно зачем и, здорово живешь, околпачила этого лысого дуралея»³⁸⁶. Название рассказа соответствует имени центрального мужского персонажа, данный факт не случаен, так как именно имя Осип (Иосиф), по собственным словам носителя, и погубило его³⁸⁷. Благочестивая девица Мария, приехавшая на прииски, действительно вызывает интерес у всех обитателей окрестностей, провоцирует своеобразный марафон состязания за право общаться с ней, в котором побеждает никто иной как старик Осип Иваныч. Давно мечтающий о семейном счастье, он не замечает никакого подвоха в том, что молодая девица «кровь с молоком» соглашается стать его женой, не хочет замечать он и дружеских предупреждений майора. После свадьбы невеста исчезает, появляется она уже только тогда, когда Осип Иваныч находится на грани

---

³⁸⁵ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 352.

³⁸⁶ Там же. С. 362.

³⁸⁷ Там же. С. 369.

смерти. Прося последнее прощение у майора, герой наконец открывает мотивы действий своей несостоявшейся жены: «— Вот, вот... Иосиф... это и нужно было змее моей. Она... Марья... хлыстовка... захотела сделаться хлыстовской богородицей... ну ей и нужно было... обручиться... с Иосифом, который хранил бы ее девство...»³⁸⁸

Внимательный читатель, безусловно, понимает, что Марья – непростая девица и начинает подозревать здесь некую тайну, загадку: таинственное появление героини, странный спутник-старичок, явная манипуляция простодушным Осипом Ивановичем. Причем образ Марьи Ивановны словно двойится: она ведет себя показательно нравственно, явно отрицательно относится к «дурным» девицам, читает душеспасительную литературу и пр. Однако на деле ее смирение растворяется в гордыне, например, когда майор начинает распускать известного рода слухи о дружбе Марьи и Осипа, запрещает рабочим прииска покупать товар в лавке Марьи, девушка в обиде собирает свой скарб и намеревается уехать, чего, конечно, не может допустить вedomый влюбленный. Разыгрываемая история понятна всем, кроме самого героя, единственное, что остается загадкой до конца – причины такого поведения Марьи, то ли авантюристки, то ли блажной. Поначалу обрисованный в комическом свете Осип Иванович, который не вызывает явных симпатий со стороны повествователя, превращается в персонажа-жертву, которому хочется и получается сочувствовать. Ближе к финалу все больше разделяются речевые сферы повествователя и самого героя, разворачиваются в полном объеме его мысли, читатель наблюдает за искренним пробуждением его «семейных чувств». Первоначально нейтральное третьеличное повествование включает оценку героя со стороны, а также – в меньшем объеме – эмоции и чувства самого героя. Повествователь расставляет своеобразные «иронические меты», сопровождающие образ главного героя: «Общего между майором и Осипом

---

³⁸⁸ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 369.

Иванычем была только лысина, хотя первый не старался скрывать этот чувствительный недостаток своей наружности и не зализывал на макушку жиденьких височков, как это делал по праздникам Осип Иваныч»³⁸⁹; «Осипа Иваныча, считавшего себя очень умным и начитанным человеком, всегда поражали подобные выходки майора...»³⁹⁰ и пр.

Осип Иванович переживает любовный всплеск, а случившуюся с ним в итоге ситуацию можно назвать ситуацией расплаты за «несвоевременность» жизни, отказ от нее раньше («Он с дней зеленой юности мечтал о своем семейном очаге, о кругленькой бабенке, о ребятишках»³⁹¹). То есть Маминым актуализируется тема упущенных возможностей, упущенной жизни. При этом в герое возникают совершенно новые чувства, противоречащие его былой установке относительно семьи: «Он чувствовал в себе ту блаженную полноту, которая делает людей истинно счастливыми, и удивлялся, как он раньше мог жить, не понимая смысла всей жизни»³⁹². Перемена в герое отражена повествователем и благодаря внешним характеристикам: первоначально нам явлен старичишка, *полиявшие глазки* которого слезятся, но смотрят пронизательно³⁹³, в минуту счастья Осипа Иваныча освещает и ослепляет внутренний свет³⁹⁴, в самые горькие моменты, когда он обнаруживает обман – он сидит с искаженным лицом и *блуждавшими глазами*³⁹⁵. Чем ближе финальная сцена, тем меньше становится поясняющих ремарок повествователя относительно внутреннего состояния Осипа Иваныча и тем больше увеличивается речевая активность героя. Повествователь дает комментарий в основном по поводу событийной части или углубляется в описание сопутствующей природной картины. Такая комментаторская позиция, скорее всего, и влечет за собой единичное

---

³⁸⁹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 346.

³⁹⁰ Там же. С. 346.

³⁹¹ Там же. С. 351.

³⁹² Там же. С. 363.

³⁹³ Там же. С. 347.

³⁹⁴ Там же. С. 363–364.

³⁹⁵ См.: Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 365.

появление формы «мы»: «Майор был добр, как *мы* уже говорили»³⁹⁶. Таким образом, с одной стороны, повествование в данном рассказе диалектично, диалектика изменений героя поддержана гибким повествованием, то есть активный повествовательный рисунок «раскрывает» героя, с другой – именно рассмотренный способ повествования готовит читателя к драматичной развязке.

Таким образом, маминский рассказ 1880-х гг. являет себя в разнообразных формах, аккумулирует различные способы повествования. Сюжетным центром в большинстве случаев становится некая кризисная ситуация, что, по мнению В. И. Тюпы, является жанровой особенностью рассказа в целом³⁹⁷. Причем выбранная Маминым повествовательная стратегия, во-первых, может служить средством объективизации повествования, когда повествователь в равной степени и сочувствует персонажам, и иронизирует по их поводу («На лету», «Осип Иванович» и др.), во-вторых, рассказчик может вести читателя к определенной назидательной притчевой («Гнездо пауков») или анекдотической («Приятное воспоминание», «Первая корреспонденция» и др.) концовке. В-третьих, сам герой-рассказчик может подвергать свой рассказ/воспоминания определенной степени новеллизации, выстраивая занимательный сюжет, который буквально «ведет» читателя-слушателя к завершающему пуанту («Между нами», «Старая дудка», «Блудливое место» и др.).

В рассмотренных рассказах насыщенность и сгущенность сюжета часто варьируется, более фрагментарным повествованиям сопутствует перволичная форма изложения материала, рассказам же, в которых предстает уже вполне законченная история, развивающаяся по авантюрно-занимательной логике, сопутствует форма изложения от третьего лица. Важно, что перволичная форма также может сосуществовать с установкой

---

³⁹⁶ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 368.

³⁹⁷ См.: Тюпа В. И. Нарративная стратегия притчи в литературной традиции // Притча в русской словесности: от Средневековья к современности. Новосибирск, 2014. С. 71.

«говорящего» сознания на ретроспективное повествование, тогда как в рассказах с третьеличной формой ретроспектива не является структурообразующим принципом, а всего лишь объясняет некоторое сложившееся положение персонажа прошедшими, былыми событиями.

3.2. Жанровое своеобразие повести-очерка

Жанровая палитра творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка в 1880-е гг. была довольно насыщенной. Поиск «своего» пути, разнообразие материала – все это способствовало тому, что данный период творчества уральского автора стал некой «лабораторией», где зрели новые или трансформировались старые жанры. Существующие жанровые каноны художник словно «разворачивал» в нужную ему сторону. Своеобразным примером такого «разворота» может служить жанр, условно названный нами вслед за И. А. Дергачевым «повестью-очерком». И. А. Дергачев отмечал, что произведения 1880–1883 гг. «имели много признаков очеркового жанра, но включались в общий ряд рассказов и повестей, характерных для восьмидесятых годов»³⁹⁸. Характеризуя такую жанровую направленность более конкретно, исследователь отмечает: «Все социальные группы пройдут здесь перед читателем, пропущенные через восприятие повествователя, местного человека...»³⁹⁹ (об «очерке “В горах”, развернувшимся в повесть»).

В общем смысле повесть – средний эпический жанр, где «основная тяжесть переносится нередко на статические компоненты произведения – положения, душевные состояния, пейзажи, описания и т. п. <...> единого сквозного действия нет, эпизоды нередко следуют друг за другом по принципу хроники»⁴⁰⁰. Существенным также оказывается «расширение

---

³⁹⁸ Дергачев И. А. В начале восьмидесятых. Послесловие // Мамин-Сибиряк Д. Н. Очерки и рассказы. Свердловск, 1980. С. 430.

³⁹⁹ Там же. С. 436.

⁴⁰⁰ Кожин В. В. Повесть // Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. С. 281.

многообразия мира» и «речевая стихия – голос автора или рассказчика»⁴⁰¹. Но «повесть также стремится к четко очерченному предмету повествования, к созданию цельной и единой образной системы»⁴⁰². Очерк же характеризуется «отсутствием быстро разрешающегося конфликта и большей развитостью описательного изображения»⁴⁰³. При этом стоит учесть, что «главным формально-отличительным признаком повести была в те годы ее протяженность – больше рассказа и меньше романа. Границы жанра были зыбки и нередко нарушались в процессе создания вещи»⁴⁰⁴. В этом смысле у Мамина-Сибиряка уже в 1880-е гг. можно найти достаточно протяженные произведения, причисляемые автором то к очерку, то к повести.

По мнению Г. К. Щенникова, «Д. Н. Мамин-Сибиряк вступил в литературу как романист и очеркист-рассказчик-автор “Приваловских миллионов”, “Горного гнезда”, “Жилки” и разнообразных “страничек” из жизни Урала. До конца 1880-х гг. он почти не писал повестей»⁴⁰⁵. Называя ряд маминских повестей рубежа 1880–1890-х гг., исследователь отмечает и важнейшую их черту – обращение «...не только к социальным коллизиям и типам, но и к индивидуальной человеческой судьбе, к проблемам этическим. <...> В центре маминских повестей драматическая, а иногда и трагическая история человека»⁴⁰⁶. Из произведений 1880-х гг. в названные критерии укладывается произведение «Максим Бенелявдов. *Повесть*» (1883). Однако кроме нее в наследии Мамина этого периода есть ряд обширных произведений, в определенной степени напоминающих повесть, при этом обширным «очерком» их назвать никак нельзя.

---

⁴⁰¹ Кожин В. В. Повесть // Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. С. 281.

⁴⁰² Кузьмин А. И. Повесть как жанр литературы. Москва, 1984. С. 8.

⁴⁰³ Поспелов Г. Н. Очерк // Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. С. 263.

⁴⁰⁴ Бессонов Б. Л. Повесть в переходной ситуации 1880-х годов // Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Ленинград, 1973. С. 508.

⁴⁰⁵ Щенников Г. К. Творческие открытия Д. Н. Мамина в повестях рубежа 1880–1890-х гг. // Русская повесть как форма времени. Томск, 2002. С. 227.

⁴⁰⁶ Там же. С. 227.

Сочетание жанровых показателей очерка и повести в некоторых произведениях Мамина-Сибиряка оказывается необходимым и вполне обоснованным, соответствует художественным задачам, которые автор преследует. Художественно-публицистический гибрид позволял в свободной форме, в небольшом объеме ввести «злободневную статейность». Маминская «повесть-очерк» явилась довольно обширным произведением, где с миром героев соседствует привлечение исторического плана, описание тех реалий жизни, которые автор считает необходимым осветить для объективизации представленной картины. Основной колорит повести-очерка всё же беллетристический, так как перед нами чаще всего хронологически выстроенный и продуманный сюжет, а не набор очерковых зарисовок что называется «по случаю», рельефно выступает именно мир героев, а не случайных знакомцев, с которыми встречается повествователь, однако роль этого самого повествователя по-прежнему оказывается центральной. С очерком данный тип произведений сближает наличие информативных исторических и статистических отступлений, играющих роль не фоновых, но конструктивных элементов произведения: как было показано в предшествующей главе, эта особенность повествования определяет многие жанры малой прозы Мамина рассматриваемого периода. С одной стороны, в них присутствует довольно четко сформированная сюжетная линия (это не ряд очерковых зарисовок, ассоциативно скрепленных), в них также присутствует (в большей или меньшей степени) внимание к индивидуальной судьбе с ее хитросплетениями, но не ослабевает и внимание к факту, внимание к «внешней» жизни, на фоне которой развивается жизнь частная.

К повести-очерку мы относим следующие произведения Мамина-Сибиряка 1880-х гг.: «Сестры. *Очерк из жизни Среднего Урала*» (1881), «Все мы хлеб едим. *Из жизни на Урале*» (1882), «В горах (Старатели). *Очерк из уральской жизни*» (1883).

В указанном ряду особенно выделяется первый текст – «Все мы хлеб едим». Жанровая неопределенность, «необыденность» этого текста

объясняется во многом генетически – произведение изначально входило в состав рукописи романа «Приваловские миллионы». Печаталась оно в разных вариантах – впервые под заголовком «Неудача. Из путевых заметок», затем в переработанном и в основном сокращенном виде появилось в 1898 г. в составе сборника «В глуши». В первой редакции в центре повести – «проблема предпринимательского ажиотажа», а «поведение учителя “севшего на землю”, оценивается пока лишь с позиции о. Михея как “неудача”, как неверный выбор молодым человеком своего жизненного пути во время, когда так легко разбогатеть»⁴⁰⁷. Произведение в итоговой редакции открывается разговором рассказчика и его приятеля Павла Ивановича Сарафанова, который в буквальном смысле уговаривает съездить собеседника в Шатрово «в болотину за дупелями»⁴⁰⁸. Рассказчик при этом сам признается читателю, что этот приятель для него «имел интерес как живая история и география N-ского уезда: он знал всех наперечет и пешком, с ружьем за плечами исходил его вдоль и поперек»⁴⁰⁹. Город, из которого выезжают «охотники», последовательно замалчивается рассказчиком, прячется за привычным обозначением «N», но проницательный читатель понимает, что речь идет о Екатеринбурге⁴¹⁰.

Читатель как будто подготавливается к привычному сюжету художественного охотничьего очерка, известного в русской литературе со времен Тургенева и Аксакова, – представлена пара охотников, поездка обещает быть интересной за счет нового географического знания о

---

⁴⁰⁷ Щенников Г. К. Примечания // Д. Н. Мамин-Сибиряк Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 906.

⁴⁰⁸ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 579.

⁴⁰⁹ Там же. С. 581.

⁴¹⁰ Среди основных жителей и работников N* Сарафанов называет заводчиков, золотопромышленников, горных инженеров, а далее сам рассказчик, описывая местность на выезде из N*, отмечает, что «в стороне дороги, по утопанным тропинкам тянулись вереницы богомолок, спешивших в Екатеринбург к Тихвинской» (С. 583), местечко Шатрово рассказчик относит к Сибирскому месту (С. 585). В ранней редакции город называется прямо (Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 818).

конкретном месте, однако по мере сюжетного развития из такого начала вырастает произведение совсем иного рода.

Прибыв на место, рассказчик со своим знакомцем Сарафановым устраивается на постой в одной из изб местного священника о. Михея. Собственно охота на этом и заканчивается, так как в поле интереса рассказчика попадает семья батюшки, а также непростые взаимоотношения жителей деревни. Сам автор причислял данное произведение к вещам, рисующим «быт уральского духовенства»⁴¹¹, и таких произведений у Мамина много. Рассказчик открыто заявляет о своих симпатиях к сыну о. Михея – Лекандре, учителю, который арендует у отца землю и сам ее обрабатывает. Являясь полноценным участником событий, рассказчик фиксирует жизнь Шатрова, но не избегает и оценки других участников событий, что напоминает нам очерковое повествование с ярко выраженной субъективностью описаний и оценок автора-повествователя. «Нигилист» Лекандра, как зовет его отец, действительно представляется фигурой незаурядной – его взгляды современны, а воплощение его воззрений в жизнь в условиях сибирской деревни вызывает искренний интерес приехавших горожан. К слову, во всей повести довольно сильна оппозиция «город – деревня». Например, учитель спрашивает приезжих:

– Скверно теперь у вас в городе?

– Как всегда.

– Одного не могу понять: зачем это люди лезут в эти города. Ей-богу!

<...>⁴¹².

Такая позиция естественна для человека его взглядов: учитель исповедует идеи «опрощения», популярные в сознании русской интеллигенции в 1880-е гг., но с таким же недоверием относятся к городскому укладу отец и мать «нигилиста». Интересно, что самим рассказчиком поездка в деревню первоначально воспринимается как поездка

---

⁴¹¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. Свердловск, 1955. С. 432.

⁴¹² Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 591.

в некий идеальный гармоничный природный мир, где его встречает свежесть утра, запах высохшего на солнце сена, купание в чистой воде и пр. Однако после нескольких дней пребывания на месте он, наконец, выносит свой вердикт, открыто заявляет свою позицию: «Мечты о деревенском воздухе, о наслаждении природой, о равновесии элементов так и остались мечтами <...> современная деревня представляет арену ожесточенной борьбы, на которой сталкиваются самые противоположные элементы, стремления, инстинкты. Перестройка этой, если позволено так выразиться, классической деревни <...> совершается на наших глазах <...> Центр тяжести, искусственно привязанный нашей историей к жизни городов, сам собой переместился в деревню»⁴¹³. Такой очерковый «прорыв» в духе Г. Успенского вряд ли был бы уместен в классической повести. Вывод рассказчика по отношению к сюжетному развитию носит предварительный характер и очевидно совпадает со взглядами автора. Обобщение рассказчика представляет собой вторичную рефлексию, привлекается исторический контекст существования деревни как «устройства общинного», «патриархального», что, по его мнению, совершенно не соответствует современной действительности. Подтверждает рассказчик свой тезис и устами других героев, например, далее следует такая фраза о Михея: «Не-ет, батенька, не те времена, чтобы лежать на боку да плевать в потолок. Перестраиваемся, голубчик, перестраиваемся... Послушай-ка, что мужички-то калякают <...> Умственный мужик пошел. Все сам хочет знать...»⁴¹⁴

Рассказчик в самом начале говорит о том, что он проникся интересами и злобами дня этой деревни, но показывает он эти интересы и злобы не как посторонний путешественник, странствующий «по своей» или «казенной» надобности, напротив, он как будто заглядывает (не без помощи своего «проводника-гида» Сарафанова) внутрь этого деревенского мира. Такое «погружение» становится возможным именно благодаря сюжетному,

---

⁴¹³ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 601.

⁴¹⁴ Там же. С. 601.

конфликтному функционалу повести как жанра. Значительную роль здесь играют традиционные для повести подробные описания героев, с оттенком психологических характеристик, углубляющих читательское представление о герое, который за счет этого вырастает до типа. Например, такая характеристика дается даже не центральному персонажу: «Рассказ был увлекающаяся, поэтическая натура, растворявшаяся в настоящем. Все, что он ни делал, было результатом порывистого желания немедленно осуществить свою мысль <...> К людям он относился доверчиво и с первого разу любил или ненавидел...»⁴¹⁵

В повести явлена череда естественных ситуаций – несколько дней из жизни деревни. Предварительно сообщаемые рассказчиком сведения уже указывают на конфликтность сосуществования ее жителей. Сам рассказчик не сразу разбирается во всех тонкостях их взаимоотношений. Лекандре, вызвавшему симпатии рассказчика, как оказывается, «мешает упроститься» чувство к дочери своего идеологического оппонента-капитана Гордей Федотыч – Тонечке, образованной хрупкой девушке, которая, по мнению Лекандры, просто не сможет вести его хозяйство, выполнять всю бытовую работу.

Капитан Гордей Федотыч и его дочь Тонечка – немаловажные фигуры в повествовании. Капитан с помощью сметливости и определенной доли хитрости буквально вынудил крестьян деревни арендовать у него землю по завышенной цене, помимо этого он собирает пошлину за пользование его лесом и пр. Такое положение вещей, естественно, не устраивает обитателей деревни, считающих, что «капитан действительно пустил с сумой половину Шатрова»⁴¹⁶, основным же противником капитана становится Лекандра. Столкновение реальных сил – капитана-предпринимателя и приближенного к народу и его интересам учителя – рождает указанную конфликтность. Более того, происходит еще и своеобразное «удвоение» конфликта, который

---

⁴¹⁵ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 602.

⁴¹⁶ Там же. С. 605.

разворачивается не только между героями, но и внутри героя, имеет психологическую природу (чувство к Тонечке и понимание ее идейной «чуждости»). Каким образом Лекандра принимает мучительное решение – жениться на Тонечке, рассказчик умалчивает, так как он просто уезжает из Шатрова, что не позволило ему показать весь дальнейший ход событий.

Практически самостоятельной частью текста становится так называемая «история с башкирами», о которой рассказывает (а затем и принимает участие в ее продолжении) Сарафанов. Расширение исторического плана происходит за счет вставного повествования о деле ирнабаевских и кулумбаевских башкир с Локтевскими заводами. Развязку этой истории рассказчик узнает уже позже, по прошествии нескольких месяцев: Сарафанов помогал решать вопрос размежевания башкирской деревни с помещичьей землей, однако из этого предприятия у него ничего не вышло, потому как башкиры на мировую не пошли, а затем и вовсе украли лошадь «помощника». Такая вставная история, на первый взгляд не связанная с основной линией повествования, на самом деле расширяет повествовательный план: ее тематика злободневна, а способ изложения вполне художественный. В финале именно из уст того же Сарафанова мы узнаем и историю с башкирами, и краткий «протокол» событий, произошедших в Шатрово. Рассказчик, которого более всех волнует судьба «нигилиста», узнает, что тот женился на Тонечке, отказался от ее приданого, что капитана, естественно, только порадовало.

Таким образом, мы видим, что смешение двух жанровых начал в повести-очерке происходит гармонично, так как этому способствует выбранный художником материал и его нескрываемый интерес к нему. В поле авторского зрения попадает некий «срез» жизни отдельной деревни, где значимо все – буквально все аспекты жизни. Вот почему в данном произведении можно найти и изображение социального конфликта, иллюстрирующего при этом бедственное положение современной деревни; здесь же автором дана проблема появления в деревне «нового человека»,

выходца из этих же мест и социальных слоев; наконец, здесь же представлен, хотя и кратко, внутренний конфликт героя, важный для него момент выбора и самоопределения. Отдельной темой, намеченной пунктиром, проходит волнующая Мамина тема жизни «наших инородцев». Такое многообразие затронутых тем, полнота их представления в сочетании со злободневными вопросами современности определили в итоге смежность, синтетичность жанра.

Более развернутый вариант повести-очерка, с учетом жанрового метатекста претендующий на всестороннее освещение уральской жизни, – «Сестры. Очерк из жизни Среднего Урала»⁴¹⁷. Рассказчик вспоминает о своем достаточно длительном пребывании в Пеньковском заводе, говорит он и о цели своей поездки: «Цель моей командировки заключалась главным образом в том, чтобы выяснить те новые условия, которые в заводском хозяйстве заменили порядки крепостного права <...> [выяснить] какие темные и светлые стороны были созданы реформами последних лет в положении рабочего люда, в его образе жизни, образовании, нравственном и физическом состоянии»⁴¹⁸. Сама формулировка цели рассказчика носит научно-познавательный характер, допустимый скорее в «статье», в жанре очерка, но никак не в беллетристическом произведении. Однако ретроспективный взгляд выступает своеобразным преддверием и схемой для развертывания эпического сюжета. Причем взгляд этот удваивается, так как в повествование включен отрезок-воспоминание о студенческих годах рассказчика и его товарища, Епинета Мухоедова, который ныне, во время их новой встречи, служит на заводах.

---

⁴¹⁷ В 1884 году в журнале «Дело» был напечатано произведение «Авва. Очерк», где присутствовали идентичные герои, но была укрупнена линия взаимоотношений между священниками. По объему текст намного меньше «Сестер», как таковые пояснительные и конкретизирующие вставки рассказчика отсутствуют, финал открыт. Позже очерк был включен Маминным в цикл «Сибирские рассказы».

⁴¹⁸ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 480.

В повести-очерке «Сестры», достаточно объемном и содержащем развернутую сюжетную линию, вместе с детальными воспроизведениями уклада заводской жизни представлены и обобщающие комментарии. Если в предыдущем произведении, рассмотренном нами, наблюдается попытка обобщить, нейтрализовать географическую конкретику (N-кий уезд, город N и т. п.), то в «Сестрах» рассказчик с первых страниц говорит о том, что поездка его связана с Уралом, характеризует количество заводов Кайгородова⁴¹⁹, его «бесхозяйственное» к ним отношение (у Мамина этот «злой» вопрос освещен особенно в публицистических очерках – см. «Один из анекдотических людей» и пр.). Данное «статейное» вступление опять же может быть воспринято читателем как зачин краеведческого очерка с представлением неперемного анализа статистических и экономических показателей выбранного завода (сам рассказчик замечает, что такая обширная задача «должна была осуществиться в бесконечных рядах цифр»⁴²⁰). Однако рассказчика больше интересует колорит местной жизни, а не сухие цифры (если цифры и присутствуют, то в ненавязчивой форме – например, автор дает сноску к сведениям о ценах на муку, о которых толкует одна из обитательниц заводского поселения – Галактионовна⁴²¹, или, говоря о результатах своей работы, констатирует, что «смертность жителей Пеньковки всех возрастов – ужасающая»⁴²²). Сюжет представляет собой ряд картин жизни представителей различных сословий: Епинет Мухоедов, бывший студент, нынче – служащий на заводе Кайгородова; Фатевна и ее дочери – жители заводского поселения, у них квартирует Мухоедов; о. Егор, о. Андроник, дьячок Асклиподот, заводские работники – в том числе

---

⁴¹⁹ За именем Кайгородова здесь угадывается имя Демидова (Дергачев И. А. В начале восьмидесятых. Послесловие // Мамин-Сибиряк Д. Н. Очерки и рассказы. Свердловск, 1980. С. 431).

⁴²⁰ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 480.

⁴²¹ Здесь имеет место быть именно *авторское* примечание, призванное актуализировать информацию: «Эти цены стояли до проведения Уральской железной дороги, а теперь в Пеньковке пуд ржаной муки стоит 1 р. 30 к.» (Примеч. Д. Н. Мамина-Сибиряка). – См.: Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 516.

⁴²² Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 552.

собственно «Сестры» – плотинный и уставщик, управитель заводов немец Муфель, прозванный «Слава богу»; «самородок», инженер Гаврило Степаныч с женой Александрой Васильевной – люди идейные, образованные. В данном произведении наличествуют персонажи, встречающиеся затем в художественно-документальном очерке «Блажные» (1885). Они схожи по положению, имени, одинаково охарактеризованы: Борька и Яша в обоих произведениях изъясняются схожими фразами и называют всех рабочих завода «Иванычами».

На заводе не всё гладко: каждую неделю рабочих по недосмотру начальства калечит машинами, а жажда наживы и со стороны начальства (например, сами «сестры»), и со стороны рабочих (например, плутоватый Елизарка) известна и представителям нового духовенства, и Мухоедову, и Гаврило Степанычу, однако у них нет желания или сил (в случае Мухоедова – нет характера), чтобы предпринимать какие-то меры. Гаврило Степаныч выражает по этому поводу позицию, согласующуюся с позицией самого рассказчика: «Кутило и мот губит такие отличные заводы на Урале, а сам шатается по Европе да удивляет всех своими безобразиями...»⁴²³ [о нерадивости хозяйствования Кайгородова]. Довольно длинный пассаж Гаврило Степаныча затрагивает действительно проблемные вопросы региона – неэффективного использования природных ресурсов, увеличения «лестницы» управляющих немцев при заводах и пр. Эти же вопросы занимали в то время и самого Мамина (см. публицистику). Течение сложившейся, хотя и неидеальной заводской жизни нарушается убийством Гаврило Степаныча. О том, что организовали убийство «сестры», сам рассказчик узнает через год, во время очередного приезда в Пеньковку.

Сюжет, состоящий из последовательной смены сцен, за счет детективного начала приобретает интригу, остроту. Своеобразную интригу составляет также изменение в поведении Мухоедова по отношению к

---

⁴²³ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 550.

рассказчику: будучи предупрежденным о намерениях Фатевны женить на нем свою дочь Глашку, Епинет Петрович поначалу отрицает даже самую такую возможность. Но по воле случая именно так все и происходит, что еще раз доказывает безвольность, бесхарактерность персонажа, который, обладая умом и проницательностью, прекрасно понимает, что творится на заводах, но исправлять ситуацию так и не берется. В финале Мухоедов говорит следующее: «Теперь моя песенка спета, влетел по уши, так я решил про себя, что уж если не умел обустроить собственную жизнь, так буду жить для других. Помнишь Гаврилу? Вот и пойду по его дорожке...»⁴²⁴ Мухоедов собирается помогать жене Гаврилы Степаныча в поддержании школы, которую она содержит. Однако увидеть героя в действии мы не имеем возможности: финал открыт. Такая открытость лишней раз доказывает, что жанр повести не до конца выдержан автором. Здесь уместно привести в пример произведения, которые носят авторский жанровый подзаголовок «повесть» – «Максим Бенелявдов» (1883) и «Кисейная барышня» (1889), где финалы вполне определены и даже предсказуемы. Это именно повести в полном смысле слова, в них полностью отсутствуют очерковые вставки, сюжет более развит⁴²⁵.

Таким образом, основными чертами неканонического жанра повести-очерка становится сочетание фикциональности, то есть вымысла (главным образом это вымышленные герои, хотя и могущие иметь прототипов), с определенной долей документальности повествования, в том числе с «...точной передачей географических названий, мест, имен, деталей»⁴²⁶. При этом, будучи жанром гибридным, так сказать, «наследующим» черты обоих самостоятельных жанров, вынесенных в название, повесть-очерк в своей

---

⁴²⁴ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 577.

⁴²⁵ В этом смысле повесть-очерк можно назвать оригинальным маминским жанром в основном 1880-х гг. В 1890-е гг. и далее в его прозе находим уже повести «классические» (См.: Щенников Г. К. Творческие открытия Д. Н. Мамина в повестях рубежа 1880–1890-х гг. // Русская повесть как форма времени. Томск, 2002. С. 227–237).

⁴²⁶ Созина Е. К. Автобиографическая проза Д. Н. Мамина-Сибиряка (некоторые заметки) // Лицо и стиль. Екатеринбург, 2009. С. 132.

основе всё же описательна, поскольку описательность – то общее, что роднит очерк с повестью, что позволяет им накладываться друг на друга без жанровой и художественной противоречивости. Описательности, предельной детализации подвергаются как сами герои, так и окружающий их мир, а равно обширный исторический план, в который углубляется рассказчик (и автор), но который не может быть введен иначе, как через повествовательное начало.

Наконец, укажем еще на одну важную особенность маминских повестей-очерков. В произведениях рассматриваемого жанра прослеживается своего рода «монтажный» принцип композиции: ряд картин из жизни разных обитателей одного места соединяется друг с другом. Во «Все мы хлеб едим» это картины жизни обитателей деревни Шатрово, в «Сестрах» – Пеньковского завода. Повесть-очерк оказывается родственна циклу очерков – в отличие от, говоря условно, «классической» маминской повести («Максим Бенелявдов. *Повесть*» (1883), «Нужно поощрять искусство. *Повесть*» (1887), «Кисейная барышня. *Повесть*» (1889), «Буянка. *Повесть*» (1890) и др.). Этот последний, более «канонический» вариант повести родственен рассказу, тогда как повесть-очерк, с одной стороны, реализует тот же круг проблем, что и художественно-документальные жанры, но делает это уже не посредством фиксации и авторского описания, а через построение развернутой системы художественных образов героев, развитие сюжета с неминуемой художественной детализацией, нередкими «боковыми» ходами и ответвлениями, так свойственными самой жизни.

Заключение

Фигура Д. Н. Мамина-Сибиряка – крупнейшего уральского писателя – остается столь же значительной в истории русского реализма и в истории региональной литературы, сколь и малоизученной. Замысел данной работы определялся стремлением дать целостное представление о важнейшем периоде творчества писателя, когда закладывались основы его художественного мастерства и Мамин-Сибиряк начинал входить в «большую» литературу. Анализ и интерпретация прозаического наследия Мамина-Сибиряка 1880-х гг. осуществлялась нами в свете теории повествования, на базе жанрового подхода к художественному произведению. Таким образом, в диссертации предложено решение проблемы определения способов повествования в малой прозе Мамина-Сибиряка 1880-х гг.

Произведения рассматриваемого периода сыграли большую роль в становлении Мамина как писателя, автора романов, каким он и известен большинству читателей. Именно в 1880-е гг. (начиная со «второго дебюта») Мамин начинает «завоевывать» себе имя в большой литературе, его принимают критики, его произведения печатаются в толстых журналах.

Как показало наше исследование, именно малые жанры являют собой поле наиболее яркого, концентрированного выражения повторяющихся особенностей повествовательного рисунка, который закрепился в творчестве Мамина и далее прочерчивался лишь глубже и сильнее. К их числу традиционно относятся рассказ, очерк, новелла, иногда сюда попадает и «средний» жанр – повесть. Многие исследователи литературы конца XIX в. отмечали, что реальная художественная продукция редко укладывалась в эти жанровые формы, в самом литературном процессе возникала масса

промежуточных, смежных, нередко маргинальных жанров. Мамин-Сибиряк не был здесь исключением.

Именно поэтому произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. рассмотрены в диссертационном исследовании в свете современной теории повествования с целью определения их видовой и жанровой специфики. С опорой на ряд современных концепций и с учетом природы маминских текстов была определена совокупность компонентов (аспектов) повествования, позволяющих выделить основные направления нарративной организации в произведениях уральского автора данного периода.

С учетом авторской установки на домысливание или художественный вымысел, определяющей читательское восприятие, произведения, относящиеся к малой прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг., разделены нами на две крупные видовые группы: художественно-документальные и художественно-беллетристические. Первая группа представлена жанровыми формами очерка-травелога и его «маргинальными» разновидностями, а также очерками/статьями с публицистической окраской; ко второй группе относится жанр рассказа и гибридный жанр повести-очерка. Эти жанровые формы определяются на основании сюжетных особенностей; степени художественной завершенности; композиционной специфики; позиции повествователя/рассказчика в каждом из рассмотренных произведений.

Проведенное исследование позволяет идентифицировать каждую выделенную жанровую форму документальной и беллетристической разновидностей на основании этих аспектов.

В рамках документальной разновидности жанр очерка-травелога выделяется на основании сюжета путешествия – «текучего», соответствующего маршруту путешествующего, предполагающего массу случайных встреч и открытий нового знания. Такое сюжетное строение позволяет органично вплетать в ткань очерка различный обширный

материал: статистический, исторический, публицистический, краеведческо-этнографический. Отсюда композиционная растянутость, монтажность, принципиальная незавершенность очерка-травелога: автор-повествователь ставит целью описать не сам маршрут (который может иметь конечную точку), а местность, людей, историю края. Отсюда же выбор формы повествования – от первого лица, то есть от лица самого путешественника, документалиста, близкого описываемой среде, но всегда неслиянного с нею.

Сюжетные особенности травелога позволяют ему становиться «сеткой», куда вплетаются черты публицистики. Поэтому в травел-произведениях Мамина-Сибиряка мы выделили особую жанровую модификацию, условно наименовав ее «травелог с публицистическим началом» («По Зауралью», «Старая Пермь», «Самоцветы» и др.). В ней сохраняются все перечисленные повествовательные особенности, однако возрастание доли публицистических «отступлений» влечет за собой появление специфической формы повествования – «мы-публицистическое».

В пределах художественно-документальной разновидности проанализирована собственно публицистика в творчестве Мамина 1880-х гг. Статьи, отнесенные к этой жанровой форме, представляют собой авторские размышления на выбранную тему («Значение минерального топлива для Урала», «Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка в Екатеринбурге» и др.), в отличие от очерка-травелога они бессюжетны, композиционно завершены и написаны с использованием формы «мы-публицистическое» (последняя черта как раз и роднит публицистические статьи и публицистическую модификацию очерка-травелога). К публицистике примыкают и некрологи, написанные Маминым («Михаил Викторович Малахов», «Доброе слово», «Павел Михайлович Вологодский», «А. Н. Шишонко»). В контексте творчества Мамина-Сибиряка этот жанр рассмотрен в нашей работе впервые.

Среди художественно-беллетристических произведений, отличающихся от произведений художественно-документальной разновидности установкой на вымысел, также выделяются две жанровые формы: рассказ и повесть-очерк.

И рассказы, и повести-очерки Мамина-Сибиряка 1880-х гг. отличаются развернутым, наполненным событиями сюжетом, наличием большого количества персонажей, что в совокупности создает автономный художественный мир произведений. Произведения и той, и другой жанровой формы тяготеют к композиционной завершенности, их финал чаще всего определен, получают внутрисюжетную окончательность судьбы героев, однако повесть-очерк («Все мы хлеб едим», «Сёстры» и др.) отличается композиционной монтажностью, в то время как в рассказе, для которого важна сосредоточенность на судьбе одного персонажа и линейная композиция, эта черта нехарактерна. Организующим приемом в композиции некоторых рассказов («Между нами», «Приятное воспоминание» и др.) становится ретроспективное повествование. Выработанная форма рассказа в дальнейшем творчестве Мамина сохраняется и совершенствуется, например, рассказ 1890-х гг., становится глубже и лапидарнее.

Форма повествования от первого лица и другие очерковые черты в определенном смысле сближают повесть-очерк с некоторыми документальными жанрами, в частности с художественно-публицистическим очерком. Повесть-очерк может рассматриваться как своеобразный прообраз романной формы у Мамина-Сибиряка: в романах Мамина уральского цикла вводятся отступления, касающиеся экономического, социального положения края.

Итак, выявленная совокупность компонентов повествования позволяет выявить и доказать на системных основаниях жанровую принадлежность произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг.

Жанровая идентификация по тем же компонентам может осуществляться и применительно к произведениям уральского писателя следующих периодов. Вероятно, для более крупных произведений совокупность компонентов, позволяющая описать их повествовательную структуру, будет меняться в зависимости от их повествовательной специфики. Определение этой совокупности для каждого из этапов творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка, прослеживание жанровой эволюции крупнейшего уральского художника, «певца Урала», на основании повествовательного рисунка его произведений и составляет перспективу исследования.

Список использованной литературы

1. Источники

1.1. Собрания сочинений и отдельные издания Д. Н. Мамина-Сибиряка

1. Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. : в 12 т. / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – Петроград : Изд. Т-ва А. Ф. Маркс, 1915–1917.
2. Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. : в 20 т. Т. 1–5 / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002–2011.
3. Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. : в 12 т. / Д. Н. Мамин-Сибиряк ; под ред. и коммент. Е. Боголюбова. – Свердловск : Облгиз, 1948–1951.
4. Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. : в 8 т. / Д. Н. Мамин-Сибиряк ; под ред. и коммент. Е. Боголюбова. – Москва : Гослитиздат, 1953–1955.
5. Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. : в 2 т. / Д. Н. Мамин-Сибиряк ; сост. и коммент. Е. Н. Евстафьевой. – Москва : Русская книга, 1999.
6. Мамин-Сибиряк Д. Н. Повесть и рассказы / Д. Н. Мамин-Сибиряк ; [предисл., сост. и прим. Л. Г. Барага]. – Уфа : Башкирск. кн. изд-во, 1978. – 320 с.
7. Мамин-Сибиряк Д. Н. Статьи и очерки / Д. Н. Мамин-Сибиряк ; [сост. и предисл. А. Ладейщикова]. – Свердловск : Свердловгиз, 1947. – 408 с.

1.2. Публикации Д. Н. Мамина-Сибиряка в периодических изданиях

8. М-ин Д. Переводчица на приисках. Рассказ из жизни на Урале / Д. М-ин // Вестник Европы. – 1883. – № 4. – С. 449–500.
9. Д. [N. N.] Сибирско-уральская научно-промышленная выставка в Екатеринбурге / NN [Д. Мамин-Сибиряк под псевд.] // Екатеринбургская неделя. – 1886. – № 39. – С. 636–637; № 40. – С. 654–655; № 41. – С. 670–672; № 42. – С. 689–690; № 43. – С. 703–704.

10. Сибиряк Д. На рубеже Азии / Д. [Мамин-]Сибиряк // Устой. – 1882. – № 3/4. – С. 1–51; № 5. – С. 1–56.
11. Сибиряк Д. Все мы хлеб едим (Из жизни на Урале) / Д. [Мамин-]Сибиряк // Дело. – 1882. – № 5. – С. 1–56.
12. Сибиряк Д. Золотуха. Очерки приисковой жизни / Д. [Мамин-]Сибиряк // Отечественные записки. – 1883. – № 2. – С. 289–362.
13. Сибиряк Д. Бойцы. Очерки весеннего сплава по реке Чусовой / Д. [Мамин-]Сибиряк // Отечественные записки. – 1883. – № 7/8. – С. 5–70.
14. Сибиряк Д. Золотая ночь (Из рассказов о золоте) / Д. [Мамин-]Сибиряк // Наблюдатель. – 1884. – № 10. – С. 3–46.
15. Сибиряк Д. Гроза (Из охотн. рассказов) / Д. [Мамин-]Сибиряк // Наблюдатель. – 1885. – № 12. – С. 5–28.
16. Сибиряк Д. Михаил Викторович Малахов (некролог) / Д. [Мамин-]Сибиряк // Волжский вестник. – 1885. – № 33. – С. 2–3.
17. Сибиряк Д. Гнездо пауков. Рассказ / Д. [Мамин-]Сибиряк // Наблюдатель. – 1886. – № 11. – С. 5–16.
18. Сибиряк Д. Отравы (очерк) / Д. [Мамин-]Сибиряк // Русская мысль. – 1887. – № 11. – С. 1–35.
19. Сибиряк Д. Кисейная барышня. Повесть / Д. [Мамин-]Сибиряк // Наблюдатель. – 1889. – № 11. – С. 5–36.
20. Мамин-Сибиряк Д. Н. По Зауралью. Путевые заметки / Д. Н. Мамин-Сибиряк ; [редкол. В. Г. Сержантов (отв. ред.), В. Р. Гравишкис, К. П. Кузнецова и др.] // Южный Урал : литературно-художественный альманах. – 1952. – № 8/9. – С. 17–87.
21. Н. Н. Значение минерального топлива для Урала / NN [Д. Мамин-Сибиряк под псевд.] // Екатеринбургская неделя. – 1886. – № 38. – С. 620–622.

2. Научная литература

22. А. Б. Критические заметки / А. Б. // Мир Божий. – 1895. – № 4. – С. 257.
23. Абашев В. В. Геопоэтический взгляд на историю литературы Урала / В. В. Абашев // Литература Урала: история и современность : сб. ст. / РАН, Урал. отд-ние, Ин-т истории и археологии ; Объединенный музей писателей Урала ; [отв. ред. Е. К. Созина]. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 1. – С. 17–41.
24. Акелькина Е. А. «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского: формирование поэтики очеркового повествования (1840–1860-е годы) / Е. А. Акелькина. – Омск : ОГИ, 2007. – 139 с.
25. Алексеева Т. А. Поэтика повествования в рассказах Н. С. Лескова : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Алексеева ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва : [б. и.], 1996. – 15 с.
26. Алпатова Т. А. Проза Н. М. Карамзина: поэтика повествования / Т. А. Алпатова. – Москва : Изд-во МГОУ, 2012. – 558 с.
27. Алтыбаев А. А. Трансформация фразеологизмов как стилистический прием в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Алтыбаев ; Ташкент. гос. ун-т. – Ташкент : [б. и.], 1977. – 21 с.
28. Альбов В. Капиталистический процесс в изображении Мамина-Сибиряка : (критический очерк) / В. Альбов // Мир Божий. – 1900. – № 1. – С. 112–135; № 2. – С. 62–94.
29. Ан. Библиография по журналам / Ан. // Русская мысль. – 1884. – № 11. – С. 21–22.
30. Андреевич [Соловьев] Е. Очерки текущей русской литературы / [Е. С. Соловьев-Андреевич] // Жизнь. – 1900. – № 12. – С. 326–332.
31. Аничков Е. Мамин-Сибиряк (Критический очерк) / Е. Аничков // Мир Божий. – 1905. – № 10. – С. 216–237.

32. Атарова К. Н. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе / К. Н. Атарова, Г. А. Лескис // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1976. – Т. 35, № 4. – С. 345–347.
33. Атарова К. Н. Семантика и структура повествования от третьего лица в художественной прозе / К. Н. Атарова, Г. А. Лескис // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1980. – Т. 39, № 1. – С. 33–46.
34. Б. Библиография по журналам / Б. // Русская мысль. – 1884. – № 11. – С. 16.
35. Бальбуров Э. А. Мотив и канон / Э. А. Бальбуров // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы: Сюжет и мотив в контексте традиции / под ред. Е. К. Ромодановской. – Новосибирск, 1998. – Вып. 2. – С. 6–20.
36. Банах И. В. Структура повествования в жанре путешествия (на материале русской литературы конца XVIII – первой трети XIX вв.) : монография / И. В. Банах. – Гродно : ГрГУ, 2005. – 131 с.
37. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1972. – 468 с.
38. Бахтин М. М. Слово в романе / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1975. – С. 72–233.
39. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; сост. С. Г. Бочаров. – Москва, 1979. – С. 7–180.
40. Бессонов Б. Л. Повесть в переходной ситуации 1880-х годов / Б. Л. Бессонов // Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра / под ред. Б. С. Мейлаха. – Ленинград, 1973. – С. 485–508.
41. Библиографический отдел // Русская мысль. – 1888. – № 6. – С. 277.
42. Библиографический отдел // Русская мысль. – 1888. – № 11. – С. 519.

43. Библиографический отдел // Русская мысль. – 1894. – № 4. – С. 219–220; 223–225.
44. Библиографический отдел // Русская мысль. – 1895. – № 1. – С. 1–2.
45. Библиографический отдел // Мир Божий. – 1895. – № 6. – С. 1–4.
46. Библиографический отдел // Русская мысль. – 1895. – № 10. – С. 483–485.
47. Библиографический отдел // Мир Божий. – 1895. – № 11. – С. 1–3.
48. Библиографический отдел // Русская школа. – 1895. – № 11. – С. 180–181.
49. Библиографический отдел // Русская школа. – 1897. – № 12. – С. 264–265.
50. Библиографический указатель работ о Д. Н. Мамине-Сибиряке (1977–2012) / [сост. Т. А. Арсенова] // Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения / под общ. ред. [и с предисл.] О. В. Зырянова. – Екатеринбург, 2013. – С. 448–471.
51. Библиография. Литература и книги для народа // Северный вестник. – 1897. – № 5. – С. 25.
52. Библиография в обзорах журналов (Вестник Европы) // Русская мысль. – 1884. – № 10. – С. 6–8.
53. Боголюбов Е. А. Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка : [в 4 вып.] / Е. А. Боголюбов. – Молотов : тип. обл. изд-ва газ. «Звезда», 1944.
54. Боголюбов Е. А. Комментарии / Е. А. Боголюбов // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. : в 12 т. Т. 12 / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – Свердловск, 1951. – С. 361–375.
55. Боголюбов К. Обличитель эпохи рабства. К двадцатилетию со дня смерти Мамина-Сибиряка / К. Боголюбов // За Магнитострой литературы. – 1932. – № 17 (5 дек.).
56. Боголюбов К. В. Певец Урала : очерки жизни и творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка. – Свердловск : Свердлгиз, 1939. – 144 с.

57. Быков П. В. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Критико-биографический очерк / [П. В. Быков] // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. : в 12 т. Т. 1. / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – Петроград, 1915. – С. III–XXXII.
58. Бялый Г. А. Русский реализм конца XIX века / Г. А. Бялый. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – 168 с.
59. Вантенков И. П. Структура повествования в рассказах И. А. Бунина (1890–1916 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. П. Вантенков ; Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск : [б. и.], 1975. – 25 с.
60. Виноградов В. В. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1959. – 656 с.
61. Волохова Е. С. Поэтика акториального повествования (роман М. Каннигема «Часы») : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Волохова ; Нижегородск. гос. пед. ун-т. – Нижний Новгород : [б. и.], 2005. – 21 с.
62. Воробьева М. С. Повествовательная система в романах И. А. Гончарова : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. С. Воробьева ; [Нижегор. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского]. – Нижний Новгород : [б. и.], 2005. – 25 с.
63. Галимова Е. Ш. Поэтика повествования русской прозы XX века (1917–1985) : учеб. пособие / Е. Ш. Галимова. – Архангельск : Поморск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2002. – 232 с.
64. Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм: Эпос. Лирика. Театр / Г. Д. Гачев. – Москва : Просвещение, 1968. – 302 с.
65. Гей Н. К. Проза Пушкина. Поэтика повествования / Н. К. Гей. – Москва : Наука, 1989. – 271 с.
66. Глушков Н. И. Очерк в русской литературе / Н. И. Глушков. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовск. ун-та, 1966. – 74 с.
67. Голубев П. Журнальные наброски / П. Голубев // Волжский вестник. – 1885. – № 123. – С. 2–3.

68. Гордович К. Д. Своеобразие жанра рассказа в творчестве Гарина-Михайловского / К. Д. Гордович // Жанровые формы в русской литературе конца XIX – начала XX веков : межвуз. сб. науч. тр. / Куйбышев. гос. пед. ин-т им. В. В. Куйбышева ; [науч. ред. А. Л. Киселев]. – Куйбышев, 1985. – С. 22–50.
69. Грачева А. М. Русская беллетристика 1900–1910-х гг.: Идеи и жанровые формы / А. М. Грачева // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза / под ред. В. Келдыша, В. Полонского. – Москва, 2009. – С. 543–587.
70. Грехнев В. А. Словесный образ и литературное произведение : кн. для учителя / В. А. Грехнев. – Нижний Новгород : Нижегородск. гуманитарный центр, 1997. – 197, [1] с.
71. Гречнев В. Я. Русский рассказ конца XIX–XX века : (Проблематика и поэтика жанра) / В. Я. Гречнев. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. – 208 с.
72. Гречнев В. Я. О прозе и поэзии XIX–XX вв.: Л. Толстой, А. Чехов, И. Бунин, Л. Андреев, М. Горький, Ф. Тютчев, Г. Иванов, А. Твардовский / В. Я. Гречнев. – Санкт-Петербург : Соларт, 2009. – 376 с.
73. Груздев А. И. Д. Н. Мамин-Сибиряк : критико-биографический очерк / А. И. Груздев. – Москва : Гослитиздат, 1958. – 182 с.
74. Гуминский В. Открытие мира, или Путешествия и странники / В. Гуминский. – Москва : Современник, 1987. – 284, [2] с.
75. Дергачев И. А. Роман Д. Н. Мамина-Сибиряка «Три конца» : дис. ... канд. филол. наук / И. А. Дергачев ; Свердловск. пед. ин-т ин. яз. – Свердловск : [б. и.], 1953. – 384, [XIV] с.
76. Дергачев И. А. Динамика повествовательных жанров русской прозы 70–90-х годов XIX века / И. А. Дергачев // Русская литература 1870–1890-х гг. – Свердловск, 1976. – Вып. 9 : Проблемы типологии реализма – С. 3–17.

77. Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк: личность, творчество / И. А. Дергачев. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1977. – 303 с.
78. Дергачев И. А. В начале восьмидесятых. Послесловие / И. А. Дергачев // Мамин-Сибиряк Д. Н. Очерки и рассказы / Д. Н. Мамин-Сибиряк ; [редкол. Л. К. Татьяничева, М. П. Аношкин и др. ; под ред. И. А. Дергачева]. – Свердловск, 1980. – С. 428–439.
79. Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Критико-биографический очерк / И. А. Дергачев. – 2-е изд., доп. – Свердловск : Средне-Урал. кн. изд-во, 1981. – 336 с.
80. Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк / И. А. Дергачев // Русская литература и фольклор (конец XIX в.) / отв. ред. А. А. Горелов. – Ленинград, 1987. – С. 275–304.
81. Дергачев И. А. Пейзаж Д. Н. Мамина-Сибиряка: школа, структура, функция / И. А. Дергачев // Модификации художественных форм в литературном процессе: Д. Н. Мамин-Сибиряк – художник / отв. ред. Г. К. Щенников. – Свердловск, 1989. – С. 38–56.
82. Дергачев И. А. Глеб Успенский и Мамин-Сибиряк / И. А. Дергачев // Дергачев И. А. Мамин-Сибиряк в литературном контексте второй половины XIX века / И. А. Дергачев. – Екатеринбург, 1992. – С. 76–94.
83. Дергачев И. А. Мамин-Сибиряк в литературном контексте второй половины XIX века : [сб. ст.] / И. А. Дергачев. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 221, [1] с.
84. Дергачев И. А. Эстетические взгляды Д. Н. Мамина-Сибиряка / И. А. Дергачев // Дергачевские чтения : тез. докл. и сообщ. науч. конф. / отв. ред. Ю. А. Мешков. – Екатеринбург, 1992. – С. 5–14.
85. Дергачев И. А. Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка – историко-литературный парадокс : [вступ. сл. на защите докт. дисс. в мае 1980 г.] / И. А. Дергачев // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2002. – № 5 (24). – С. 5–8.

86. Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870–1890-х гг. / И. А. Дергачев. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. – 284 с.

87. Дмитренко С. Ф. Художественное своеобразие святочных рассказов Д. Н. Мамина-Сибиряка: канон жанровой формы, возможности его преобразования / С. Ф. Дмитренко // Дергачевские чтения. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. А. В. Подчиненов. – Екатеринбург, 1998. – С. 91–93.

88. Евстафьева Е. Н. Д. Н. Мамин-Сибиряк в оценке русской критики (60-е – 90-е годы XX века) / Е. Н. Евстафьева // Дергачевские чтения – 2000. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы междунар. науч. конф. / сост. А. В. Подчиненов. – Екатеринбург, 2001. – Ч. 1. – С. 72–75.

89. Елина Е. Ф. Малая проза Ф. М. Решетникова. Проблема народного реализма : дис. ... канд. филол. наук / Е. Ф. Елина ; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 1992. – 202 с.

90. Ермоленко С. И. В. А. Соллогуб «Через край»: забытая страница русской романистики / С. И. Ермоленко, Н. А. Валек. – Екатеринбург : [Урал. гос. пед. ун-т], 2013. – 252 с.

91. Жданова А. В. Нарративный лабиринт «Лолиты» (структура повествования в условиях ненадежного нарратора) / А. В. Жданова. – Тольятти : Изд-во Волжск. ун-та, 2008. – 165 с.

92. Женетт Ж. Фигуры = Figures : Работы по поэтике : в 2 т. Т. 2 / Ж. Женетт ; общ. ред. С. Зенкина ; пер. с фр. Е. Васильевой, Е. Гальцовой, Е. Гречаной [и др.]. – Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 472 с.

93. Жилина Н. П. Структура повествования в рассказах В. Шукшина : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. П. Жилина ; Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. – Москва : [б. и.], 1990. – 18 с.

94. Жиличева Г. А. Нарративные стратегии в жанровой структуре романа (на материале русской прозы 1920–1950-х гг.) / Г. А. Жиличева. – Новосибирск : Новосибирск. гос. пед. ун-т, 2013. – 316 с.
95. Журбина Е. Очерк / Е. Журбина // Большая Советская Энциклопедия. – Москва, 1955. – Т. 31. – С. 486.
96. Журбина Е. И. Теория и практика художественно-публицистических жанров. Очерк. Фельетон / Е. И. Журбина. – Москва : Мысль, 1969. – 399 с.
97. Завельская Д. А. Очерк / Д. А. Завельская // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза / под ред. В. Келдыша, В. Полонского. – Москва, 2009. – С. 403–413.
98. Заметки // Неделя (Новое дело). – 1890. – № 17. – С. 545–551.
99. Зырянов О. В. Предисловие редактора / О. В. Зырянов // Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения / под общ. ред. [и с предисл.] О. В. Зырянова. – Екатеринбург, 2013. – С. 5–13.
100. Зырянов О. В. «Уральские рассказы» как художественная целостность / О. В. Зырянов // Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения / под общ. ред. [и с предисл.] О. В. Зырянова. – Екатеринбург, 2013. – С. 109–129.
101. Измайлов Н. И. Критический реализм в русской литературе XIX века. (Стенограмма публичной лекции) / Н. И. Измайлов. – Ленинград : [б. и.], 1957. – 47 с.
102. История русской журналистики XVIII–XIX веков : [учеб. для гос. ун-тов и полигр. ин-тов] / под ред. А. В. Западова. – 3-е изд., испр. – Москва : Высшая школа, 1973. – 517, [1] с.
103. Калениченко О. Н. Судьбы малых жанров в русской литературе конца XIX – начала XX века (Святочные и пасхальные рассказы, модернистская новелла) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук /

О. Н. Калениченко ; [Волгогр. гос. пед. ун-т]. – Волгоград : [б. и.], 2000. – 39 с.

104. Калугин Д. Русские биографические нарративы XIX века: от биографии частного лица к истории общества / Д. Калугин // История и повествование : сб. ст. / под ред. Г. В. Обатнина, П. Песонена. – Москва ; Хельсинки, 2006. – С. 178–196.

105. Калуцков В. Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения : учеб. пособие / В. Н. Калуцков. – Москва : Изд-во МГУ, 2000. – 94 с.

106. Каменецкая Т. Я. Эволюция повествования в произведениях Бунина 1910–1929-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Я. Каменецкая ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : [б. и.], 2008. – 34 с.

107. Каминский В. И. Пути развития реализма в русской литературе конца XIX в. / В. И. Каминский. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. – 197 с.

108. Ковыршина С. В. Философская автобиография как форма духовного творчества, жанр дискурса и нарратив эпохи : автореф. дис. ... канд. филос. наук / С. В. Ковыршина ; [Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького]. – Екатеринбург : [б. и.], 2004. – 26 с.

109. Кожевникова Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. / Н. А. Кожевникова. – Москва : Ин-т рус. яз., 1994. – 335 с.

110. Кожинов В. В. Жанр литературный / В. В. Кожинов // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – Москва, 1987. – С. 106.

111. Кожинов В. В. Повесть / В. В. Кожинов // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – Москва, 1987. – С. 281.

112. Колтоновская Е. В стороне от главного русла: Д. Мамин-Сибиряк / Е. Колтоновская // Вестник Европы. – 1913. – Кн. 2 (февр.). – С. 198–220.

113. Кондаков Б. В. Русский литературный процесс 1880-х гг. : дис. ... д-ра филол. наук / Б. В. Кондаков ; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 1997. – 493 с.
114. Кондаков Б. В. «Этическое пространство» русской литературы 1880-х гг. / Б. В. Кондаков // Вестник Вятск. гос. гум. ун-та. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2010. – № 4. – С. 95–103.
115. Корман Б. О. Избранные труды. Теория литературы / Б. О. Корман. – Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2006. – 552 с.
116. Короленко В. Г. О литературе / В. Г. Короленко ; [сост., подготовка текста и примеч. А. В. Храбровицкого]. – Москва : Гослитиздат, 1957. – 716 с.
117. Косиков Г. К. О принципах повествования в романе / Г. К. Косиков // Литературные направления и стили : сб. ст. – Москва, 1976. – С. 65–76.
118. Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. – Москва : Сов. энциклопедия, 1962–1978.
119. Краткий словарь иностранных слов / сост. С. М. Локшина. – Москва : Сов. энциклопедия, 1971. – 384 с.
120. Кргл. Новости текущей журналистики / Кргл. // Современные известия. – 1883. – № 8. – С. 2.
121. Кргл. Новости текущей журналистики / Кргл. // Современные известия. – 1883. – № 41. – С. 2–3.
122. Круковский М. Новые книги / М. Круковский // Новое слово. – 1895. – № 5. – С. 367–368.
123. Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России : автореф. дис. ... д-ра геогр. наук / М. П. Крылов ; Рос. акад. наук, Ин-т географии. – Москва : [б. и.], 2007. – 55 с.
124. Кузьмин А. И. Повесть как жанр литературы / А. И. Кузьмин. – Москва : Знание, 1984. – 112 с.

125. Кунгурцева Н. А. Типология пространства в раннем творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка (1875–1882) : дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Кунгурцева ; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2009. – 170 с.
126. Лагунова О. К. Историческая проблематика в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка : дис. ... канд. филол. наук / О. К. Лагунова. – Свердловск : [б. и.], 1985. – 214 с.
127. Ладейщиков А. С. Публицистические очерки Мамина-Сибиряка / А. С. Ладейщиков // Мамин-Сибиряк Д. Н. Статьи и очерки / Д. Н. Мамин-Сибиряк ; ред. А. Ладейщиков. – Свердловск, 1947. – С. 3–10.
128. Ладейщиков А. С. Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович / А. С. Ладейщиков // Писатели Урала: биобиблиографический справочник / сост., вступ. ст. А. С. Ладейщиков. – Свердловск, 1949. – С. 15–21.
129. Левин Ш. М. Введение / Ш. М. Левин, Г. М. Фридлиндер // История русской литературы : в 10 т. / [редкол. Б. И. Бурсов [и др.]]. – Москва ; Ленинград, 1956. – Т. 9, ч. 1 : Литература 70–80-х годов [19 в.]. – С. 5–121.
130. Лейдерман Н. Л. Движение времени и законы жанра: Жанровые закономерности развития советской прозы в 60–70-е годы / Н. Л. Лейдерман. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. – 255 с.
131. Лейдерман Н. Л. Теория жанра : исследования и разборы / Н. Л. Лейдерман. – Екатеринбург : УрГПУ, 2010. – 904 с.
132. Лимерова В. А. Жанровые разновидности путешествия в комизрянской словесности середины XIX в. / В. А. Лимерова // Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов / отв. ред. В. В. Алексеев. – Екатеринбург. 2010. – С. 165–182.
133. Литературная летопись // Всемирная иллюстрация. – 1890. – № 1110. – С. 1–2.
134. Литературное обозрение // Вестник Европы. – 1890. – № 10. – С. 844–848.

135. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – Москва : Искусство, 1970. – 384 с.
136. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Библиографический указатель. Произведения писателя и литература о нем. 1917–1976. Первые публикации произведений. 1875–1912 / сост. Л. Н. Лигостаева ; науч. ред. И. А. Дергачев. – Свердловск : [Свердловск. гос. публ. б-ка им. В. Г. Белинского], 1981. – 182 с.
137. Манн Ю. В. От Пушкина до Чехова: эволюция повествовательных форм / Ю. В. Манн // Манн Ю. В. Тургенев и другие / Ю. В. Манн. – Москва, 2008. – С. 366–421.
138. Материалы для библиографии Д. Н. Мамина-Сибиряка // Сборник «Зауральского края» («Урал»). – Екатеринбург, 1913. – С. 39–57.
139. Мельникова А. В. Типология женских образов в малой прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. / А. В. Мельникова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2012. – № 4 (108). – С. 155–163.
140. Миночкина Л. И. Д. Н. Мамин-Сибиряк – «миру детства» / Л. И. Миночкина. – Челябинск : АБРИС, 2007. – 167 с.
141. Митрофанова Л. М. Башкирский образ мира в творчестве писателя / Л. М. Митрофанова // Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения / под общ. ред. [и с предисл.] О. В. Зырянова. – Екатеринбург, 2013. – С. 65–73.
142. Мосалева Г. В. Особенности повествования: от Пушкина к Лескову : монография / Г. В. Мосалева. – Ижевск : Удмурт. ун-т ; Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 272 с.
143. Муратова К. Д. Возникновение социалистического реализма в русской литературе / К. Д. Муратова. – Москва ; Ленинград : Наука [Ленингр. отд-ние], 1966. – 279 с.
144. Наблюдатель // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – Санкт-Петербург, 1897. – Т. 20 (39). – С. 395–396.

145. Неведомский М. Д. Н. Мамин-Сибиряк / М. Неведомский // Неведомский М. Зачинатели и продолжатели : Поминки, характеристики, очерки по русской литературе : от дней Белинского до дней наших / Мих. Неведомский. – Петроград, 1919. – С. 336–340.

146. Николаев П. А. К вопросу о типологических характеристиках реализма (опыт русской критики 70–90-х годов XIX в.) / П. А. Николаев // Проблемы типологии русского реализма : сб. ст. / под ред. Н. Л. Степанова, У. Р. Фохта ; АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. – Москва, 1969. – С. 455–472.

147. Николаев П. А. Литературные жанры / П. А. Николаев // Введение в литературоведение : [учебник для вузов по специальности «Русский язык и литература»] / Г. Н. Поспелов, П. А. Николаев, И. Ф. Волков [и др.] ; под ред. Г. Н. Поспелова. – Москва, 1988. – С. 398–427.

148. Новые книги // Русское богатство. – 1898. – № 5. – С. 32–35.

149. О. Т. В. Из литературных наблюдений / О. Т. В. // Русская мысль. – 1895. – № 11. – С. 76–82.

150. Остроумова-Сигова Н. В. Воспоминания о Д. Н. Мамине / Н. В. Остроумова-Сигова // Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников / [подг. текста и коммент. Б. Д. Удинцева ; общ. ред. и вступ. ст. И. А. Дергачева]. – Свердловск, 1962. – С. 147–155.

151. П. М. Журнальные этюды / П. М. // Неделя (Новое дело). – 1883. – № 9. – С. 286–291.

152. Петрова М. А. Ретроспекция как способ построения лирического сюжета в поэзии С. А. Есенина: мотив воспоминаний / М. А. Петрова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Сер.: Филологические науки. – 2011. – № 4. – С. 40–46.

153. Подлесных А. С. Геопэтика Алексея Иванова в контексте прозы об Урале : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. С. Подлесных ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : [б. и.], 2008. – 23, [1] с.

154. Пономарева М. Г. Способы организации ретроспективного повествования в рамках исторического художественного дискурса / М. Г. Пономарева // Дергачевские чтения – 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы X Всерос. науч. конф. : в 3 т. / [сост. А. В. Подчиненов]. – Екатеринбург, 2012. – Т. 2. – С. 287–297.

155. Пospelов Г. Н. Очерк / Г. Н. Пospelов // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – Москва, 1987. – С. 263–264.

156. Практикум по жанровому анализу литературного произведения / Н. Л. Лейдерман [и др.]. – Екатеринбург : УрГПУ, 1998. – 39 с.

157. Пращерук Н. В. Забытый роман Д. Н. Мамин-Сибиряка / Н. В. Пращерук // Кормановские чтения : ст. и материалы Межвуз. науч. конф. / отв. ред. Д. И. Черашняя. – Ижевск, 2014. – Вып. 13. – С. 133–139.

158. Проскурина Ю. М. Натуралистические тенденции в стилиевой палитре Мамина-Сибиряка начала 1880-х годов / Ю. М. Проскурина // Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка в контексте русской литературы : материалы науч.-практ. конф. / Урал. гос. ун-т ; Урал. гос. пед. ун-т ; Объединенный музей писателей Урала ; Союз писателей РФ (екатеринбургское отд-ние). – Екатеринбург, 2002. – С. 14–22.

159. Проскурина Ю. М. Образ автора в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка начала восьмидесятых годов XIX века / Ю. М. Проскурина // Модификации художественных форм в литературном процессе: Д. Н. Мамин-Сибиряк – художник / отв. ред. Г. К. Щенников. – Свердловск, 1989. – С. 31–38.

160. Прохоров Г. С. Поэтика художественно-публицистического единства (на материале литературы периода классического посттрадиционализма) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г. С. Прохоров ; [Рос. гос. гуманитар. ун-т]. – Москва : [б. и.], 2013. – 34 с.

161. Пруцков Н. И. Русская классическая литература и наша современность / Н. И. Пруцков. – Москва ; Ленинград : Наука. Ленингр. отделение, 1965. – 248 с.

162. Рикер П. Время и рассказ = Temps et Recit : в 2 т. Т. 2: Конфигурация в вымышленном рассказе / П. Рикер ; науч. ред. И. И. Блауберг ; пер. Т. В. Славко. – Москва ; Санкт-Петербург : ЦГНИИ ИНИОН РАН Культурная инициатива – Университетская книга, 2000. – 224 с.

163. Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге нового времени: пути формирования русской беллетристики переходного периода / Е. К. Ромодановская. – Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма, 1994. – 232 с.

164. Русская литература : универсальное пособие для школьников и абитуриентов / под ред. М. А. Литовской, Н. Б. Руженцевой, Е. К. Созиной. – Екатеринбург : У-Фактория, 2003. – 544 с.

165. Семанова М. Л. Примечания / М. Л. Семанова, Е. Н. Коншина // Чехов А. П. Собр. соч. : в 12 т. Т. 10 / А. П. Чехов. – Москва, 1956. – С. 555–595.

166. Силантьев И. В. Мотив как единица художественного повествования / И. В. Силантьев // Русская литература XIX–XX вв.: поэтика мотива и аспекты литературного анализа : [сб. ст., посвящ. юбилею Л. П. Якимовой] / СО РАН, Ин-т филологии ; отв. ред. чл.-корр. РАН Е. К. Ромодановская. – Новосибирск, 2004. – С. 150–167.

167. Силантьев И. В. Мотивный анализ : учеб. пособие / И. В. Силантьев, В. И. Тюпа, Ю. В. Шатин. – Новосибирск : Новосибирск. гос. ун-т, 2004. – 240 с.

168. Силантьев И. В. Сюжетологические исследования / И. В. Силантьев. – Москва : Языки славянской культуры, 2009. – 224 с.

169. Силантьев И. В. Жанровый статус сюжетного произведения / И. В. Силантьев // Школа теоретической поэтики : сб. науч. тр. к 70-летию

Натана Давидовича Тамарченко / Рос. гос. гуманит. ун-т, Ин-т филологии и истории, Каф. теорет. и ист. поэтики. – Москва, 2010. – С. 166–171.

170. Силантьев И. В. Нарратив в литературе и истории. На материале дневниковой прозы А. Герцена 1840-х гг. / И. В. Силантьев, Е. К. Созина // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 3. – С. 58–68.

171. Скабичевский А. М. Мамин-Сибиряк / А. М. Скабичевский // Новое слово. – 1896. – № 1. – С. 125–142; № 2. – С. 121–146.

172. Скабичевский А. Сочинения А. Скабичевского: критические этюды, публицистические очерки, литературные характеристики: в 2 т. Т. 2 / А. Скабичевский. – Изд. 3-е. – Санкт-Петербург : [Ф. Павленков], 1903. – 940 стб.

173. Слобожанинова Л. М. Типология малых жанров в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка / Л. М. Слобожанинова // Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения / под общ. ред. [и с предисл.] О. В. Зырянова. – Екатеринбург, 2013. – С. 96–109.

174. Словарь иностранных слов / [науч. ред. А. Г. Спиркин и др.] – 14-е изд., испр. – Москва : Рус. яз., 1987. – 606 с.

175. Современное зарубежное литературоведение. Страны Западной Европы и США: концепции, школы, термины : энциклопедический справочник / науч. ред., сост. И. П. Ильин, Е. А. Цурганова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Интрада, 1999. – 320 с.

176. Созина Е. К. «Лицо» и «образ» автора в произведениях писателей Урала конца XIX – начала XX века / Е. К. Созина // Литература Урала: история и современность : сб. ст. / РАН, Урал. отд-ние, Ин-т истории и археологии ; Объединенный музей писателей Урала ; [отв. ред. Е. К. Созина]. – Екатеринбург, 2007. – Т. 1, вып. 3: Материалы III Всерос. науч. конф. «Литература Урала: автор как творческая индивидуальность (национальный и региональный аспекты)». – С. 9–34.

177. Созина Е. К. Автобиографическая проза Д. Н. Мамина-Сибиряка (некоторые заметки) / Е. К. Созина // Лицо и стиль : сб. ст. – Екатеринбург, 2009. – С. 131–142.

178. Созина Е. К. Историко-культурный ландшафт Урала: к методологии исследования / Е. К. Созина // Литература Урала: история и современность: сб. ст. / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2011. – Вып. 6 : Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть. – С. 7–15.

179. Созина Е. К. Этнографическая беллетристика в русской литературе рубежа XIX–XX в. / Е. К. Созина // Круги времен : [сб. ст.] В память Елены Константиновны Ромодановской / отв. ред. В. А. Ромодановская, И. В. Силантьев, Л. В. Титова ; Ин-т филологии СО РАН. – Москва, 2015. – С. 625–636.

180. Страхов Н. Н. Литературная критика / Н. Н. Страхов ; [вступ. ст. Н. Н. Скатова]. – Москва : Современник, 1984. – 431 с.

181. Тагер Е. Б. Новый этап в развитии реализма / Е. Б. Тагер // Русская литература конца XIX – начала XX века. Девяностые годы / [отв. ред. Б. А. Бялик]. – Москва, 1968. – С. 92–141.

182. Тamarченко Н. Д. Повествование / Н. Д. Тamarченко // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины : учеб. пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман [и др.] ; под ред. Л. В. Чернец. – Москва, 1999. – С. 279–295.

183. Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения / под общ. ред. [и с предисл.] О. В. Зырянова. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2013. – 479 с.

184. Теоретическая поэтика: понятия и определения : хрестоматия для студентов / авт.-сост. Н. Д. Тamarченко. – Москва : РГГУ, 2002. – 467 с..

185. Теория литературы : учеб. пособие : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тamarченко. – Москва : Академия, 2004.

186. Тоболин И. Капиталистический процесс в творчестве Мамина-Сибиряка / И. Тоболин // Уральский рабочий. – 1923. – 1 янв.
187. Тодоров Ц. Понятие литературы / Ц. Тодоров // Семиотика : [сб. ст.] / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. – Москва, 1983. – С. 355–369.
188. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова) / В. И. Тюпа. – Тверь : Изд-во Тверского гос. ун-та, 2001. – 65 с.
189. Тюпа В. И. Нарративная стратегия притчи в литературной традиции / В. И. Тюпа // Притча в русской словесности: от Средневековья к современности : коллект. монография / отв. ред. Е. Н. Проскурина, И. В. Силантьев. – Новосибирск, 2014. – С. 34–78.
190. Удалов В. Л. Пьеса Д. Н. Мамина-Сибиряка «На золотом дне» – финальная редакция «Золотопромышленников» / В. Л. Удалов // Уральский исторический вестник. – 2012. – № 1. – С. 97–102.
191. Удалов В. Л. Новый тип пьесы: комедия Д. Н. Мамина-Сибиряка «Маленькая правда» / В. Л. Удалов // Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения / под общ. ред. [и с предисл.] О. В. Зырянова. – Екатеринбург, 2013. – С. 320–330.
192. Успенский Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 349 с.
193. Фохт У. Р. Типологические разновидности русского реализма (к методике изучения вопроса) / У. Р. Фохт // Проблемы типологии русского реализма: сб. ст. / под ред. Н. Л. Степанова, У. Р. Фохта ; АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. – Москва, 1969. – С. 39–80.
194. Фрадкин Н. Г. Необыкновенные путешествия / Н. Г. Фрадкин. – Москва : Мысль, 1978. – 144 с.
195. Франк С. Русские травелоги середины 1930-х годов / Сузи Франк // Беглые взгляды. Новое прочтение русских травелогов первой трети XX

века : сб. ст. / [сост.: В.-С. Киссель, Г. А. Тиме ; пер. с нем. Г. А. Тиме]. – Москва, 2010. – С. 180–211.

196. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг ; подгот. текста и общ. ред. Н. В. Брагинской. – Москва : Лабиринт, 1997. – 448 с.

197. Хализев В. Е. Теория литературы : [учебник для вузов] / В. Е. Хализев. – Москва : Высшая школа, 1999. – 400 с.

198. Хрущева Е. Н. Поэтика повествования в романах М. А. Булгакова : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Хрущева ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2004. – 19 с.

199. Чалая И. П. Культурно-ландшафтное районирование Тверской области / И. П. Чалая, Ю. А. Веденин. – Москва : Рос. НИИ культур. и природ. наследия, 1997. – 285 с.

200. Чернец Л. В. Литературные жанры. Проблемы типологии и поэтики / Л. В. Чернец. – Москва : Изд-во МГУ, 1982. – 191 с.

201. Чехов А. П. Письмо к М. П. Чеховой 29/IV 1890 / А. П. Чехов // Чехов А. П. Собр. соч. : в 12 т. Т. 11 / А. П. Чехов ; [прим. Н. И. Гитович]. – Москва, 1957. – С. 435–438.

202. Чехов А. П. Письмо к А. С. Суворину 23/III 1895 / А. П. Чехов // Чехов А. П. Собр. соч. : в 12 т. Т. 12 / А. П. Чехов ; [прим. Н. И. Гитович]. – Москва, 1957. – С. 78–79.

203. Чехов А. П. Письмо к И. Н. Потапенко 26/II 1903 / А. П. Чехов // Чехов А. П. Собр. соч. : в 12 т. Т. 12 / А. П. Чехов ; [прим. Н. И. Гитович]. – Москва, 1957. – С. 528–529.

204. Чудаков А. П. Поэтика Чехова / А. П. Чудаков. – Москва : Наука, 1971. – 291 с.

205. Чудаков А. П. Ароморфоз русского рассказа (к проблеме малых жанров) / А. П. Чудаков // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза / под ред. В. Келдыша, В. Полонского. – Москва, 2009. – С. 365–396.

206. Шмелева Ю. В. Поэтика малых жанров Н. С. Лескова (1880–1890-е годы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. В. Шмелева ; [Ивановск. гос. ун-т]. – Иваново : [б. и.], 2001. – 18 с.
207. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
208. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Языки славянской культуры, 2008. – 301, [3] с.
209. Шубин Э. А. Современный русский рассказ: вопросы поэтики жанра / Э. А. Шубин. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 182 с.
210. Щедрин Н. Полн. собр. соч. Т. 19, кн. 2 : Письма (1876–1884) / Н. Щедрин (М. Е. Салтыков); ред. и вступ. ст. В. Я. Кирпотина ; ред. текста и комментарии Н. В. Яковлева. – Москва : Гослитиздат, 1939. – 580 с.
211. Щенников Г. К. Творческие открытия Д. Н. Мамина в повестях рубежа 1880–1890-х гг. / Г. К. Щенников // Русская повесть как форма времени : сб. ст. / отв. ред. А. С. Янушкевич. – Томск, 2002. – С. 227–237.
212. Щенников Г. От редакции / Г. Щенников // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. : в 20 т. Т. 1: Художественные произведения 1875–1882 гг. – Екатеринбург, 2002. – С. 5–10.
213. Щенников Г. К. Литературные дебюты Д. Н. Мамина / Г. К. Щенников // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. : в 20 т. Т. 1: Художественные произведения 1875–1882 гг. – Екатеринбург, 2002. – С. 876–897.
214. Щенников Г. К. Примечания / Г. К. Щенников, Л. П. Щенникова // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собрание сочинений : в 20 т. Т. 3: Горное гнездо. Дикое счастье. Повести, рассказы и очерки 1883–1884 гг. – Екатеринбург, 2007. – С. 976–986.
215. Эпштейн М. Н. Новелла / М. Н. Эпштейн // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – Москва, 1987. – С. 248.

216. Якимова Л. П. Архетипические черты «особенного человека» в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Без названия» / Л. П. Якимова // Уральский исторический вестник. – 2009. – № 1 (22). – С. 16–22.

217. Якимова Л. П. Рассказы Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. «В худых душах» и «Все мы хлеб едим» / Л. П. Якимова // Литература Урала: история и современность : сб. ст. / РАН, Урал. отд-ние, Ин-т истории и археологии ; Объединенный музей писателей Урала ; [отв. ред. Е. К. Созина]. – Екатеринбург, 2010. – Вып. 5 : Национальные образы мира в региональной проекции. – С. 422–436.

218. Якимова Л. П. Чехов и Мамин-Сибиряк : точки пересечения / Л. П. Якимова // Сибирские огни. – 2010. – № 7. – С. 166–179; № 8. – С. 159–172.

219. Янков И. В. Нарратив в историческом освоении действительности: феномен обновления и социокультурный смысл : дис. ... канд. филос. наук / И. В. Янков ; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 1997. – 128 с.

220. Klimowicz T. Dmitrij Mamin-Sibiriak i problemy naturalizmu w literaturze rosyjskiej / T. Klimowicz. – Wrocław: Wydawnictwa uniwersytetu wrocławskiego, 1979. – 159 s.

221. Lazarus A. Modern English. A Glossary of Literature and Language / Arnold Lazarus, Andrew MacLeish, H. Wendell Smith. – New York : Grosset & Dunlap, 1971. – 462 p.

222. Schernus W. Verfahrensweisen historischer Wissenschaftsforschung Exemplarische Studien zu Philosophie, Literaturwissenschaft und Narratologie : Dissertation zur Erlangung des Grades des Doktors der Philosophie beim Fachbereich Sprach-, Literatur- und Medienwissenschaft der Universität Hamburg / W. Schernus. – Hamburg : [s. l.], 2005. – 354 s.

223. Shaw H. Dictionary of Literary Terms / Harry Shaw. – New York : McGraw-Hill Book Company, 1972. – 402 p.

224. Sierotwiński S. Słownik terminów literackich / Stanisław Sierotwiński. – Wrocław : Polskie Towarzystwo Orientalistyczne, 1966. – 307 s.

225. White H. The Content of the Form. Narrative Discourse and Historical Representation / H. White. – Baltimore ; London : The Johns Hopkins University Press, 1987. – 264 p.

226. Wilpert G. von. Sachwörterbuch der Literatur / Gero von Wilpert . – Stuttgart : A. Kröner, 1969. – 662 s.